

ISSN 2409-1014

Журнал
Российский колокол

№ 5-6
2016

Москва, 2016

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2Рос=Рус)6
Р 76

Главный редактор Максим Замшев

Первый заместитель главного редактора Александр Гриценко
Заместитель главного редактора Максим Свириденков

Шеф-редактор Анастасия Лямина

Ответственный секретарь Анна Лизунова

Заместитель ответственного секретаря Анатолий Филиппов

Web-редактор Максим Свириденков

Верстка Ольга Аврах

Корректор Людмила Романенко

Рабочая редколлегия:

Дмитрий Дарин, Виктор Перегудов, Андрей Щербак-Жуков,
Николай Калиниченко

Общественная редколлегия:

Владимир Бояринов, Альберт Иванов, Сергей Есин, Валентин Сорокин,
Алексей Проскурин, Лев Котюков, Альберт Оганян, Александр Фитц (директор
Западноевропейского бюро), Олег Гайданов, специальный корреспондент
по Германии и Австрии Сергей Дербер

При перепечатке ссылка на Журнал «Российский колокол. Выпуск №5-6»
обязательна

Редакция не рецензирует присланные работы
и не вступает в переписку с авторами

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Учредители:

Московская городская организация Союза писателей России
Фонд «Литературный фонд Петра Проскурина»

Адрес редакции: 107023, Москва, ул. Большая Семёновская, д.40, стр.1, офис 511

Тел. (495) 988-89-79

izdato@inwriter.ru

Электронная версия: ros-kolokol.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия 9.11.04, ПИ № ФС 77-18759

Журнал выходит при содействии Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ISSN 2409-1014

Тираж 20 000 экземпляров, формат 60×90/16. Бумага офсетная, печать офсетная

Отпечатано в типографии:

Интернационального Союза писателей

107023, Москва, ул. Большая Семёновская, д.40, стр.1, офис 511

Тел. (495) 988-89-79

info@inwriter.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА: Анастасия Лямина	11
Главный ресурс журнала – его авторы	11
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ	14
Ли Гевара	16
«Мир лежит на спине...»	17
10 000 метров	18
Арифметика четвертования	20
Мнемодия	21
Поколение ищущих! Я – ваш приبلудный сын	22
Нужные люди	23
Боги в белых халатах	24
«Мой доктор сказал...»	26
Тишина	27
...и немного море	28
Мне не страшно	29
«Больше не буду писать тебе...»	30
Когда уезжаете	31
Цветы для Элджернона	31
Фантастам	32
«Слова со вкусом сигарет...»	33
«Присни меня себе...»	34
Точка – тире – осень	35
Возврат	36
Зимнее регги	37
«Февраль стекает с труб...»	38
«Хихикает месяц. Окна домов глазюют...»	39
«Словам конец...»	40
«С возвращением, Ли...»	41
«Сутки тикают часами...»	42
«Украиниада»	44
«Здравствуй, столица свободных безумий...»	46
Тени	47
Гимн нечаянному оптимизму	49

Константин Кедров-Челищев	51
Мойкрым	52
Казантип	52
Чернильница моря	54
Мелодия для зурны	55
Море	56
Крест	57
Леди льда	57
Ниш о лов Волошин	58
Прибой в Казатипе	58
Наталья Колесникова	59
Ладони ветра	61
«Я выпала из времени традиций...»	61
Детство	61
«Ты алеющую радость...»	62
«Я тебя дорогам не отдам...»	63
«Есть цитаты – с запахом цитрина...»	64
«Есть мир, где воздух солнцем не согрет...»	65
Лето	65
«Любимая тень от любимых ресниц...»	66
«Хочется выбежать в час фонарей...»	66
«Вы уходите? Ну что же...»	67
Пустота	68
«Коварный ветер стреляет в спину...»	69
«Кто сказал, что герои не плачут...»	70
«Я нарисую ваш портрет...»	70
Астраханские витражи	71
Осень	72
Возвращение	73
Королева теней	73
«Мне холодно: тепла хочу...»	74
Ночь	75
«Поэты, тонкие, как травы...»	76
«Поэзии нужна трагедия...»	77
«Не говори со мной, печальная Баньши...»	78
«Мои глаза сегодня – две большие лодки...»	78
«Молчать? Скрывать себя в себе...»	79
«Эта девушка не больна...»	80
«Я люблю...»	80
«Снежинки корчатся от боли...»	81

«Звёзды плачут очень редко...»	82
«На стене заброшенного дома...»	82
«Почему-то грустно-грустно...»	83
«Вы приходите – счастья миг...»	84
«Вы уедете на месяц, на года...»	84
«Гуляет по городу женщина-вамп...»	85
«Моя любовь не исчисляется временем...»	86
«Я сидела на ступеньках храма...»	87
«Где нимб мой...»	87
«Я отдам свою жизнь ...»	88
«Московский снег, как белое вино...»	89
«Хочу увидеть небо бирюзовым...»	90
Андрей Новиков	91
Истукан	92
Перекрестье	92
Ной	93
Alter ego	94
Клерк	94
Кто мы?	95
Родное	95
Дождливый сад	96
Ветры времени	97
Запруда	97
Запретный город	98
Ольга Панюшкина	100
Капитанский блюз	102
Мама	103
Маяк	104
Поговори со мной	106
Вера, Надежда, Любовь	107
Родина	108
Что подарить тебе	109
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА	112
Ярослав Веров	114
Монохромный охотник	117

Виктория Балашова	136
Людочка	138

Андрей Новиков	146
Петруня и Порошок	147
Журавль у дороги	149
Говорунчик	151
Комсомольская бабка	157
Валера-Чумак	160

Елена Соловьева	162
Альпенгольд	163

ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ

Викса Бездомная	204
Весна и Вавилон	205
Портрет писателя	205
Московское рэгги	206
Пригласи меня на Байконур - на свидание	206
Под столом из прошлой жизни, где живут хиппи	207
У края Мира	207
О том, что скоро будут перемены	208
Жизни обрывки	208
Игры с мирозданием	209
Богу	209
Московские окна	210
В грязных штанах.....	211
Вызовы грядущему	211
На бочке с пивом	212
Я остаюсь не здесь	212
Из книги «Осенняя почта»	213
«Чтобы писать - а что...»	213
Другу	213
Вечернее	214
Осенняя почта	214
«Мои стихи - не те, что у Марины...»	215
Под снежным покрывалом	215
«По первому снегу пройду в тишине...»	216
«Настанет то время, когда...»	216
Простое ремесло	217

Сбивчивый рассказ	217
У адовых ворот	218
Полина Корицкая	219
Среда	220
Море	220
«Привет, я сегодня пьяная...»	221
Чертово колесо	222
Женщина с шаром	223
«Где лес – что кладезь, а топи – зыбки...»	224
Журавлик	225
«Я заплачу тихонько, как птица...»	226
«Я по наследству беременна болью...»	227
«Я себя ощущаю ветошью...»	227
Возвращение	228
Романс	229
С широко закрытыми глазами	229
Саломея	230
«Все светится, блещет, пляшет...»	231
Сказ про дурака	231
Жирафа	233
Sanction-блюз	234
Земной поклон	235
Ответ дочке	235
ПУБЛИЦИСТИКА	238
Анатолий Ливри	240
Лазурный Берег шахидов	241
Микитка купчик и вечность	242
ИНТЕРВЬЮ	246
Елена Васильева	248
Анатолий Изотов:	
«По-прежнему пишу, потому что не могу не писать»	248
Счастливый человек удивительной эпохи. Саша Кругосветов о жизни, работе, творчестве	253

Злата Якушова	259
Автор «без купюр». Андрей Шаргородский и его многочисленные открытия	259

ГОЛОСА ПРОВИНЦИИ

Александр Малышев	266
Парус	267
Рыбацкая память	271

Елена Шеремет	275
«Когда б поэзия звучала...»	276
Метаморфозы	276
Пятигорску	276
Маленькое счастье	277
Я с тобой	278
Заигралась весна	278
От обид	279
Вновь покров	279
И растворится разочарованье	280
Усталость	280
Аты, баты	280
Защищая Натали	282
Не спится	283
Рядом я	283
Нет покоя	283
Оголённый нерв	284
Люблю	285
Морю	285
Жизни графика	286
Музыка	286
Георгины	287
Мой апрель	287

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ

Сергея Фу	291
Господин Осветитель	292

РЕЦЕНЗИИ	308
Злата Якушова	310
Посвящение в «Пикап»	310
С Верой в счастливое будущее	312
Елена Васильева	315
Живите в России, это наша земля	315
Алена Вернер	315
Преодолевая политическую боль, любить Россию	315

СЛОВО РЕДАКТОРА

*Анастасия
Лямина*

*Главный ресурс
журнала -
его авторы*

Уважаемые авторы и читатели журнала «Российский колокол». Рады представить вам очередной выпуск известного в России и за рубежом литературного издания.

Самым ценным ресурсом нашего журнала являются сами авторы: их взгляды на жизнь, историю, общество и актуальные события. За минувшие годы на страницах журнала увидели свет труды таких известных писателей, как Сергей Лукьяненко, Александр Проханов, Евгений Рейн, Роман Сенчин, Евгений Евтушенко, Константин Кедров, Анатолий Ливри, Александр Мамонтов, Сергей Волков и многие другие... И эти авторские ряды с каждым выпуском пополняются новыми яркими именами. Журнал «Российский колокол» стремится оставаться преданным традициям современной литературной периодики, публикуя произведения известных мастеров литературы и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Вот и в новом номере помимо рубрик «Современная поэзия» и «Современная проза», которые традиционно занимают центральное место в журнале, в разделе «Литература молодых» вы познакомитесь с творчеством талантливых молодых авторов. В рубрике «Интервью» встретитесь с интересными писателями. Вас ждет открытый разговор на актуальные темы с Андреем Шаргородским, рассказ о путешествиях Анатолия Изотова и его романе «Верка», а в

беседе с Львом Яковлевичем узнаете, чем жизнь Саши Кругосветова отлична от реальности Льва Лапкина. И это еще половина из того, что мы приготовили для читателей в этом выпуске журнала «Российский колокол».

Наша редколлегия ждет отзывы о каждом новом выпуске: прислушивается к критике и принимает предложения по улучшению как внешнего облика издания, так и его содержания.

Приятного чтения!

Современная поэзия

Российский
КОЛОКОЛ

Ли Гевара

На пути к своему появлению Ли Гевара стойчески преодолела множество препятствий – школу с углублённым изучением английского языка, театральную студию «ФАРТ» при Севастопольском академическом русском драматическом театре им. Луначарского, отделение журналистики Черноморского филиала МГУ им. Ломоносова, Государственную школу-студию (вуз) при Крымском академическом рус-

ском драматическом театре им. Горького... Окончательно же ей, пожалуй, удалось родиться в 2011 году на кухне общежития Киевского национального университета театра, кино и телевидения им. Карпенко-Карого, где она и поныне, наверное, осталась частично – с гитарой в руках и нетерпеливым взглядом в безоблачное светлое будущее, не догадываясь, что самые настоящие трудности ещё только впереди. Но одно Ли всегда знала точно: что бы ни случилось и где бы она ни оказалась – в дороге или в больничной палате, посреди самого что ни на есть реального, оглушающего страха – с ней всегда будет её воздух. Её стихи.

Сегодня Ли Гевара – член Севастопольского литературного общества им. Озерова, член Союза литераторов России и лауреат различных поэтических конкурсов и фестивалей. И твёрдо верит в то, что, пока её будет читать хоть один человек, пока о ней будут помнить и даже, быть может, брать в руки её книги, прикасаясь пальцами к чёрно-белым знакам её души – всё не напрасно.

И это ли не секрет бессмертия?..

Мир лежит на спине

Мир лежит на спине, подставив веснушки Марсу.
Мир лежит на спине – крохотный и безымянный.
Мир лежит. А под ним бегут, а в него стучатся
волны каждого из всемирнейших океанов.

– Открывай, – говорят, – здесь темно, – говорят, – и страшно!
Здесь ко дну, – говорят, – как будто прилипли камни,
они что-то кричат на неведомом черепашьем,
но страшнее всего – когда они замолкают.

Забери нас, пожалуйста, дай просочиться в кожу,
мы наполним тебя живой изумрудной влагой,
мы с тобой – водород с кислородом, мы так похожи...
Мир вдыхает волну за волной.
Мир впивает волну за волной.
Мир листает волну за волной,
и вода с этих пор – бумага.

Мир лежит на спине: чистый лист – ни полос, ни пятен.
Тишина, за которой слову родиться легче.
В тишину ударяют камни – гвоздём в распятые,
оставляют следы и тонут, и Миру легче,
но, если прислушаться – вот что они лепечут:

– Ты лежишь на спине и не знаешь о нас ни строчки.
А ведь нас придумали же, оторвали же, спяну, с корнем,
каждому дали имя, вдохнули почерк,
да и пустили сплеча в ледяное море -

нас, хранящих доселе по отпечатку солнц.
Вымечтали, забыли вовремя отпустить.
Мы должны были стать людьми. Сотвори нас хотя бы мифами...
Мир отрывает от сердца большой кусок с
тонкими рифмами, тёплыми, как песок,
пронесённый в кармане с запада на восток.
Рифмам отныне – сквозь многие штормы плыть.

Сбереги их, Господь, от рифов!..

Плывущему – море,
плывущему – город,
и в счастье, и в горе
блажен, кто плывущ.

Смотри! – вместо мира крохотного,
из стихоплети грохота
рождается полущёпотом
книга огромных душ...

...Солнце скалится сверху жёлтым осколком бус.
Зной обнимает мир, зной солонит на вкус.
Соль изменяет суть, превращаясь в соло.

С берега Мир зовут поедать арбуз.
Мир отфыркивается, цепляет ногой медуз

и плывёт на голос.

10 000 метров

В толпе, если идти по течению, можно услышать море.
Все фото из аэропорта – всегда на фоне людей.
Люди, люди вокруг – на улицах ли, в метро ли,
люди в самом огромном городе перерастают город...
Остановись. Над тобой ведь небо, может быть, сотня неб,

в каждом – свои созвездия, солнца и самолёты.
Остановись внезапно, как если бы вдруг услышан был,
зажат самой звонкой струной в аккорде,
как будто бы все в плащах, только ты – в рваной радости не по погоде,
замри... подними глаза к холсту между крышами...

Видишь – там, наверху, кто-то выронил два крыла
белой каплей на голубом одеяле ветра.
Это не солнце – бронза, не облако – тетива,

это из лука Москвы в небо выпущен человек-стрела – человек-стрела высотой в 10 000 метров.

Самый маленький человек, человек невидимый,
не окликнуть его, не прикоснуться, не написать ему,
он надёжно упрятан в каркас, в смесь стали и лития,
влит спиной в своё частное двухчасовое укрытие.
Там, внизу, где-то кровопролитие, врут писатели

о настолько большом и светлом, что кажется – тьма и тесно.
Там, внизу, человеку тоже бояться, злиться, куда-то деться,
человека так крепко ждут – друзья, или мать, или почти невеста,
оплетают память о нём паутиной точь-в-точь по мерке.
Ему потом – не летать, на ноги наступать, биться рыбой на толстой ле-
ске...
Но сейчас у него есть это тридцать четвёртое место,
облака да блокнот, в котором он, маленький, пишет тексты
про большую любовь высотой в 10 000 метров.

И вокруг – никого, целый мир никого, целый мир – на одной ладошке.
Надо лишь превратиться в стрелу, в эту взлётность, порывистость, сроч-
ность
с каждой строчкой, одуванчиком пробивающейся сквозь толщу
обетоненной глади... Ты ведь тоже так можешь. Остановись. Дыши.
Ибо сверху и ты – невидимый, ты – кружево
пятен и линий в межоблачных редких отдушинах.
И, покуда твоё публичное одиночество не нарушено,
купи в ближайшем ларьке блокнот и пиши.
Обо всём пиши.

И я в этот миг тоже
стану безмерно крошечной,
стану стрелой, может,
брошусь из рук монеткой –
и подниму глаза: где-то там пролетает росчерком
огромная жизнь в маленькой капле, боже мой,

целая жизнь надо мной – высотой в 10 000 метров.

Арифметика четвертования

Берём одно яблоко. Делим его на два.
Нет, вы на диете; значит – на все четыре
стороны. Размусоливаем по квартире
свежевыжженные яблочные слова.

Можно добавить текста – покорчиться на полу,
представив не пол, а, скажем, асфальт на Манежной.
Дано: четыре угла. В каждом углу – по надежде.
Сколько надежд убито в каждом таком углу?

Берём один век. Век делится без остатка.
Дольки ровны и хрустки, цифры беспечно быстры,
но, как пела некогда группа «Контрольный выстрел»:
«он должен успеть». До ближайшего полустанка

есть ещё две сигареты и более чем глаза.
Ответы должны быть в конце учебника, но это простой пример.
МонаЛизово улыбайся: люди любят улыбчивых полумер.
Привычку идти домой, а прийти на пустой вокзал,

забывать на скамьях блокноты, падать в московский снег,
влюбляться в глаза в метро, занашивать кеды вдребезги,
оставляй в наследство себе архивному, безболезному,
кто ещё помнит панический за-автобусный бег,

кому ещё рано вести отсчёт потерянных городов.
Кто в вагоне, слившись лопатками с надписью «не прислоняться»,
отталкиваясь подошвами от злого земного глянца,
повторяет под нос: «он должен успеть... он до...»

Берём одну жизнь. Не делим – сама развалится.
Вычёркиваем имена, выбрасываем сбережения,
пусть всё, что есть – дорога, не знающая возвращений,
да улыбка, вживлённая в бледный овал лица.

Дано: одно яблоко, ощущающееся стальными
иглами в двух дециметрах над дырочками ремня.

Если 25 лет в формате Вселенной – спичка в кострище дня,
пусть она полыхает ярче эдисоновской Полыни.

Я беру одну музыку. Доли сплошь четвертные.
Пульс гремит римшотом, запястье сквозь сон дробя.

Итого: моя долька доедена без меня.
Но, может быть, мне достанутся остальные?..

Мнемодия

– Я был на пороге. Я был вовне,
и извне я тоже был.
Я пил мировую в любой войне,
свободен и легкокрыл.

С балкона был виден залив и луг
в кармане хмельного дня.
Я был Одиссеем. Я верил в лук,
и лук мой верил в меня.

Лети, стрела! Догоняй, стрела!
Кто спрятался – не герой.
И за углом подбери меня -
я полечу с тобой.
И за углом подожди меня -
я ведь тебя пустил.
Сквозь замутнённые времена
дай мне увидеть быль:

там, за углом, где стоит трамвай,
я знаю – трава и ров,
Троя в объятых спартанских стай,
Спарта в хламиде вдов;

через бетон проплыву дельфином,
морем взорвутся стёкла -
из всех отражений моя Афина

глядит на меня, синеокая.
Корабль – в бурю, душа – ко дну.
Хайре, партенос, хайр!
Я был Одиссеем. Я выбрал одну
из шедших мне Навсикай.

И горное соло сменялось на
разбитый о скалы хор
всех недолюбленных мной наяд...
Думаешь, это вздор?

Думаешь, не было тишины,
разбавленной льдом сирен,
и подвигов не было, и войны
на фоне троянских стен?
Я был Одиссеем, милая! Был!
Я видел, как плакал малыш Ахилл,
скучала по скрипу моих ветрил
Итака... как же я долго плыл!

Пой, Пенелопа, плети со мной
мнемодию ночи вспять...

– Конечно, я верю тебе, родной.
Ложись. Через час вставать.

Поколение ищущих! Я – ваш приبلудный сын.
Я небрит, и дорога моя далека от трассы.
Я бреду по ней стоптанным, рваным вальсом,
удобряя стихом растущую с неба синь.
Моя женщина за спиной укутана в пряный дым.
Мы ночами поём друг другу чужие леты,
моя вера – аккорд предутренней сигареты.
Я боюсь однажды проснуться совсем большим.

Поколение зрячих! Я – ваш астигматизм.

Я разбитое зеркало, линза на минус восемь,
и, вплетая песок в отзимевшие за день косы,
укрываю бордели туманом монашьях риз.
Я даю вам возможность видеть. Дают – бери!
Я очкарик, но вам очки не помогут.
Что тащить за собой слепца, если тот – безногий?
Не болей. Не ищи. Не жалуйся... Не кури.

Поколение дремлющих! Я – ваш дежурный врач,
кабинетная сволочь; глупо ко мне тесниться -
я решаю, что вам теперь приснится.
Это будет не больно, сладкий. Проснись и плачь.
Я с восьми до шести колдую тройной наркоз.
Я вскрываю тромбозы сонных спяна артерий.
Я сбиваю со следа летящие с петель двери...
...и хрустят под ногой осколки жалости, лжи и слёз.

Поколение, здравствуй! Я вам прочту рассказ
о мелодиях света, о людях, что вечно молоды,
и о том, как в моём ненаглядном городе
с моря брызжет солёный от крови джаз.
Как за море летело: «Эх! Живём снова!»
Как в том море тонули шхуны и песни влюблённых...
Поколение умерших, с вами мы не знакомы.
Ухожу на закат, и кружится голова.

Нужные люди

«Двое котят ищут добрые руки.
Мурчать и лапать уже умеют.
Расценки те же: чесать и гладить.
Кормить желательно всем подряд».

Несётся слово стрелой из лука:
я верю в чудо, оно сильнее!
Нужные люди сидят у экранов.
Тоже ждут чуда. Читай – наград.

Мы нужные люди. У нас свой клуб:
«Герои нашего смутного времени».
Толпа, падай ниц, лобызай колени!
Нужные люди вершат отсев.

Милый уродец, ты слишком глуп.
Гудвин не дал в твою шляпу ни пенни.
Ты обезножен? Читай – ты бездельник.
Пишешь стихи? Не читай совсем.

Мы просклоняем тебя в сюжетах,
мы развернём тебя левым боком,
чтобы не видно было на камеру
справа мелькнувшую дрянь-слезу.

Всё для тебя! ..А тем временем где-то
уродцы выпрыгивают из окон,
уродцы вытаскивают из пламени
других уродцев. Читай – семью.

Уродцам-то что? Рифмовать стихию,
плясать на доньшке невозврата...
Вы – нужные люди. Скажите сами:
вам под ногами не жмёт земля?

Голос не дрогнет. Глаза сухи.
Опомнись, дура. Какие котята?
Мы тут, между прочим, людей спасаем.

Конец цитаты. Читай с нуля.

Боги в белых халатах

Эта планета – переполненная палата.
Здесь дурно пахнет, и кого-то всегда хоронят.
По планете дрейфуют боги в белых халатах –
боги с глазами рыб, обаятельные Хароны.

У них всегда, разумеется, правильные решения,
и воздух вибрирует в ритме больной кантаты,
когда в ловких руках появляется шприц с волшебным,
избавляющим от страданий барбитуратом.

Боги знают, когда тебе жить, а когда – лечиться.
Они делают всё, чтоб очистился мир от грешников.
Ты, главное, веруй в уколы, не забывай молиться –
глядишь, сдохнешь прежде, чем соберёшься вешаться.

Армагеддон был вчера. А мы, дураки, не знали,
уютно спиваясь в чистилищах пыльных пенат.
Мы сами богов взрастили, вскормили, вскамлали,
и вот уже новый идол напяливает халат...

И какой-то случайный Адам на протёртом пюре матраса
окропляет свой угол кровью жертвенной валерьяны.
«Доктор, господи... Сколько ещё в запасе?»
Бог не в курсе. Он нынче дежурит, устал и пьяный.

У меня имеется свой, персональный некто.
Он такой же, как я – воинствующий чужак.
И я принимаю его звонки, как таблетку:
раз в сутки, на ночь, как правило, натошак.

У меня в поддуши – налёт богохульной рвани.
У меня в полспины – автографы падших ив.
Шрамы – тоже искусство. Я хвастаюсь ими по пьяни,
потому как, если не в петлю – значит, как минимум, срыв...

И срывается пластырь божественных стереотипов.
С размаху, цепляясь в надежде за мягкую ткань.
Под пластырем душно и непривычно тихо.
Пощёчина миру – моя последняя дань.

Ночь за окнами бьёт набат, истерит молебен.
Рвутся реальности, схваченные на холостую нить...

...А моя голова лежит на его коленях,
и кажется, что до завтра можно ещё пожить.

Мой доктор сказал мне: знаешь, так можно спиться.
Я шёл на свет, а дошёл до твоей палаты.
Я твой мессия, а мне ещё только тридцать.
У меня дежурство, а кажется – Колизей.

Я должен помнить диагнозы и молиться,
чтоб у идущих в горы были прочны канаты,
чтобы упавшим в небо падать – да не разбиться...
А палец вниз, и Юлий кричит: «Убей!»

Мой доктор думает – мне ничего не снится.
Прописывает сибазон, промедол и выпить.
А ёлка в палате издевательски так искрится...
Доктор, бывали ли вы в Новый год один?
Я расскажу вам, как ночь безутешно длится,
как небо устало снег на неспящих сыпать,
как в зеркале незнакомец подмигивает по-лисьи,
а строчкой не выбить сердце, как клином – клин...

Мой доктор сказал мне: детка, тебе б влюбится.
Наконец-то, отбросить страх, обесточить принцип.
Вот слова тебе – высшей пробы, из нервных волокон сшиты.
Вот стакан – так держай! Опрокинешь его до дна?

Мир имеет округлую форму, подогнан в проём бойницы.
Доктор, присядьте. Мне тоже есть что сказать.
Когда докричат куранты, приветствуя факт соиться
двух похотливых вех, в единую ночь пролитых,

и на Дальнем Востоке уже соберутся спать –
незнакомец из зеркала канет во мрак больницы.
Доктор, где вы? Откликнитесь, говорите!
У меня тут шампанское, мне дозвонился Питер,
выдох – дым... И, покуда зима в зените,
доктор, вы про «влюбиться» в историю запишите -
я добросовестная пациентка. Взлечу, коль должна летать...

Мой доктор дома, с женой, пьёт виски и жарит шницель.
Ему этой ночью будет кого обнять.

Тишина означает: брат, я должна молчать.
С каждым словом нетвёрже шаг и иней типаж.
Три круга внимания – дантовская печать.
Я снаружи кругов.

Я выхожу в тираж.

Первый круг – это люди. И люди хотят войны.
Были кольца на пальцах; овалция – пальцы в кровь.
Здесь война – не врасти в периметр, дёрнуть чеку основ...
Я по благу в пресс-ложе.

И я хочу тишины.

Я хочу, утомившись звуком, улечься к тебе под бок
и впечататься татуировкой в твои черты.
Чтобы были мы – ток, опускающий нам мосты,
оборот бесконечности

после тире дорог.

Город вынес меня за скобки, смял пыльным календарём.
Круг второй опустился к ночи, вцепился в озяблость рук.
Тишина – третий круг, очерченный фонарём.
В его свете ищу твою тень...

А тебя ни здесь, ни вокруг.

Тишина означает: брат, мне нельзя дышать.
С каждым выдохом, кажется, трачу тебя в себе.
Если были мы, дай мне об этом знать:
может, будем ещё – в каком-то
из октябрёй.

...и немного море

Этот мальчик – сплошные полосы, разогнаться – да не свернуть.
Я читаю его вполголоса, чтоб нечаянно не спугнуть.
Я кричу его с вышки мачтовой, крик потонет в волнах: «Земля!...»
Ты носи меня, море, укачивай, обрывай мои якоря.

Укради меня, море, сцапай, одна искра – на фунт угля.
И прижми к себе крепко, лапами – как бы он обнимал меня.
Оттанцуй к маяку меня, бережно – знатный выдался нынче шторм.
Наше танго увидят с берега. Если б знали они, по ком

этот колокол бьётся рифмами – объявили бы мне войну.
Моё войско, сбиваясь с ритма, поворачивает ко дну.

Моё право – доплыть до лета по маршруту календаря.
Только лучше бы стать билетом,
ограниченным в печать офсета,
чтобы мальчик мой из нигде-то
мог додуматься до меня.

Поцелуй – кипятком по пальцам,
а ведь только учусь играть.
Моя муза – безумный заяц.
Лучше душу до дыр, но – в танце,
лучше в этих глазах остаться,
до упаду в рассвет сгорать.

Моё море, я лягу с краю, чтобы не упустить волну.
Нарисуй меня ярким маем, а потом передай ему.

Он забрался в меня пушистым,
одичалым, худым котом –
и остался. Дурман ириса.
Фотографии – сплошь зернисты.
Так какой в моих мыслях смысл,
если мыслится не о нём?..

Мне не страшно быть в тебе.
Это как забраться в кактус,
изнутри обитый плюшем.
В кактусе я буду слушать,
как шуршит поддатый август,
пряча истину в вине.

Мне не страшно плыть к тебе.
Или плыть с тобой – как хочешь,
это лишь формулировка.
Открывай пошире окна –
видишь, день какой хороший...
вот уже который день.

Мне не страшно коротать
мою боль до первых певчих.
Время станет нелинейным,
время обернётся ленью,
за стеной запахнет гречкой,
стало быть – пора вставать,
брызнуть солнца на ладони.

Утро невзначай уронит
твой звонок в мою кровать.

Я сегодня не курю.
Я дышу весну взятаяжку,

полной грудью, до желудка,
прячу смех под ворот куртки.
Выдыхать уж больно тяжко.
Выдыхаюсь по нулю.

Выше. Легче. Веселей.
Небо в море расколосось,
море в небо загляделось,
что не сказано – то спелось.
А весна, как прежде, новость,
первая за двадцать лет.
У меня в твой личный Номос
есть дневной абонемент.

Страшно было в декабре.
А в апреле всё иначе,
где был угол – станет мягче,
прямо станет набекрень.
Я, наверное, чудачка –
мне не страшно быть в тебе.

Больше не буду писать тебе.
Всё, что могла, я уже сказала.
Мне подавай перестук вокзала,
верхнюю полку да бал теней

над головой, да дымок от чая
(в тесном тамбуре не расплескать бы),
да за окном – золотую свадьбу
лета с осенью. И, отчалив,

в пыль полустанка втоптать стихи.
Пепел осядет смурным сугробом.
Если есть жизнь – она за порогом,
если и есть – то с твоей руки.

Время займы, поворот назад,
город целуется с ночью жадно.
Я подойду со спины, неожиданная, -
«Здравствуй. Смотри – я пришла сама».

Когда уезжаете – забирайте себя целиком.
Чтобы вами не пахло в осиротевшей комнате.
Чтоб пустые бутылки не трескались под каблуком,
чтобы после вас люди не жили тем, что вы вряд ли вспомните.
Ни записок, ни росчерков на зеркалах.
Отпечатки пальцев – туда же, в утиль, в межрельсовье.
Идеальный порядок на казённых скользких столах –
чью-то душу хирурги без скальпеля режут песнями.

Когда уезжаете – забирайте с собой ключи,
пусть оставит надежду всякий, сюда входящий.
Задолбалось на каждый крик телефона – «молчи, сука, молчи...»
Не сыгралось. Сиплое меццо, сорвавшись, отправилось в долгий ящик.

Вспоминанья на самом доньшке, не добраться одним глотком.
Сейчас это боль, через месяц – не более, чем дневниковая запись.
Когда уезжаете, забирайте себя целиком,

и если вас всё ещё ждут –
обязательно возвращайтесь...

Цветы для Эдгернона

Ты не бойся, мой милый Чарли. Вот машинка, строчи отчёт.
В лабиринте из строк и марли каждый прочерк наперечёт.
Поворот не туда – и снова мышью корчиться на плече.
Это время коротких слов и недокуклившихся врачей.

Это мир переменных строев. В лодке – трое. (И все – не ты.)
Так гребни же в свою историю, пока не свели мосты,

так беги! Это сольный картинг. После порознь погрустим.
Как меня назовут в медкарте, если сдамся на милость им?

Ты не бойся побыть нейроном для запутавшихся голов,
приблудившись внутри неоновых клеток лучших из городов.
Говорят, что к жилищу Ноя самолёты бросали нить.
Я ведь тоже зачем-то вою,
когда нет уже сил просить,

когда день – постановка Сартра с декорациями Кюри.
Ты не бойся, мой милый Чарли. (Я считаю: 2... 3...)
Посмотри, как хорош отсюда не для нас – но вполне салют.
Страшно видеть пропасть, покуда не раскроется парашют.

Страшно – это пахать, как лошадь, с целью выдумать колесо.
Страшно – это когда в окошке ты увидишь своё лицо,
наблюдающее, как кто-то, чьи-то локоны серебя,
занял место вторым пилотом. (Кто-то новый живёт тебя.)

Каждый Роршах – всего лишь блюдце, исчерниленное – не взять.
«Доктор, слышишь? Они смеются! Это значит, что мы – друзья!»

Всё закончится в октябре. (...38. Отчёт готов.)

Р. С. Элджернон на заднем дворе не дожждётся твоих цветов.

Фантастам

Вся суть конвента – в одном бокале.
Затем – в другом. Ну и в третьем тоже.
Организаторы – в козью ножку.
Фанаты – в пляс. Демиург – в запой.
Когда художник в хмельном запале
падёт в салат беспристрастной рожей,
конвент, припрятанный за обложкой,
рванётся в бар.
А ворвётся – в бой.
Убить героя одной страницей

и воскресить, если станет жалко,
смотреть на стопку пустой бумаги,
а видеть мир – правда, целый мир! -
сложней, чем в воду вином пролиться,
ждать Пенелопой в сетях Итаки.
Судьба не пишется из-под палки.
Но из-под пальцев, в тиши квартир
вздымает море валы-громады,
вздымает плечи усатый ветер...
Чай, мы не боги? Чай, мы не дети?
Когда есть ручка иль карандаш,
и море встанет стеной-армадой,
и ветер ляжет под ноги тенью,
и полком юных смешных Вселенных
на книжной полке уснёт тираж.
Тираж! Так сладко, что можно в кофе.
Тираж! Хрустальным похмельем – оземь.
Страна не Оз, но почти предОзье,
тираж бросается наугад
в морской анфас, в каменистый профиль
береговой. И проснуться поздно:
под глянцевым парусом прямо в космос
стартует Летучий Фрегат.

Слова со вкусом сигарет вдыхаются одним аккордом. Тристан не встретился с Изольдой, Гертруда кутается в плед – Минздрав не поощряет яд. Моей Вселенной нет на карте, но некто, как и я, азартен – он ищет небо наугад. Прищурился глаз, моя весна за ним с улыбкой наблюдает. А мне что делать – я не знаю, я собираю голоса в колоду музыкальных снов. Приветствую тебя, мой странник. Бросаю кости – вижу грани моих расшатанных основ.

Душа роняет из кармана куски непризнанных стихов.

Иду по ним, как по стеклу, по гретелевских крох стигматам, до пряничного невозврата из обгоревшего «люблю», и ветер рвёт прозрачный ток

протяжностью в один эпитет. Смотри же, мой отважный зритель, как я стреляю между строк, не целясь, в сумрачный партер, по горло погружённый в осень. Закат давно темнеет в восемь, и в этом паззле полумер я – тот бродяга между сосен, плацкарт, поющий подколёсьем.

Я – чёртов коллекционер.

На стеллаже стеклянных дней, тряпичных слов и карандашных набросков «здесь», «одна», «однажды», есть полки, прочих тяжелей. На них гнездится полк бумажных, кричащих типографской сажой, пахучих прошлым и гуашью, мной недописанных людей. В одних я не вмещусь, хоть вой. Другие велики некстати. А третьих ждёт другой издатель – или, как минимум, запой...

Но выбран наугад герой, не пропечатанный в заглавии, не совершивший подвиг, равный удачно вставшей запятой.

«Был дубль! Отснято!» Перерыв.

Приветствую тебя, мой странный. За предрассветной мутной сталью наш вальс рифмуется в надрыв. Я слышу твой гитарный бой. В который раз тебя листая, я вижу, как, недокасаясь, бредёшь ты – безымянный странник,

недопридуманный не мной.

Присни меня себе.

Плесни меня в ладонь,
смотри, как я сбегая через пальцы.

Сегодня на обед –
гитара да балкон.

Десерт доступен с нового абзаца.

Припрячь меня в блокнот,
открой и запиши:

мол, так и так, замечен, привлекался.

При выходе в окно

все средства хороши:
взбредну, взбродну, взбреду тебе, скитальцу,

диагнозом «я здесь».
Пропой меня на слух,
вдохни меня из тонкой сигареты.
Нечаянная взвесь
существенна для двух
непризнанных скучающих поэтов.

Возьми меня домой.
Налей мне молока.
Погладь меня задумчиво за ушком...
Мне кажется порой –
нет благодней звонка,
чем звон будильника под заспанной подушкой.

Точка - тире - осень

Если осень – это брызги солнца в стёкла,
в приопущенные веки занавесок,
то зачем тогда под облачным навесом
всё равно она – хорошая – промокла?

Если осень – это шаткие ступени
из разошедшихся солёных струн причала,
то зачем она – хорошая – кричала,
когда прочие – заботливые – пели?

Если осень – просто груды жёлтой пыли,
то зачем-то станет что-нибудь не жёлтым.
Брызги будут – снега. Будет что-то,
чтоб она – хорошая – остыла.

И тогда коснутся пальцы – без прелюдий –
струн, каких уже давно не носят...
Просто было что-то – очень осень –
что она – плохая – не забудет.

Идёт возврат. И благо, что идёт.
Случайный стимул делит безнадёжность
на два. Даёшь поправку на оплошность!
Даёшь лохматый пятизначный год.

Пять лет назад, на двести лет вперёд
умноженные, строчат телеграммы,
душистой синевой на нотном стане,
состаривая мир наоборот.

Пять лет назад мы пели брудершафт
и пили юную хмельную бессердечность,
болели роком, праздновали вечность
и нежность упраздняли наугад.

Мы были искренностью, пущенной на дно.
Мы были гордыми смешными божевами.
Здороваясь за руку с небесами,
сбегали от родителей в окно.

Восьмое чудо света в рюкзаке
и восемьдесят восемь оправданий...
Чихали мы на светоч школьных знаний,
но знали толк в дешёвом коньяке.

Тот год, безумный, красочный, хмельной
весенним ветром дышит мне в затылок,
глядит хитринкой давешних ошибок,
меняет тыл на дым передовой...

Идёт возврат. Идёт, чеканя шаг,
спокойным и уверенным монархом,
залечивая крайности, как знахарь
залечивает ссадины и рак.

В музее памяти бесценный артефакт
разбил стекло и спрыгнул с пьедестала...
И я теперь – обрывок киноленты,
где крупным планом дразнится
возврат.

Зимнее регги

А сегодня ночь запахла снегом.
Колесила ночь по беззимовью,
декламировала Кастанеду
и хотела ехать в Подмосковье.

Там снегов – да что там по колено!
Там румяные летают в санках люди,
а у нас – туманы, пробки, цены,
и зимы, глядишь, опять не будет.

Там уже в предновогодней пьяни
люди мягким солодом согреты,
а у нас всё глупые земляне
не сведут концы с концами света.

Продышала ночь на небе дыры,
врисовала в дыры хороводы –
пусть хоть звёзды веселятся с миром,
не заботясь сводками погоды.

Кто-то пишет в Питер из Смоленска:
«А у нас уже домов не видно!
Занесло до самых поднебесьев
белоснежным праздничным повидлом!»

Ночь старательно играла в зиму.
Загоняла снег в балконы-лузы.
Снег летел – но как-то слишком мимо.
Жизнь текла – но как-то слишком тускло.

А зима отравила для ночи
пару строк с косым лучом софита:
«Приезжай в декабрь. Очень срочно.
Захвати пальто и тёплый свитер».

Прочитала ночь зимы посланье.
И умчалась ночь на новоселье.
Нам досталось утро на диване
в тёплых снах о запахе сирени...

Февраль стекает с труб дрожащей мокрой кошкой,
сипит из-под колёс, хохочет под подошвами,
кричит в лицо ветрами-оплеухами.
Февраль не в духе.

Февраль ложится каждый вечер в тёплый обморок,
а просыпается в колючих мёрзлых тамбурах.
И плачет мне на плечи сизым мороком,
желая странного.

Февраль сошёл с ума. Температурит. Он — влюблённый;
уткнувшись белым лбом в запредное оконце,
«Привет», «Привет...», «Привет!» – рисует исступлённо
гуашью солнца.

Он ждёт Её. Распахивает облачную занавесь,
свечами чертит путь, бокалы скверов ливнем наполняет,
и рельсы в нетерпении дрожат, когда вокзалы все
стирают наледь...

Но как-то раз Февраль проспал. Спеша, пролил капель
и прыгнул на ходу в экспресс до юго-запада.
Едва дыша, смеясь, припал к дверям купе
с табличкой «занято».

А в том купе, в сиреновом дурмане сигарет,
перебирая ноты радостной осанны,
выписывала пальцем по стеклу: «Привет!» —
Она. Та самая.

...А мы болеем у старательно кипящих чайников.
А мы скучаем вдоль и поперёк, вокруг да около,
небрежно смахивая рукопись печальную
с морозных стёкол.

И вот – рука в руке. Две крайности в едином мироздании.
И поцелуй несётся ввысь воздушным ртутным шариком...
У Февраля с Весной, быть может, здесь свидание.
А мы мешаем им.

Хихикает месяц. Окна домов глазают.
Они что-то знают.
Окна за мной наблюдают.
Наощупь читают.
Выберу время и в небе найду лазейку.
Сбегу, через форточку выберусь
кошкой сквознячной.
Солнце с утра коньячной
долькой по небу шастает, будто мячик,
в окнах маячит.
Спелой яичницей солнце на окна вылилось.
Окна сквозь солнце подсматривают, деликатно так
в весеннюю скважину.
Я в скважине. Я отважная.
Я весьма даже многоэтажна.
Я – кошка, яичница, сладко-тягучая патока.
Месяц зевает. Значит – он спать идёт, значит – и мне пора.
Солнце и месяц – вместе?
Солнце – начинка в тесте...

Хорошие вести:

окна завешены звёздами и ничего не помнят.

Значит – погаснут скоро.

Значит – живём до утра.

Словам конец.

Слова ушли в загул.

Больше не могу писать. Не могу.

Бьётся фразами по метастазам

сырая плеть,

ничего общего с азартом/разумом.

Кисель из снов – естественный венец
моих стараний.

Не слыша нарицаний,

бездарная, я лгу

таланту, что он есть,

и что вовек мы не расстанемся,

во здравии и на скол одним огнём болеть
неразделимо.

Талант, видать, растаял весь.

Что ж, я уже не я, и слово не моё,

а нечто невесомое всё мимоходом... мимо,

побочным действием эффекта мотылька.

Ему лететь,

мне на его полёт смотреть.

Полеты впредь –

закрытая стезя...

Ах, детка, не ломай комедь.

Покуда есть, кому отпеть –

писать тебе нельзя.

С возвращением, Ли.
Уж не знаю, надолго ли,
но, как вижу, здорова и
не совсем расслоилась в дали

инородной земли.
На снежок в руку белую,
забирай, не жалея его, –
с возвращением, Ли.

Мою сказку продли,
не понравится – переделаю,
без тебя меня долго не было,
больше так не боли.

От тебя ни Дали,
ни постель, ни зелёнка даже,
снегом место пустое мажу -
дезинфекция, понимаешь ли.

Слово «вечность» из камешков
в ожидании Ли.

Не гаси фонари –
многоточия в снежной вотчине.
Белым сумраком оторочены
ели, крыши домов, обочины, -
для тебя наряжались. Впрочем,
всё, что хочешь, бери.

Я стою на мели.
Я – нетвёрдая станция.
Блюз забытого танца
под холодными пальцами.

Те ато, тiа ггасiа.
Не решившись признаться,
не воскликнув – «останься!»...

С возвращением, Ли.

Сутки тикают часами,
за минутами гонясь.
Чудеса, мы
знаем сами,
приключаются сейчас.

Ни вчера, ни послезавтра,
ни ещё когда-нибудь...
Отчего, минуя завтрак,
ужин требуем вернуть?

Вспоминаем ожидания.
Оживаем второпях.
Небом данное
молчанье
высыхает на губах.

Стеклорезчик рвёт и мечет:
стёкла мечены вчерой.
Больше свечек!
Завтра-вечер
за сегодням шлёт домой.

День размазан по перрону
черезгодневой икрой.

Выдыхать своё сегодня
дымом пополам с зимой.
Вечерея,

гордо реет
нервный город подо мной.

Ах, секунды... Вы неловки,
вы развешаны на днях,
как рейтузы на верёвке,
как евреи на крестах.

Вот бы выжать вас потуже!
Уж и лужи — до колен...
Что нам лужи?
Надо дружно
время вытряхнуть наружу
из часов «в подарок мужу»
(вероятно, что чужому.
Не вникаю: не знакома,
да и некогда к тому же).
Время же, связавши, нужно
захватить в коварный плен.
Вмуровав притом в слоёный
толстый полиэтилен.

Обомлевшее от лени
время дёрнулось жирком.
Мы болеем понедельем.
Время тикает капелью.
Полапреля – на дуэли
за случайную идею.
Время преклонить колени.
В удалении песнопенья.
Я бы спела — но о ком?..

...Не тревожусь чудесами.
Чудесам не до тревог.
Протираю стол часами,
сыплю сутки за порог.

Открываю холодильник:
за кефиром, дружно в ряд
лупоглазы и субтильны
послезавтраки лежат.

В магазине распродажа:
«ВОСКРЕСЕНЬЯ — ПО РУБЛЮ!»
Дети Новый год бумажный
запускают по ручью...

Нет, постойте! Этой драмы
более не вынесу!
...Чудеса трясут часами:
не остановились ли?...

«Украиниада»

Шутов хоронят за оградой
под металлический набат.
Сооружайте баррикады –
куда ж в войну без баррикад?

Рядите города в блокады,
сжигайте шины – пусть горят.
Идёт реакция распада.
Историк! Не пером – гранатой
создастся «Украиниада»,
альтернативный вариант.

Свой фетр бросая грациозно
(срывая с головы дуршлаг),
вкушай кровавый хмель на розлив,
о рыцарь деревянных шпаг.

Страна больна сальмонеллёзом
и дышит в маску, кое-как.
Покуда бьёмся лбами оземь,
танцуя регги на морозе,

по трону задницей елозит
запатентованный дурак.

Война сегодня – добрый повод
для тех, кто мелочен и слаб,
пустить по будням мощный залп
и вспомнить: «Я так зверски молод!

Во мне есть силы и азарт
бросаться камнем или словом
в подорванный кордон столовой,
дабы хлебнуть халявный чай
и сделать фото невзначай,
что разлетится по просторам
с комментариями – вот жжот фотоаграф! -
или на кухне, под «молдову»,
твердить: я был там! Я солдат!»
На пепелище потасовок
солдаты нынче нарасхват..

А помнишь милое безделье,
слоняющееся в метро?
Как в искрах пятничных костров
сжигали смуту понедельник,

и пах предчувствием апреля
нам каждый камешек дорог?..
В пыли гитары менестрелей.
А менестрели, взяв шинели,
идут под музыку шрапнели -
идут на смерть, сбиваясь с ног..

Боец распродаёт награды.
Богач бросается с моста.
Ребята мрут за клоунаду -
достойная, видать, мечта.

Сооружайте баррикады!
Не канет в лету красота -

преграда порастёт балладой
о мире, где под гимн и ладан
шутов хоронят за оградой,
построенной рукой шута.

Здравствуй, столица свободных безумий.
Здравствуй, горелый Майдан.
Мы истекаем, как лавой Везувий,
кровью забытых ран.

Мы воскресаем от лютой комы,
длившейся двадцать лет.
Старый будильник – гудок парома -
голосом предков, набатом грома
нам возвестит: мы отныне дома.
Путь наш от века – свет.

Здравствуйте, люди, пропахшие дымом
чёрных, как смерть, огней.
К вам обращаются жители Крыма -
дети седых морей.

К вам обращаются ваши братья,
клеймённые вами – «мразь».
Вас научили: булыжник брат и
славить «героев» ордой да ратью,
если не с вами – значит, предатель,
стало быть – против вас.

Революция, раздеваясь,
отдаётся первому встречному.
Что вы, милые, не наигрались?
Мало судеб поизувечено?

Что, привольно вам – на щите
пить «свободу» иссохшим ртом?

Всё америчье и европей
уходить от своих корней...
Вы живёте в свободной стране -
каждый волен здесь быть рабом.
Небо от уха до уха распорото
горькой улыбкой богов.
Что говорить, если в центре города
выращивают морковь?

Нам рабий ворот теснее неба -
издревле так повелось.
Если придётся, по новой мере,
строить ладью из обломков Империи, -
что ж! Значит, будем учиться гребле.
Вместе – сильней, чем врозь.

Взвился над морем трёхцветный сокол,
созывая братьев на правый бой.
Что вы лезете в дыры петровских окон,
коли распахнута дверь домой?..

Враги нападают, как правило, ночью.
Солнце-Ярило идёт с востока
свет по земле разлить.
Взрыва не будет. Спектакль окончен.
Вам – всё спастись под вражьем боком...

А нам, наконец-то, – жить.

Тени существуют незаметно.
Тень не мерит комнату шагами,
тень не отзывается на эхо,
тень не отражает зеркала.

Прячась по вагонам без билета,
рельсами выплёвывая гаммы

подколёсной радиопомехи,
лето озимляя добела,

тени прячут темноту под пледом,
сторонясь чужих своих шпионов,
тех, кто существует слишком шумно,
тех, кто отражается во всём,

тех, кто тоже был когда-то тенью,
но отбросил сам себя, и вдоволь
находившись и наотражавшись, умер
бабочковой пылью под стеклом.

Не ходите с тенью слишком рядом,
не распахивайте настежь окна –
тени воплощаются попарно
и тревожатся избытком дня.

Только свет на тени слишком падок,
одевает тени в цвет и форму,
дарит полумраку очертанья,
обесмысливает нужность одеял...

Я и тень моя под одеялом,
он и тень его под одеялом,
тонких рук под толстым одеялом
заплетенье неразрешено.

Счастье тени коротко и пьяно.
Вот бы светом стать, софитовым сопрано,
или хоть фонариком в кармане
заглянуть за кухонное дно -

и, прорвав пластмассовую нить,
хоть на миг,
хоть что-то
осветить.

Гимн нечаянному оптимизму

В окна шагают долговязые солнца,
чтобы первыми до лица дотронуться,
сцапать сон и накапать света в колодцы глаз.
Я пожму паутину их жёлтых пальцев
и внезапно узнаю, что мне – шестнадцать,
и ещё сто пятнадцать месяцев до сейчас.

И все витринные отражения неудержимо молоды,
и каждый хрустящий лист под ногами – золото,
ноги неторопливо листают каждый такой листок,
и до финала этого томного тома города
столько ещё четвергов, переодетых субботами,
а небу, наверное, кажется – весь город в один глоток

выпить бы, сладкий воздух бесстыдно нюхая,
разукрасить асфальт солнечными оплеухами,
посекундно творя картины на месте черновика.
Позволяю себе обратиться ко всем, кто слушает,
кто может смотреть на стену, а видеть грушевый,
беспричинно праздничный, как вино, закат:

ты вот, именно ты – угрюмый, разутый сонностью,
бери вдохновение, скорей выбегай из дома с ним,
выбегай в пространство уличного измерения.
Как можно жалеть о несчастной влюблённости,
если сквозь неё – приглядишься ты, опомнись ты! -
прорастает хорошее стихотворение?

И можно споткнуться о камень, что коварно подкрался сзади
и бросился прямо под ноги; выругаться, с досадой
дую на оцарапанные когтями земли ладони.
А можно представить, что здесь был дом, и была ограда,
и к дому прилип балкон, укутанный виноградом -
слышишь, а вот и песня о добром зелёном балконе!

Или вон – первый троллейбус тащится: проводов букет,
пузо набито людьми в предрассветном обмороке,

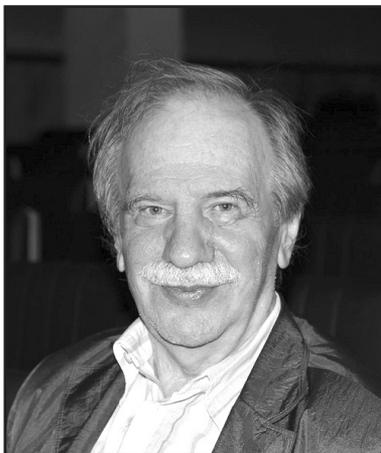

он зевает – и люди выходят. Конец пути.
А вдруг ему снится, что он – самолёт, и сияющ, и лёгок он,
облака отражаются в луже – и лужа становится облаком?
Помашем ему рукой – лети, дорогой, лети!

Дневную норму несчастий мы уже выбрали.
Выброшу руки из раскрытого рта квартирного,
небо выплюнет в них прохладный компот дождя.

Сто пятнадцать жизней. Мне их уже не вымарать.
Но, если вдуматься – большего счастья в мире нет,
чем просто идти вперёд и каждого поворота,
как чуда,
ждать.

Константин Кедров-Челищев

Константин Кедров-Челищев, поэт-автор терминов: метаметафора, инсайдаут и аббревиатуры ДООС-Добровольное общество охраны стрекоз. Члены ДООС: Андрей Вознесенский, Генрих Сапгир-стрекозавры. Сам К.Ендров-Челищев носит звание стихозавра.

Кедров-Челищев внучатый племянник художника Павла Челищева.

Первая подборка стихов напечатана в 1957-ом году. Во времена гонений на абстракционизм поэта перестали печатать. Четверть века не печатался. Первый сборник «Компьютер любви» вышел в 1990-ом с послесловием Андрея Вознесенского:

«Константина Кедрова смело можно назвать Иоанном Крестителем новой метаметафорической волны в поэзии» Позднее А. Вознесенский напишет в «Эфирных стансах»:

Костя! Не противься бреду!
ИХ беде пособлезнуй –
В наших критиках по Фрейду –
ИХ история болезни»

Кедров-Челищев – лауреат международной премии Южной Кореи Манхэ 2013,

международной немецкой премии ДОМИНАНТА 2014,
международной Отметины Давида Бурлюка
и многих других литературных наград.

Самые известные строки поэта:

Земля летела
По законам тела,
А бабочка летела
Как хотела.

МОЙКРЫМ
(литературный дневник)

Казантип
(Поэма)

Цветы салютуют садами,
Сады салютуют цветами,
Весна салютует летом,
Тьма салютует светом,
Тела салютуют негой,
Земля салютует небом,
Вот-вот и звезды сольют
Все небо в один салют.
Волны играют солнцем,
Солнце играет волнами,
Это света цунами
Сны, снующие снами,
Кажется мне, что вскоре
Сольются в едином хоре
Чайки — барашки моря,
Барашки-чайки над морем.
Открывают чакры
Мореволночайки,
Все прибои – как салют всех пушек.
Моренебо с чайками хохочет,
Млечный путь из перламутровых ракушек
Ласково ступни мои щекочет.
Мы – дельфины, только говорящие
И на сушу с морем выходящие,
Гены говорят: мы угро-финны,
ну, а финны – это же дельфины.
– Я украинец угро-финн, –
Говорит дельфину дельфин,
Говорит украинцу русский:
– Я украинец древнерусский,
Говорит дельфину дельфин:
– Я не угро-, я укро-финн,

Я пишу языком дельфиньим,
 Укрофиньем русскоафиньем,
 Древнегреческовесскоготским,
 Антибродско-антивысоцко,
 Переполнен я моря чарками,
 В высь распахнутый чайкочакрами,
 Море пенится, как бокал
 Огранный гранями скал,
 Я не укро – угро-финн,
 Я взлетающий дельфин,
 Слышу в их клокочущем вздоре
 Стих, который давно знаком.
 А дельфины в просторе моря
 Говорят моим языком.
 В ваши уши давно проник
 Мой язык, как дельфиний крик
 Во всех раковинах ушных,
 Бесконечное море в них,
 Вой гобоя и шум прибоя,
 Шум прибоя, как вой гобоя.
 Возникают из морелада
 Энеида и Илиада,
 Как звучащий чертеж Эвклида,
 Илиада и Энеида.
 Как рассыпанные лекала,
 Волны высыпаны на скалы,
 Все тела – лекала небес,
 Все моря – лекала телес,
 Женских волн телесный изгиб.
 Тонет взор, и пловец погиб,
 Тело, словно блесна ловца,
 И пловец плывет на живца.
 На земле мы лишь проживаем,
 Только в море мы оживаем.
 Угро-угри и угро-финны,
 Мы – дельфины, только дельфины,
 Я дельфин, с вами говорящий,
 Я дельфин, дельфин настоящий.
 Шагами волнам помогая,

В сплетении молний и гроз
Беспечно по морю шагая,
Выходит из моря Христос.
Кто скажет: Христос не смеялся –
Не понял тех гроз пантомим,
Возможно Христос не смеялся,
Но море смеялось под ним.
Там ор ораторий Танеева,
Тон тонущих в море теней,
Отчаянный ор Орестей
И чайные чаек над ней.
Доныне и ране, и вскоре
Ты, вечно зияющий понт
Под именем Черное море,
За флотом глотающий флот.
В тебе Ушаков и Потемкин
Беседуют с турками пушками,
Ах помнят, ах помнят потомки
Над морем орущего Пушкина.
А там на Востоке, на Западе
И море, и небо в огне,
Так мы обменяемся залпами
И встретимся только на дне.

5 сентября 2015

Чернильница моря

Взлетая над всем, что будет,
Минуя все, что возможно,
Опережая время
И становясь всем сразу,

Я вычитал, вычитая
Славянскую вязь из вязи,
Серебряное из золотого,
Алмазное из алмаза.
Гора алмазного света
Обрушилась с неба в море,

Макая в чернильницу моря
Перо из школьного детства.

Пишу тебе море морем,
Прибоем строк и приливом
стихов, подкативших к горлу
из бездных глубин бездонных.

Пусть будет прилив отливом,
а море, став авторучкой,
уместится в моих пальцах,
как я в тебе умечаюсь.

Мелодия для зурны

Увидев её, хан воскликнул:
«О дюляра бикич!» –
что значит – «прекрасная».

О Дюляра, о бикич! –
лара де бю и чек бюль,
Полон тьмой тонколистной и зноем
резанул, закапала кровь,
полон крови фонтан весь высох,
хрястнул саблей, резанул –
закапал фонтан кровавый,
арабской вязью струясь.
О, Дюляра! А, Дюляра! У, Дюляра! Ы, Дюляра!
АОУЫ, Дюляра...

Душистый прах в садах и праха колесо,
в котором вертится воздушное лицо,
там ворох лепестков, их имена похожи
на груди женские, наполненные негой
направленных сосцами на восток,
наполненный дворцами,
всё это густо орошает кровью
безжалостный, но и не злой садовник,
в садах уснули розы,

как рыбы золотые спят в садках.
Бьют в ладони друг в друга сады,
аплодирует семенем прах. И сказал:
– Разгневан Аллах,
и прах Аллах превращает в прах,
но милостью Аллаха мы все из праха!
Птица Рух снесла яйцо голубое и улетела,
даже птица Рух стала прах и – порх.
Кто семя своё уронил на каменное лоно
опавших роз лепестками, тот знает –
даже камни – дети Аллаха.

Не плачьте жены Востока,
личики ваши рисует зурна
над пепелищем дворца.
Дай и ай, и мне, и ты,
звени-звени, щебечет грудь,
а в устах кровь густа млеет лал-ла,
клюет виноградную печень,
розы, о розы, – звенит муэдзин,
отрывая от капли каплю,
содрогаются, грудки сгрудил,
восторг исторг, сладок Восток,
колыхнулся, затих, рассыпал зурну,
дай и ай, и мне, и ты.

1975, Алушта – Бахчисарай

Море

Нету у моря края,
Бездны края,
лезет в небо лестница водяная.
Море – край мира – мир края
Переполнен трезубцами горизонт,
Моря взлёт,
Миг и взлет лазури,
воды излом – россыпь гроз,

громоздящих гроздь шипов из роз.
Велосипедное море колес,
море велосипедных колес.

1979, Ялта, Дом творчества

Крест

В окружении умеренно вянущих роз
обмирает в рыданиях лето.
Гаснет радужный крест стрекозы, где Христос
пригвождается бликами света

Поднимается радужный крест из стрекоз,
пригвождается к Господу взор,
распинается радужно-светлый Христос
на скрещении моря и гор

Крест из моря-горы, Крест из моря-небес,
Солнце-лунный мерцающий крест,
Крест из ночи и дня
Сквозь тебя и меня
Двух друг в друга врастающих чресл.

1976, Коктебель, Дом творчества писателей

Леди льда

однажды мы вышли к зимнему морю в Ялте,
где в лучах луны нежился
обледенелый, весь стеклянный парусник-корабль,
переполненный млеющими матросами,
от мачты до якорей гроздьями свисали матросы
и сыпались на берег прозрачные, как виноград,
звенела Ялта, ударяясь льдом о лёд,
звенел корабль ледяными снастями и парусами,
звенели волны, облизывая ласковый лёд,
Ялта леденела, приобретая прозрачность и прозрачность,

луна леденела в волнах, земля леденела в лунах,
и ты стояла на ледяном причале – прозрачная леди льда.

Ялта, Дом творчества «Актер», Новый год 1991-1992

Ниш о лов Волошин

Не знаю сам – во мне, в тебе ли,
Волошин шёл по Коктебелю.
Не так давно всё было это,
прибой смывал следы поэта.
Но отпечатался скулою
поэта профиль над скалою,
где моря Черного хитон
идущему поэту в тон.
Он пел земле и небесам:
– Масон, но сам, масон, но сам –
Он пел прибою в унисон:
– Но сам масон, но сам масон –
В моей поэзии, во мне ли
иль в акварели в Коктебеле
вдруг дунул ветер, и взъерошен,
волнами в мир вошел Волошин.

Коктебель, 2008

Прибой в Казантипе

Отсюда в мир приходит тишина,
Которую выбрасывают волны.
Где вечность вечностью предрешена.
И есть на всё твоя святая воля.
И не моя, моя, моя вина,
Когда на берег набежит волна,
Но чувствую себя самим собой,
Вот почему мне нравится прибой.
Откуда ты, уверенность, берёшься,
Что ты уйдёшь волной – волной вернёшься.

Казантип, 2012

Наталья Колесникова

Наталья Владимировна Колесникова родилась 5 октября 1977г. в городе Знаменске Астраханской области.

В 2000г. окончила Астраханский Государственный педагогический университет по специальностям «Педагогика и методика начального обучения», «ИЗО и черчение».

В 1996г. была принята в Союз писателей России.

Лауреат литературной премии им. К. Холодовой (Астрахань, 2000г.).

Автор поэтических сборников «Прозрение» (Астрахань, 1996г.), «Капелька дождя» (Астрахань, 1998г.), «Чаша снов»

(Астрахань, 1999г.), «Звездные тени» (Астрахань, 2004г.), «Твоя жена ведьма...» (Москва, 2009г.).

Публиковалась в коллективных сборниках г.Астрахани: «Астраханский Парнас» (2001г.), «Ойкумена» (2002г.), «За грани века» (2003г.), «Мосты» (2003г.), а также в местной и российской прессе, в газетах: «Дебют», «Орбита», «Дэкор», «Надежды», «Волга», «Телесемь», «Пульс Аксарайска», «Комсомолец Каспия», «Хлебниковская веранда», «Астраханская литература», «Литературная Россия».

Была членом жюри детских литературно-музыкальных и художественно-краеведческих конкурсов г. Астрахани.

1997- 2003г.г. – работала в должности старшего научного сотрудника при литературном Доме-музее им. Велимира Хлебникова.

Художественный редактор газет «Астраханская литература» (2003-2006г.г.) и «Хлебниковская веранда» (1998-2013г.).

Работала в жанре иллюстрации детских книг и поэтических сборников: «Миражи провинциального города» Евгения Ефремова (1998г.), «Детский рюкзачок» Марии Шапошниковой (2000г.), «Неотправленные письма» Ларисы Сатаровой (2000г.), «Светлячок» Анны Евгеньевой (2002г.). Иллюстрировала газеты: «Дебют» (1998-1999г.г.), «Дэкор»(1998-1999г.г.), «Хлебниковская веранда»(1998-2007г.г.).

В 2004г. состоялась первая персональная фотовыставка «Современная девушка: профессии и лица» (г. Астрахань).

В 2007г. фотовыставка «Пепел памяти. Астраханские кладбища» в рамках европейского фестиваля «Мистика и спецэффекты» (Чехия, г.Падебрады).

В 2008г. фотовыставки «Астраханская ведьмочка» (Чехия, г.Падебрады и Россия, г.Астрахань).

В 2010г. фотовыставка «Гламурное оружие» (г.Астрахань).

ЛДОНИ ВЕТРА (Сборник стихотворений)

Я выпала из времени традиций,
Статичных форм и тихого движенья,
Но, проходя сквозь стены униженья,
Я только здесь хотела бы родиться.
Где каждый день я чувствую спиною
Суровый взгляд обиженных столетий,
Холодных ливней камерные плети
С небес свисают тусклой пеленою.
Когда опять кидают в мои двери
Пустые слухи, мелочные сплетни,
Я вспоминаю тёплый ветер летний
И, сбросив плен ненужных суеверий,
Иду бродить по улицам знакомым,
Заплаканную память взяв в подруги.
И льётся колокольный звон упругий,
Мечты и чувства выводя из комы.
Устоев старых празднуя паденье,
Мятежный дух дробит лучами площадь,
И свежий ветер облака полощет...
Я в мир вхожу, как в первый миг рожденья.

Детство

Вспоминая детский лепет,
Нежно-сладкое дыханье,
Ощущаю в сердце трепет,
Начинаю жить стихами...

Детство – солнечные блики,
Любопытство глаз весёлых,
Пальцы в пятнах от клубники,
Босоноготь в летних сёлах.

Визги, крики, смех знакомый,
Лёгкий взлёт ресниц пушистых.
Вязко-горький след оскомы
От черёмухи душистой.
Куклы, зайчики, скакалки,
Плюшевые тени в детской.
Змеи – ленты, шпаги – палки,
Жесты вместо речи светской.
Чудо бабушкиных сказок,
Колыбельный тёплый ветер,
Яркий мир цветочных красок,
Каждый день лазурно-светел...

Вспоминая детский лепет,
Нежно-сладкое дыханье,
Ощущаю в сердце трепет,
Начинаю жить стихами.

Ты алеющую радость
На губах своих принёс –
И стареющее небо
Лепестками облетело.
И рассвет казался звонким
От незримых тёплых слёз,
Звёзды трепетно мигали.
Розовело в дымке тело
Каждого цветка на ветке
В завитках спящих брызг.
Надо мной смеялось солнце,
Белкой прыгая по стенам.
Ты поймал её подарок –
Золотой орех – разгрыз,
И шалеющие блики
Спрятались в шкафу почтенном.

Ты торжественно и важно
Окна бледные открыл –
И чарующая нежность
Белой бабочкой влетела.
Всколыхнулись вдруг гардины
От дыханья тонких крыл...
На губах моих весенних
Твоя радость звонко рдела.

Я тебя дорогам не отдам, –
Пусть, как волки, воют на луну
И глотают горькую слюну, –
На их шкурах не бывать следам...
Золотые и стальные дни,
Чередуясь, расчертили путь,
Чётко зная, что когда-нибудь
Не минуешь этой западни.
Вырвешься на волю, сбросишь быт.
Вызовом наполнив каждый шаг...
Но однажды загрузит душа
О Судьбе, вместившей две судьбы.
Ты очнёшься, от дождя седой.
Прожитое время не простит
Всех дорог. Не сможет прорасти
Твоя юность влажной резедой.
Горизонт покажется чужим,
Не согреет солнечный рассвет...
И тогда ты вспомнишь о родстве
Наших душ. Но чёрные чижы
Унесут к заброшенным садам
И любовь, и счастье, и покой...
Не хочу Судьбы для нас такой –
Я тебя дорогам не отдам!

Есть цитаты – с запахом цитрина,
Есть цитаты – запах ацетона...
Раньше солнце пряталось в витринах,
А теперь из окон дым и стоны.

Гоголевский образ Украины –
Звонкий смех красавицы Оксаны –
Поглотили страшные руины.
Не поют там ангелы «осанну».

Пламенные всполохи на поле
Площади, засеянной телами.
Снайперские пули, крики боли!
Эти игрища задуманы не нами!

У политики оскал смертельный:
Цель оправдывает средства – старый
Лозунг... Я целую крест нательный –
Господи, спаси свои отары!

Как из жуткой сказки, крест когтистый
Катится по сердцу Украины!
Вешняя страна в венке цветистом,
Не поддайся натискам звериным!

Чтобы правда, шедшая с экранов,
Радостной была, как в полдень море!
Чтобы дети не выросли рано,
Видя из-за штор войну и горе!

Есть цитаты – с отблеском цитрина.
Есть цитаты – запах ацетона...
Раньше солнце пряталось в витринах,
А теперь лишь смерть и стоны.

Май 2014г.

Есть мир, где воздух солнцем не согрет,
Поля не помнят радости цветения,
Не видят дети радости в игре...
Входя в тот мир, меняюсь местом с тенью я.
Коварный мир, расчётливо немой,
Засасывает дни в воронку узкую.
И хочется кричать: «Ты – мир не мо-о-ой!»,
Но вороны всё так же битвы лузгают.
Не в бой, а в небо армии идут:
Как зомби – отрешённо и доверчиво...
О, если б только вычеркнуть беду
Из жизни каждой куклы гуттаперчивой!
Сердца наполнить нежностью, такой,
Чтоб даже звёзды впали в изумление...
Тогда тот мир откупится тоской,
И солнце вспыхнет в новом поколении!

Лето

Лето влетело в тело столетий
Тёплой молитвой листвы паутиной
И отворило тусклые клетки,
Выпустив таинства стаи утиной.
Переболело небо парное
Ранними песнями пряных рассветов.
Травам и трелям – Лето виною,
Что затаилось от пыльных наветов.
Ветром на ветви, тюлем на плечи
Юное Лето незримо спустилось.
Тенью поспешной в поле кузнечик
Вспрыгнул повыше – прославить светило
Одой медовой дальнего дола,
Ладаном дали, миндалиной следа...
И опустили голову долу
Дети былого пред голосом Лета.

Любимая тень от любимых ресниц
Большим мотыльком на щеке затаилась.
И юная ночь, звонко падая ниц,
Нашу любовь приняла, словно милость.
Пророчащий шелест взволнованных трав
Впитали озёра и пылкие губы;
И руки твои, как морские ветра,
Жаждали плоти нежности грубой.
Полынная горечь грядущих утрат
И чудо восьмое пришедшего счастья
Поили, ласкали сердца до утра.
Мир разделился на яркие части,
Мозаикой звёздной мерцая в глазах.
Тебя я поймала в пленительный невод
Небесных глубин, где смеялась слеза;
Ритм облаков затихал в глубине вод...
Любимая сказка любимого сна
Опять завершилась – светло и печально:
Начало мелодии спела весна –
Песни торжественной, песни венчальной.

Хочется выбежать в час фонарей
на тихую улицу.
Пусть из распахнутых настежь дверей
торшеры сутулятся.
И удивляются стулья, столы
нежданному подвигу,
Пусть возмущаются скрипом полы...
Бетховену Людвигу
Я бы открыла все тайны свои,
сокрыв всё нетайное.
Были бы слёзы одни на двоих,

а небо – сутаную
Нас укрывало. И россыпи звёзд
звенели б над городом.
Птицы бы пели о счастье из гнёзд,
и пели бы горы о том.
Пили бы чёрные бабочки нас,
но мы бы не таяли.
Вы бы владели теплом моих глаз,
совиными стаями,
Людвиг Бетховен!.. Распахнута дверь –
торшеры сутулятся.
Дом одинок. Утопает в листве
забытая улица.

Вы уходите? Ну что же,
Вам никто не запрещает.
Только – лезвием по коже –
Лёд ненужных обещаний.
Ваше сердце плачет... Знаю –
Грустно расставаться с прошлым.
Оставайтесь! Заклинаю!
Мир рыдает – Вами брошен.
Вопль цепляется за стены,
Пробивает тяжесть крыши,
И летит стрелой с антенны
В небо луч безумно-рыжий...

Параллельность, полосатость
Уводящей Вас дороги.
Где же чувств былая святость?!
След остался на пороге...
Жизнь рассыпалась звёздной
Пылью под ногами. Раны
Те оплакивать уж поздно.

Возрождать – пожалуй – рано
Души... Прочь скупые слёзы!..
Уходите!.. Вы – свободны!..
Только... память сном белёсым
Серебрит мой дом холодный.

Пустота

Обещаний и прощаний
пустота.
Не пишите завещаний
просто так.
Не беснуйтесь от избытка
чувств и сил
(Как смешон порыв холодный,
мёртвый стиль).
Отречение – защита
от толпы:
Прикрываем веки,
закрываем лбы
От ударов пальцами
дрожащих рук.
Рвётся сердце на свободу:
тук...
тук...
тук...
Падает гранитной глыбой
смех веков
На минуты и мгновенья.
Так легко
Заблудиться, затеряться,
кануть в ночь,
Расколется на кусочки.
Не помочь
Плачущему отраженью

в зеркалах:
Разлетится мир на части.
Крикнешь: «Ах!»
И уже бессильным шёпотом:
«Постой...».
Отзовется сердце
хрупкой
пустотой.

Коварный ветер стреляет в спину.
У солнца в небе круги под глазами...
Ваш грустный взгляд чуть тревожно вскинут.
Ваш мир незримо пред выбором замер...
Ладони листьев к ботинкам жмутся:
Им так надёжнее, может, теплее.
Проплыли тучи (ещё вернутся,
Приклеят лужи тоскливые клеем).
Больные окна, не видя света,
Седые тени кладут на прохожих.
Стекают капли с колючих веток
На тротуар...

Вы на призрак похожи.
В большом кармане стальные гвозди –
Причина ран на ладонях шершавых.
А сердце просится к небу в гости:
Там нет сомнений, от времени ржавых.
Не кошки плачут – рычат тигрята,
Когтями сердце отважное рая...
Себя в себе вы устали прятать
И находить – на краю хрупкой грани.

А.Б.

Кто сказал, что герои не плачут,
Что их жизнь ничего не стоит?
Что страдания приносят удачу
Тем, кто в сердце хранит святое...

В день, когда желтоглазая осень
Острижёт золотые косы,
Для героя весь мир в вопросе:
Честь жива? Или – вниз, с откоса.
Знак «равно» между «быть» или «не быть»,
Как начало извечной драмы.
Бесконечность нетленного неба
Кто-то вставил в смешные рамы.
И напрасно бесцветные окна
Солнце тянут в свой тихий омут.
Все герои под ливнем мокнули –
Их учили совсем иному:
Пить шампанское, петь серенады
Даме сердца, ловить драконов.
И винить их за это не надо
(Романтизм разрешён законом) ...

Но опять, убивая святое,
Дождь осенний по лицам скачет.
Жизнь героев чего-то да стоит.
И герои, конечно, плачут.

Я нарисую ваш портрет –
На нём вы будете счастливым...
Мелькнёт задумчивый берет
В саду, где зацветали сливы
Давным-давно. Когда клялись
Всегда идти за облаками,

И в ритме вальса падал лист,
Ловимый нашими руками.
Когда в заснеженных полях
Искрился зимний день от смеха,
Забыв о царствах и царях,
Мы слушали шальное эхо.
Мы падали в траву реки,
Не соблюдая ложных правил.
И звёзды были велики,
Вмещаая тысячи Аравий.
И защищал от мира лес,
Зовущий в сказочную небыль,
Где в ласку превращалась лесть,
Лаская ландышами небо...
На зарубцованной коре,
Когда пройдёт холодный ливень,
Я нарисую ваш портрет –
На нём вы будете счастливым.

Астраханские витражи

Зовущая спелость ягод рябины
Наполнена страстью жаркого лета.
Мосты интригующе выгнули спины,
Похожие чем-то на лебеда Леды.
Тобою люблюсь снова,

и снова

К тебе возвращаюсь нежностью жгучей.
Осенние всхлипы ветра сквозного
Не смогут разжалобить былью плакучей
Ни сердца, ни взгляда.

Звонко смеются

Горячие листья клёнов и вязов.
И в облаке каждом черты узнаются
Лица твоего.

Новый век не навязан,

А связан из ярких сказок и песен;
И солнце целует рыжие чёлки

Задумчивых ив.

Поднебесно-чудесен
Мой город цветочный, где прячутся пчёлки;
Где пляшут фонтаны брызгами строчек,
Слышны голоса истории давней.
Где край горизонта звездой оторочен,
Шаманят старинные двери

и ставни.

Восточные ткани. Западный ветер.
Чешуйками света сотканы сети...
Жемчужнее города нету на свете.
Янтарнее край не придумают дети.

Осень

Осень осенила сени синей выси
Письменами песен северных селений.
Вновь поля лелеют мысли своих лысин.
И седеют сосны от вселенской лени.
Росным перезвоном прослезился ясень –
Силуэтом ясным сонного ребёнка,
И с сумой босячьей в стихотворной рясе
Засиял, осину одарив гребёнкой.
Высекают грозы на камнях символ
Семиструнной арфы, истину поющей.
А в лесах трясины. А в садах – красиво
От листвы восточной, золото дающей.
Осиянный вечер грусть хмельную сеет,
И стареют тени в восковых беседах.
Осень источает аромат музеев
В час, когда в гробницах стонут тайны Сета.
Сердце вспоминает звёздные капризы,
Живопись Матисса, томный шарм актрисы.
Осень в одночасье знойной тканью ризы
Высушила слёзы и сожгла ирисы.

Возвращение

Мне тесно в застенках осеннего рая,
Где спелые кущи сочатся ванилью...
И даже скрипящие двери сараев
Нас в детстве сильнее и слаще манили...

Запретные яблоки старого сада
Беспечно срывала и морщилась – кисло...
Костры листопада, как пламя распада...
Над степью туманом молчанье повисло...

...Сливовые липкие капли на пальцах –
Сочится сироп из прозрачной бутылки.
И детство заботливо втиснуто в пальцы.
Но ссадины снова, вихры на затылке

Никак не желают покорно ложиться,
Вплетаться волнами в атласные ленты.
И снова бегу я в поля, где душица
И клевер, и хмель... Вечных сказок моменты

Казались важнее послушных концовок,
Касались словами сердец распростёртых.
Герои себя не вели образцово,
И были их шпаги до блеска натёрты.

Свобода была и концом, и началом
Волшебных фантазий... Мне снова не спится.
Опять мне из детства зовуще кричала
Когда-то спасённая синяя птица.

Королева теней

Жгущим пальцы углём
на кирпичной стене
нарисуйте меня
Королевой теней.

Поместите меня
в чёрно-белый экран,
чтобы белая кровь
вытекала из ран.

На холодной щеке
нарисуйте слезу,
и я глупо поверю,
что плачу в лесу...
Но, почувствовав зов
моей вечной стены,
я очнусь, награждённая
сном ледяным.

И, устало вздохнув,
я зажгу две свечи.
Нарисуйте молчанье,
и мы помолчим,
вырывая сердца
из тисков прошлых лет.
Подарите мне день!
Подарите мне свет!

Нарисуйте восход
и траву, и росу,
чтобы я их с восторгом
Несла навесу...
Расписавшись осколком
луны на стене,
уведите в рассвет
Королеву теней.

Мне холодно: тепла хочу –
челом в плечо;
Погреться у огня чуть-чуть,
чтоб жизнь ключом

Живительным забилаьс в друг
в моей душе.
Рукам плескаться на ветру
пора уже...
Вливаясь каплей в океан,
вином в кувшин,
Свой мир средь чувственных лиан
соцту чужим.
И не пролью в печальном сне
ненужных слёз,
Услышав песню о весне
и скрип колёс...
Мне одиноко: люди спят,
а я иду
По кромке трав в плаще до пят
искать звезду,
Далёкую от всех обид,
от всех потерь.
От страсти горизонт знобит –
откройте дверь!
В окно впустите лунный луч –
он так устал
Плутать среди безмолвных туч,
средь птичьих стай...
Я затеряюсь в поздний час
и пропаду
В проливах нежного плеча
в чужом саду.

Ночь

Небо плачет васильковым снегом
И водой целует вечер глаз,
Вкрадчиво заходит в сердце негой.
А потом – лишь мгла... седая мгла...
Потому что Ночь скрывает лица,
Путает следы чужих утрат.
Ночью не поют о солнце птицы,

Дождаясь светлого утра.
Не хотят со звоном падать звёзды,
Зажигая счастьем фонари.
Мчатся поезда, вгрызаясь в вёрсты.
Не звонят зарёю звонари.
И метель скрывает очертанья
Глаз и губ, и рук, стучащих в дверь.
Крестик золотой держу у рта я,
Вновь кусаю губы в Ночь потерь...
В Ночь уходят радужные кони,
Окунаясь в облачную суть.
Тучи – занебесные драконы –
В тайниках веков Зарю пасут.
От Луны не жду святого чуда,
Не стремлюсь к жемчужным берегам.
Ночь целует – поцелуй Иуды.
Ночь ласкает – плёткою врага.
На висках фиалковые тени,
Бледность на щеках – от всех берёз.
Ночь – пора потерь и вечных бдений.
Ночь – перо невыплаканных грёз...
В небе тает снег. В руке – распятые.
Нарекусь Свечой (пусть каплет воск!)
Ночь мудра, и буду я внимать ей
До утра, до песни жёлтых ос.

Поэты, тонкие, как травы,
Испив из лунных глаз отравы,
Летят на крик полночной птицы,
Рисуют крылья, жгут страницы
Святыми строчками пророчеств.
Морошкой звёздной Ночь морочит,
Седыми тайнами знамений
Поэтов, вставших на колени

Перед грядущими веками,
Перед зовущими руками.
Лесной слезой на лист стекают
Поэты – чтобы стать стихами!

Поэзии нужна трагедия:
Придуманная или реальная – неважно.
Без этого горького питья
Жить не хотят стихи.
И каждый момент, фрагмент бытия
Поэт отвоёвывает отважно
Для непредсказуемого наследия
У всех четырёх стихий...
Поэзия не знает жалости,
Сжигая жизнь, – так пламя кидается на книги
Во время пожара. Буйство в крови!
Кто же вовлѣк слова
В магический танец и отравил
Ритмичным звучаньем? Трагично вещают вериги
Рожденье Поэта. Припомнят шалости
Тому, кто Смерть целовал.

Поэзия достойна смелости –
Напишут мученики о том на чистых страницах.
Морозные звѣзды подскажут путь –
Тайных напевов нить.
Останется только небу шепнуть
О храбрости сердца и навсегда отстраниться
От счастья... Поэты не просят милости,
Не в праве Судьбу винить!

В Поэзию вырастаю нервами.
Стремительными или смущѣнными словами
Пророчу... Черчу фигурки времѣн,

Чувствуя чёткий ритм.
Пугают меня не звуки имён,
А их трагедийность вещая над головами
Поэтов, познавших безумье первыми...
Оно и во мне горит!

Не говори со мной, печальная Баньши¹,
Не пой тоскливых песен, умоляю!
Слова твои слезами наполняют
Глаза, как чаши ландышей больших...
Чужие дети кажутся родней,
Друзья изменой образа увечат...
Баньши, поверь, рыданиями не лечат
В извечном лазарете ждущих дней.
Твой облик птичий жертвенно красив,
Ты вместо платья носишь обречённость.
Мелодии и плача обручённость
Найдет приют, мне сердце поразив...
Не вечна страсть, и страхов лабиринт
Пройду ли в новой роли Осуждённой?
Где вороны горланят возбуждённо, –
Предсмертных криков в горсти набери.
Твой пыльный плащ раскованно обвил
Зелёных листьев яростную лаву, –
Баньши, возьми мою большую славу,
Но не лишай безудержной любви!

Мои глаза сегодня – две большие лодки,
Плывущие по океану грусти.
Я пью солёный дождь с сиропом из солодки.

¹Баньши – мифическое существо, женщина-птица, вестница смерти.

Усталых мыслей рой роняет хруст и
Мятущимся огнём сжигает неба купол.
Безжизненно повисли песен перья
(Ждать утешения от райских птичек глупо).
Расту ромашкой белою теперь я...

Опять промашка вышла. Виноватых – мало.
Себя винить не хочется, поверьте.
Но в предзакатном небе, нереально алом,
Мелькает образ первозданной смерти.
Холодный ветер, как оборванный бродяга,
С опаской шарит в ветках оголённых...
Ромашкой белою в тени седого стяга
Расту на старом кладбище влюблённых.

Молчать? Скрывать себя в себе?
Ходить, звеня от чувств ключами?
Ночами плакать о судьбе
И осушать печаль свечами?
Очами серыми кричать
В пустое сумрачное небо
И ради смерти жизнь начать?..
Как это страшно и нелепо!
Как это грустно и грешно...
Я так слепа и так бессильна!
Я синей бабочкой смешной
Во сне приснюсь себе в росе льна.
Потом рассеюсь, словно дым,
Растаю утром первым снегом
И стану капелькой воды,
Весенней сказкой, лёгкой негой.
Слезой исчезну навсегда
В глазах мечтальных лунной ночью.
К земле склонится резеда,
Назвав меня небесной дочью.

Но я звездой упаду,
Молчанье раздарив свечами...
А через двести лет найдут
Русалку с грустными очами.

Эта девушка не больна.
Эта девушка влюблена.
На глаза цвета неба, льна
Облаковая пелена
Пала лаской лукавых лун.
И пуглива она, как лань,
И от страха оделась в лунь.
Её грусть у ручья светла.
Её руки тревожно льнут
К белым лилиям. Лепестки
Тянут тело её ко дну.
Блики света, как мотыльки,
Лёгким бризом летят к лицу.
И на ризу похож наряд...
С тихой грустью идёт к венцу,
Что пророчит ей хор наяд.

Я люблю?
Или только кажется,
Что смеются на небе звёзды.
Или только чудится
Где-то песня чуть спелых вёсен.
Я люблю?
Почему?
Почему забилось так
Снова сердце небесной птицей.
И зарёй ведомая
Я лицо уронила в маки.

Почему?
Далеко
Людам дарят веточки,
Нежно пахнувшие сиренью
И смолою северной,
И шумит под ногами море
Далеко.
Так легко
Ветер гладит волосы,
Осыпает песком колени.
Как тюлени вольные,
Волны плещут о чёлн Вселенной.
Так легко.
Может, сплю?
Сладко сплю под яблоней
В розоватых одеждах лета.
Я согрета гроздьями
Звёздными в колыбели света.
Я люблю!

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...*
В.А.Жуковский

Снежинки корчатся от боли,
Сгорая в святочном костре.
Тревожно ветер воев в поле,
И месяц кажется острей...
Непроходимые границы
Твоей измученной души.
(И зверь, и птица сторонится
Тоской заснеженной глуши) ...
Я заговариваю травы
На счастье, до скончанья дней:
Бросаю синий пепел вправо.
Горит свеча, вода на дне.

Сквозь зеркало бежит дорога
К порогу дома твоего.
Но с неба звёзды смотрят строго
На милый профиль теневой.
Шепчу запретное желанье
И ставлю алую печать...
Сгорает снежное посланье,
И больше некого венчать.

Звёзды плачут очень редко,
В вереске глаза скрывая
От рассеянных влюблённых,
От бездомных кошек рыжих.
Звёзды не заманишь в клетку,
Когда язвы нарываю
На ладонях раскалённых,
Когда небо болью брызжет.
Звёзды, звёзды... Просто блики,
Затуманенные горем,
Просто отблески разлуки
С горьким привкусом полыни.
Кто-то дерзкий и великий
Вылил в них шальное море...
От вселенской, нежной муки
Звёзды плачут и поныне.

На стене заброшенного дома
В полумраке горестно-вечернем
Я нашла портрет прекрасной донны
В паутине древних изречений.

Луч последний, чуть касаясь пола,
Медленно скользил плащом паяца,
Проливался всхлипами виолы,
Заставляя даму улыбаться.

И глаза, подобные туману
Или морю пенно-роковому,
Призрачным смиреньем и обманом
Втягивали в свой зеркальный омут.

Столько тайны в зыбкости былого,
Даже тени кажутся живыми.
Не напишет время эпилога.
Донна, донна...
Вечность – ваше имя.

Почему-то грустно-грустно.
Воздух плачет незаметно.
Чёрный ворон веткой хрустнул.
Взгляд упал монетой медной,
Гулко звякнув, в чашу ночи,
В полый череп мирозданья.
Где-то филин зло хохочет,
Облагая звёзды данью.
Чуть маячит в тёмном поле
Тень сгоревшей в маках ведьмы.
И уже никто не волен
След её ловить в траве тьмы.
И уже никто не скажет,
В чём она была повинна...
Ветхий дух средь белых кашек
С грустью пьёт забвенья вина.

Вы приходите – счастья миг.
Вы уходите – грусти век.
И до боли, до дрожи мил
Нежный взгляд из-под тихих век.
Вы смеётесь – и тает снег.
Мне не надо луны и звёзд.
Мне без вас даже в сладком сне
Праздник чудится вербослёз.
День без вас – пустота и тлен,
Утомлённость безмолвных рук,
Выбирающих вечный плен
И мелодию древних рун.
Вы смотрите куда-то вдаль:
И я слышу, как плачет рог
И, дурманя, цветёт миндаль,
Расплетая концы дорог.
И я с вами – по кромке трав.
Я за вами – сквозь боль и страх,
И запрет – до дверей утра,
До распятия, до костра,
До последнего вздоха с губ,
До признанья, до дрожи век...
Я замёрзну без вас в снегу.
Мне без вас и мгновенье – век.

Вы уедете на месяц, на года?
А я сяду у окошечка гадать
По далёким звёздам, окоёмным снам,
Заповедано ли счастье встречи нам ...
И когда в росе рассветной купола
Разопьют ночные страхи в тишине,
Я пойму, что просто долго не спала,

Окликая Ваше сердце в вышине.
И как только досчитаю я до ста,
Все дороги разбегутся по местам,
По кувшинам разольются струи рек,
Разорвётся солнцекружья оберег.
Роковое королевство кораблей
Примет Вас на голубые берега.
Но от этого не станет мне теплей,
Звонким смехом не распустится ирга.
Под конвоем канонических ночей
Я пройду по бликам сломанных мечей.
Я отдам Вам все улыбки, все слова,
Лунный луч в последний раз поцеловав...
И забрезжит бирюзовая заря.
Птицей ринусь к золотому кораблю.
И, поверив, что гадала я не зря,
Обниму Вас и скажу: «Люблю... Люблю».

Гуляет по городу женщина-вамп,
Скрывая себя в плотной тени из шёлка.
Улыбка манящая – повод для шока,
А взгляд словно жжёт, – не забыть его вам.
Незримо Она завлекает в капкан
Острейших клыков, ждущих жертвенной плоти,
И после – болезненной страсти тепло
Тихонько в молитву вплетёт Ватикан.
Вишнёвая тайна диковинных глаз
И грация кошки в движениях тела...
Планету, с которой Она прилетела,
Давно затопила кровавая мгла.
Отвергнута солнцем, у ночи в плену,
Приходит в ваш дом роковою невестой,
А после, когда все личины известны,
Набросит последней любви пелену...

Когда-то впервые я встретила с Ней
На узком мосту между прошлым и вечным...
С тех пор не могу я считать человечным
Свой облик, продлённый в загадочном сне.

Моя любовь не исчисляется временем,
Не облачается в одежды пространства.
В пьянящий час цветущего ревеня
Я ей дарю золотое дворянство...

Весенний ветер зазывает заманчиво
В края, где солнце не уходит за горы,
Где разум мой упрямо замалчивал
Напев мечты, колдовской и нескорой...

Но я не хочу своё прошлое баловать,
Соединяя позабытые даты.
И мне цветка хватило бы алого
Для новой веры, угасшей когда-то.

Любовь моя – заговорённая, чистая, –
Словно снегами, покрывает дороги.
Цветной салют – в полнеба лучи стоят,
Целуя плечи смешной недотроги.

И сердцу сладостно надеждами полниться.
Навстречу ветру, рассвету навстречу
Плыть, не давая волнам опомниться,
Гипнотизируя мир звёздной речью!

Века истлеют – и легенды расплавятся,
Осколки Солнца станут бликами окон...
Но будет вечной нежностью славиться
Моей любви золотистое око!

*...Слепая девочка
у церкви будет петь
О короле...
Но кто её услышит?*
А.Белянин

Я сидела на ступеньках храма
Маленькой хранительницей веры,
А века разыгрывали драму,
Обнажая души среди скверны.
Верные неверному завету,
Проходили мимо прихожане.
Я искала путь к святому свету,
Представляя мир в небесном жанре.
Плакал дождь в задумчивости строгой,
Опускаясь птицами на плечи.
И никто расспросами не трогал
(А, зачем? – от благодати не лечат).
Я шептала тихие молитвы
За продрогших, преданных, забытых.
Холодили каменные плиты
Древних стен, наветами избитых.
И века разыгрывали драму.
Стало страшно... Но хромая кошка
Села рядом на ступеньку храма,
И мы съели наших страхов крошки.

Где нимб мой?
Крылья временно в стирке...
Молитвенник на пыльном столе позабыт.
И мнимы
Звуки в ветхой квартирке,
Где быт инвентарный

Заполнил изгибы судьбы.
Лампада
Тихим светом пророчит.
Тревожные мысли
В молитвы вплетаю легко.
Не надо
Ада. Каждый порочен.
Неведомо – вниз ли
Иль в выси лететь далеко.
Бездомны
Кошки, псы и надежды.
Устану бродяжить, –
Душа к белым крыльям прильнёт.
Бес в домны
Бросит грязной одежды
Чугунную тяжесть,
А нимб мой – обратно вернёт.

Я отдам свою жизнь –
насовсем, навсегда –
Не займы, не авансом,
а просто – навечно.
Пусть сгорают сердца,
но струится вода
В капиллярах небес.
За дорогою млечной
Ты дождёшься меня,
чтобы вместе прожить
Каждый миг, каждый дюйм –
наболевший и важный...
Мы озвучим, расцветим
вдвоём миражи
И отпустим слова
в тёплый Рай их бумажный...
Вновь порывы ветров
мой холодный висок

Обожгут ядовито
под хохот небесный.
Насовсем... навсегда...
И солёный песок
Я прочту на губах –
поцелуем над бездной.
И когда над землёю
застынет рассвет,
Ты придёшь, словно воин
за траурной данью...
Мы давно с тобой были
в нездешнем родстве...
Навсегда и навечно...
Согласно преданью.

Рейс Москва-Прага

Московский снег, как белое вино,
Пьянит кристальной лёгкостью шампани,
Давно ты не шептал: «ласкава пани...»
Тебя не целовала я давно...

Седое небо бросится в полёт,
Когда стихи проснутся на бумаге.
На окнах самолёта плачет лёд,
Но знаю – солнцем встретит небо Праги...

...Как часто ты писал: «чекам¹ ... чекам...»
Конечно, ждёшь. И я ждала так долго!
Когда с закатом обнималась Волга,
Я так скучала по твоим рукам!

И по утрам мечталось мне сказать:
«Любимый, просыпайся – добре рано²».
Из наших чувств хотела я связать
Узор, подобный сурам из Корана...

¹Чекам - ждать, жду
²Добре рано - доброе утро

Транзитный рейс легко соединит
Две нитки бус – Вре́мён и Расстояний.
Мотив любви, сплетённый из сияний,
В ушах моих цимбалами звенит!

...Небесный склон. И выкриком – «Агой³!» –
Посадка на заснеженную землю...
– Я по тебе скучала, дорогой...
 - Ласкава пани⁴...
 - Внемлю...
 внемлю...
 внемлю...

Хочу увидеть небо бирюзовым,
Услышать тихий звон монеты медной,
Открыть замки и ржавые засовы –
Пробраться белкой юркой незаметно
Сквозь времена – на чистые страницы
Заведомо счастливого романа...
И будут снова трепетать ресницы
От поцелуя, сладкого дурмана.
Не обманусь я образом заветным,
Торжественно зовущим и манящим.
По отблескам и шорохам рассветным
Найду дорогу к чувствам настоящим.
Чудачества и ветреность излишни –
Повсюду чары нежности и неги.
И даже лепестки цветущей вишни
Мне не напомнят о холодном снеге...
Сквозь облака заря легко струится
И ласково ложится на ладони –
И хочется, как в детстве, помолиться,
Увидев крылья бабочки в бутоне.

³Агой! – привет!

⁴Ласкава пани - любимая женщина (с чешск.)

Андрей Новиков

Родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). Печатался в изданиях: «Литературная газета», «Московский комсомолец», журналах «Подъем», «Петровский мост», «Молодая гвардия», «Дружба», альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Тверской бульвар, 25». Автор 4 книг. Награжден Почетной грамотой Правления Союза писателей России, Большой серебряной медалью Н. Гумилева. С апреля 2015 года возглавил региональное отделение Союза писателей России. Живет в г. Липецке.

Истукан

Там, где посвист степного аркана,
Где ветра шевелят ковыли,
Сотворил я себе истукана
И прощение прошу у земли.
Что ж, готовьтесь к таким переменам,
Купол неба сегодня не глух,
Потому и по каменным венам
Я вселяю в него новый дух.
Он, как молния в грозных зарницах,
Воссияет в значенье былом,
И ему перелетные птицы
Будут бить и крылом, и челом.
Пробудив известковые очи,
Очерчу я круги на воде,
И зеркальная аспидность ночи
Отразит его здесь и нигде.
Кто еще у судьбы на примете?
Не криви же, ваятель, душой:
Ты такой же ненужный на свете,
Бородатый, веселый, большой.

Перекрестье

Летающий шум от миротворенья
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.
Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме,
На мрачные панельные скрижали
Пятиэтажек в тихой стороне.
У времени – замашки святотатца,
Бредущего на миражи огней.
В желании скитаться и расстаться

Среди бетона, ветра и камней.
Так где живут согласные стихии,
И ломаются от праздников столы?
Рога, где, поднимая, золотые
Бредут в тиши библейские волы?
Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо,
Гудя в Иерихонскую трубу.
Там произносят тайное известье,
Оно и есть краугольный пласт
Земной дороги тяжелой, перекрестье
Сжимает нас и проникает в нас.

Ной

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пленой,
Зачем же кедровое тело ковчега
Поставил на брег недоверчивый Ной?

С утра облачился в льняную рубаху,
Денек безмятежный на все времена,
Умыты росой библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.

Смеется над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на веревках коров и рабов.

Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он все твердит: каждой твари по паре,
И все собирает в мешки семена.

Alter ego

Что можешь ты? Пусть и язык остер,
Сорить на ветер нищеты словами?
Я пред тобою, как в ночи костер,
Бреди же на спасительное пламя!
Что можешь ты, мое другое «я»,
На сквозняке сиюминутных мыслей.
Где жизнь и смерть, состыковав края,
Качаются на страшном коромысле.
Что можешь ты? Не получив ключей
От двери той, где истина сокрыта,
Когда я сплю у века на плече,
У чаши бытия, тобой испитой.
Что можешь ты? Воздать моей тоске,
Сиротству или холоду терпения?
Пустыня не нуждается в песке,
И солнце не нуждается в затмении.

Клерк

Предзимье и случайный фейерверк,
Что молодость устроила со смехом,
В подъезд заходит равнодушный клерк,
Блестя под фонарями рыбьим мехом.
Скрывает дождь его и листвою,
И людоедства домового шнеки,
Судьба под водосточную трубой
Следы его оставила навеки.
Контакт с семьей – почти гремучий газ,
Тактильный мир в калейдоскопе кухни,
Где чайника ошпаренный маразм
С картошкой отварной и салом вкупе.
Метаморфозы дня стоят горбом,
Пороком, в нерешении сиротливом,
Целует, ударяясь в щеку лбом,
Холодный ящик с колбасой и пивом.

Зевает, и течет песок в часах,
Неумолим средь радостей и стрессов.
Но грезит он, что времени ясак,
Получит от согласия с прогрессом.

Кто мы?

Мы не знаем, кто мы сами,
Может, беглые рабы
времени. За словесами
Не узревшие судьбы!

Или мы жрецы с власами,
Истин золотые лбы,
На которых небесами
врезаны морщин мольбы?

Разве хаос – устроитель
Наших жизненных орбит?
Где желанная обитель,
Тайна, в коей смысл сокрыт?

Он предстанет в свете млечном,
Он в умах рассеет мрак.
Точно: вечное – беспечно,
Не со зла, а просто так.

Родное

Да, мы угадывать умеем
Грядущее на полчаса,
Когда душа бумажным змеем
Штурмует снова небеса.
Ползи безвременье улиткой,
Осваивай капустный лист,
Где в огороде, за калиткой,

Простор непостижимо чист.
Где горизонт прохладным хромом
Вращает стрелками часов,
И взрыв сирени перед домом
Со вздохом заперт на засов.
Пусть на веранде притаилась
Бессонница в цветном стекле,
Но сердце так счастливо билось
О радости к родной земле.
Что в пробуждении многоликом
Пернатый дол сейчас воскрес
И, губы выпачкав черникой,
Издалека смеется лес.

Дождливый сад

Дожди накапливают силы,
Упав с утра на почву сытную,
Качаются на некрасивых,
Промозглой осени подшипниках.

На этой, горизонта мякоти
Опять неурожай рябины.
На цветниках, завядших в слякоти,
Пылают только георгины.

Лощины с запахами лишними
Кусты выводят на дорогу.
И даль утомлена затишьями,
Надев грозу на босу ногу.

Имеют капли запах перечен,
Настой необъяснимый мяты...
Какие свойства сад теперешний
Откроет, росами объятый?

Ветры времени

Какого рода мы и племени,
Из чьих мы сотканы созвездий?
Нас осеняют ветры времени
Холодным лезвием возмездий.

Заметь, как поселилась истина
В обыкновенный детский лепет,
Леса шумят густыми листьями,
Явив природы смертный трепет.

Над городами населенными,
Несется вечность в пыльной дреме,
За облаками опаленными,
На неба бронзовой жаровне.

Прислушайся: прозренье раннее
несовместимо с настоящим.
Мы верно тонем в мироздании,
Детей в ночи целую спящих.

Запруда

Старинной мельницы запруда,
Белеющий речной песок,
Возникший будто ниоткуда
Еловый крепенький лесок.

Обрыв с большими валунами
В пластах недвижимой земли.
А перед нами и за нами –
Степей сплошные ковыли.
В довольстве и оцепенении

Цепь облаков покоит день.
Откуда ж эти треволенья
И беглая на лицах тень?

И даже радость птичьих звонниц
Не может перебить сейчас
в природе стылый след бессонниц,
воды чернеющий левкас.

А даль, прохладой перестроив,
Заняв пустоты и венцы,
Травы духмяные настои
Незримо сложены в столбцы.

И вдоль высот зарей пунцовой,
Срывая удивленье с уст,
Как едким марганцем спринцован,
Шиповника случайный куст.

Запретный город

Когда зима поднимет ворот
Из индевеющих вершин,
Встает с утра запретный город,
Являясь множеством личин.

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскою стеною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так на все века -
Река во льду глухонемая,
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему чредой полосной
Цехов искристые венцы

Похожи, в смыслах переносных,
На поднебесные дворцы?

...Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

Ольга Панюшкина

Ольга Панюшкина – композитор, поэт, певица, выпускница Российской академии музыки имени Гнесиных, лауреат Первого Всероссийского фестиваля фестивалей ЛифФт в Алуште (Серебряная медаль), дважды лауреат Всероссийского фестиваля «Русский Лад», лауреат Международного конкурса «Жемчужный Дюк» в Одессе, награждена медалью «За личное мужество», орденом «Почётный гражданин России» (Общественный комитет по наградам и званиям), Государственным знаком отличия «Заслуженный работник культуры Монголии».

Родилась 1 декабря 1966 года в городе Орехово-Зуево Московской области. С 1974 года жила в городе Дедовск Истринского района Московской области, где и окончила музыкальную школу по классу фортепиано.

В 1988 году с красным дипломом окончила II Московское областное музыкальное училище, где училась в классе заслуженного работника культуры СССР, заведующей отделением «Хоровое дирижирование», профессора Числовой Зинаиды Сергеевны, а по классу вокала была ученицей народной артистки СССР, солистки Большого театра Кирияновой Людмилы Николаевны.

В том же году поступила в Российскую академию музыки имени Гнесиных на дирижёрско-хоровой факультет, отделение «Дирижёр народного хора». Руководила курсом заслуженная артистка Ламанова Надежда Николаевна. Сольному народному пению училась у народной артистки СССР, художественного руководителя Северного народного хора, профессора Мешко Нины Константиновны и у народной артистки СССР, профессора Шаминой Людмилы Васильевны.

Ещё студенткой 5-го курса была направлена в Дом культуры Московского подшипникового завода художественным руководителем народного хора «Русь» (1992-1996 гг.). В 1995 году хор стал лауреатом фестиваля «Салют Победы», посвящённом 50-летию победы в Великой Отечественной войне и участвовал в гала-концерте в Кремлевском Дворце съездов.

В 1995 году Ольгу Панюшкину пригласили музыкальным редактором в еженедельную телепередачу «Субботний вечер с...», в 1996 год она стала директором программы в передаче «Лицо с обложки». В октябре того же года принимала участие в съёмках музыкального фильма «Новейшие приключения Буратино» помощником продюсера. С 1996 года по 2000 год училась в Тамканском университете (китайский язык) и работала на Тайване.

По возвращении в Россию выступала в клубах и на концертных площадках Москвы, параллельно записывая свои песни в студии. В мае 2013 года выпустила свой первый диск, альбом авторских романсов «А что такое звук души?..»

Ольга Панюшкина выступает в Центральном Доме журналиста, в Центре славянской письменности и культуры, в клубах «16 тонн», «Форте». 13 февраля 2015 года в Центральном Доме художника состоялся концерт-презентация её второго диска, акустического альбома авторского фолка «Вишня-Черешня». 1 декабря 2014 года был дан большой сольный концерт в театре Луны, а в 2015 году – в Государственном музее А.С.Пушкина на Пречистенке. В настоящее время, в свой юбилейный год Ольга записывает диск – песни о войне и о любви. Несколько её песен вошли саунд-треками в телефильмы и ждут премьеры. 28 сентября 2016 года в Доме журналиста на Никитском бульваре Ольга Панюшкина со своим коллективом откроет новый творческий сезон концертом «Поговори со мной».

Капитанский блюз

О, белый, снежно-белый пароход,
Возьми меня, возьми с собой в полёт.
Сиреной голубой я буду над тобой –
Песней над морем направляя парус твой.
Ветер в лицо – я талисман, я твой покой,
Солёный волк морской, суровый капитан!

Но не обо мне все его мечты,
Не обо мне ароматы ночи,
Не обо мне кольца дыма к луне,
Не обо мне штормовые тучи.
Не обо мне утопает в вине,
Не обо мне седина в бороде,
Не обо мне звёздный штиль на корме,
Не обо мне все картины в каюте!
Только о море.
Только о море.

Когда же, наконец, вернёшься в порт,
Мой ангел, белоснежный пароход?
Стою на берегу, твой первый взгляд ловлю.
Мне не знакомый, ты вернулся вновь другой.
Что за красotka танцевала над тобой,
Солёный волк морской, суровый капитан!?
Да, знаю!

Не обо мне все его мечты,
Не обо мне ароматы ночи,
Не обо мне кольца дыма к луне,
Не обо мне штормовые тучи.
Не обо мне утопает в вине,
Не обо мне седина в бороде,
Не обо мне звёздный штиль на корме,
Не обо мне все картины в каюте!
Только о море.
Только о море...

Мама

Когда
Мне будет больше двадцати, тогда
Я буду убежать из дома прочь, а ты
Мне будешь верить и шептать: «Побудь
Со мною рядом, посиди, дочь.»

Мама,
как сладко пахнут твои руки,
Мама,
мне сколько платьев сшила, песен спела,
Мама,
мне колыбельных твоих звуки снятся даже
Сейчас, когда я повзрослела.
Мама,
Что было-не было, всё понимаешь,
Мама,
Твой запах с детства мной любимый – согревает.
Не уходи, побудь ещё со мною,
Мама,
Как хорошо, что я ребёнок!

Когда
Мне будет больше тридцати, тогда
Я буду каждый день с тобой ловить – и вечером,
И утром повторять: «Спасибо,
Что со мною рядом ты!»

Мама,
как сладко пахнут твои руки,
Мама,
мне сколько платьев сшила, песен спела,
Мама,
мне колыбельных твоих звуки снятся даже
Сейчас, когда я повзрослела.
Мама,
Что было-не было, всё понимаешь,
Мама,

Твой запах с детства мной любимый – согревает.
Не уходи, побудь ещё со мною,
Мама,
Как хорошо, что я ребёнок!

Когда
Мне будет больше сорока, тогда
Я буду прятаться в твои колени – ты
Меня, как в детстве, защитишь
От всех невзгод, моя любимая

Мама,
как сладко пахнут твои руки,
Мама,
мне сколько платьев сшила, песен спела,
Мама,
мне колыбельных твоих звуки снятся даже
Сейчас, когда я повзрослела.
Мама,
Что было-не было, всё понимаешь,
Мама,
Твой запах с детства мной любимый – согревает.
Не уходи, побудь ещё со мною,
Мама,
Как хорошо, что я ребёнок!

Маяк

Снится мне океан,
белых цветов бархан,
сказочные острова,
голубая трава.
Снится, что я живу
в призрачном лесу,
снится, что я пою
песню твою.

Где ты? -
Море шумит прибоем.
Где ты? -
Чайки кричат со мною.
Где ты? -
Ветер солёный, ветер прохладный,
словно твои губы.
Где ты? -
Море шумит прибоем.
Где ты? -
Чайки кричат со мною.
Где ты? -
Ветер щекой прижмётся, шепчет,
словно твой голос.

Снится мне голос твой,
снится, что ты живой,
в лодке плывём одни
в разноцветные сны.
Парус мелькнёт, но шторм
разбивает мечты.
Где же ты, мой моряк?
Гаснет маяк.

Где ты? -
Море шумит прибоем.
Где ты? -
Чайки кричат со мною.
Где ты? -
Ветер солёный, ветер прохладный,
словно твои губы.
Где ты? -
Море шумит прибоем.
Где ты? -
Чайки кричат со мною.
Где ты? -
Ветер щекой прижмётся, шепчет,
словно твой голос.

Поговори со мною о любви, мой близкий!

Мне радостно с тобою, всё на свете
Интересно и легко.
Весь мир вокруг, как будто ты раздвинул небо,
Стало вдруг светло.
Проснуться на рассвете и дотронуться,
Смотреть, как сладко спишь.
Мне радостно с тобою, даже если
Ты совсем молчишь.

Поговори со мною о любви, мой близкий!
Нет, не слишком много слов сказал вчера.
Поговори, побудь со мною близко-близко,
Ближе, чем не знаю... чем слова!
Ты помолчи со мною, посмотри с любовью,
Я услышу всё, что сердце говорит.
Ты повтори, когда слова уже закончились,
Когда нет слов, всё снова повтори,
Всё снова повтори!

Мне весело с тобой вдвоём по берегу
Идти рука в руке.
И плыть на пароходе всё равно куда
По солнечной реке.
Как в детстве в ручейки бежать бумажные
Кораблики пускать.
Прогулка, будто жизнь с тобой, найти её
И больше не искать!

Поговори со мною о любви, мой близкий!
Нет, не слишком много слов сказал вчера.
Поговори, побудь со мною близко-близко,
Ближе, чем не знаю... чем слова!
Ты помолчи со мною, посмотри с любовью,
Я услышу всё, что сердце говорит.
Ты повтори, когда слова уже закончились,
Когда нет слов, всё снова повтори,
Всё снова повтори!

Мне нравится с тобой встречаться каждый раз
Опять, как в первый раз.
Когда зажгутся звёзды, загадай
Моё желание для нас.
Чтоб сердце не остыло и горело,
Как Млечный Путь судьбой.
И этот путь пройдем с тобой мы вместе –
Всё равно мне, где быть с тобой.

Поговори со мною о любви, мой близкий!
Нет, не слишком много слов сказал вчера.
Поговори, побудь со мною близко-близко,
Ближе, чем не знаю... чем слова!
Ты помолчи со мною, посмотри с любовью,
Я услышу всё, что сердце говорит.
Ты повтори, когда слова уже закончились,
Когда нет слов, всё снова повтори,
Всё снова повтори!

Вера, Надежда, Любовь

Вера, Надежда, Любовь –
Что остаётся прежде,
Дверь закрывает замок,
Разлука закроет сердце.
Хочется верить и ждать,
Хочется не прощаться.
Только такое счастье можешь
Ты мне не обещать.

Ты видишь, я без тебя,
Вот так, я без тебя,
Как белый парус летит
Над горизонтом в небо.
Ты без меня,
Всё так, ты без меня.
Кричит тихо душа:
Ты был со мной и не был.

Вера, Надежда, Любовь –
Счастье моё из детства.
Разве могла б я любить
Меньше, чем может сердце?
Хочется верить и ждать,
Сколько бы ни было долго.
Самого светлого чувства, только
Этого стоит ждать.

Ты видишь, я без тебя,
Вот так, я без тебя,
Как белый парус летит
Над горизонтом в небо.
Ты без меня,
Всё так, ты без меня.
Кричит тихо душа:
Ты был со мной и не был.

Родина

Напои водой родниковой из рук твоих,
Заплети косы лентой берёзовой,
Я в лугах твоих упаду лицом в траву –
Вся земля твоя дышит любовью к тебе.
Где найти мне себя, как понять себя?
Заметают дороги моя родина.
Я иду наугад на свет вдали –
Оглянуться б назад, да не видно ни зги.

Любовь моя к тебе,
Чем дальше, тем сильнее!
Когда ты далеко,
Становишься родней!
Когда болит душа,
Тоскою тянет грудь,
Горит во мне любовь
К тебе,
Родина!

Помолись за меня по имени,
Обними и прижмись ко мне, милая.
Твои степи, леса вдохну глубоко,
Допью до конца одним глотком.
Не найти мне дороже и ближе тебя,
Сколько лет пережжено, прожито.
Колыбельная песнь, лебединая –
Ты во мне навсегда, как мама – одна.

Любовь моя к тебе,
Чем дальше, тем сильнее!
Когда ты далеко,
Становишься родней!
Когда болит душа,
Тоскою тянет грудь,
Горит во мне любовь
К тебе,
Родина!

Что подарить тебе

Чем дальше от тебя, тем ближе
Твоя душа моей.
Чем дальше от тебя, тем ближе,
Горит ещё сильнее.
Твоя душа моей,
Чем дальше, тем родней.
Чем дальше, тем ещё дороже,
Что позабыть нельзя.
Чем дальше, тем ещё дороже,
Забывать никак нельзя:
Любовь всегда права,
Она всегда права.

Что подарить тебе за Любовь мою,
Бесконечного, как Вселенная?
Что подарить тебе больше, чем она,
Невозможная Любовь моя!

Что подарить тебе так, чтоб мог Любовь,
Мой подарок лучше допеть меня?
Что подарить тебе так, чтоб навсегда?
Я подарю тебе Тебя!
Я подарю тебе Тебя.

Чем дальше, тем ещё больнее,
Когда не рядом я.
Чем дальше, тем ещё больнее,
А где я без тебя?
И вновь искать себя.
В тебе найти себя.

Что подарить тебе за Любовь мою,
Бесконечного, как Вселенная?
Что подарить тебе больше, чем она,
Невозможная Любовь моя!
Что подарить тебе так, чтоб мог Любовь,
Мой подарок лучше допеть меня?
Что подарить тебе так, чтоб навсегда?
Я подарю тебе Тебя!
Я подарю тебе Тебя.

Чем дальше, тем ещё короче
Дорога в облака.
Чем дальше, тем ещё короче
Вопрос-ответ: куда?
Уже ведёт судьба.
Идешь туда, где я.

Что подарить тебе за Любовь мою,
Бесконечного, как Вселенная?
Что подарить тебе больше, чем она,
Невозможная Любовь моя!
Что подарить тебе так, чтоб мог Любовь,
Мой подарок лучше допеть меня?
Что подарить тебе так, чтоб навсегда?
Я подарю тебе Тебя!
Я подарю тебе Тебя.

Современная проза

Российский
КОЛОКОЛ

Ярослав Веров

Гусаков Глеб Владимирович (литературный псевдоним – Ярослав Веров), родился 23 октября 1966 г. в г. Донецке.

В 1983 году поступил в Донецкий Национальный технический университет на факультет «Физическое материаловедение». После второго курса, в 1985 году был призван в ряды Вооружённых Сил СССР, после демобилизации, в 1987 году восстановился в универ-

ситете и закончил его в 1990 г. с красным дипломом.

В 1993 году закончил аспирантуру по специальности «Физика твёрдого тела» при Донецком физико-техническом институте Национальной Академии Наук Украины.

Литературным творчеством занимается с 1995 года. Первые журнальные публикации – с 1999 в журнале «Порог» (Кировоград). Первая книжная публикация – роман «Хроники вторжения», М.: АСТ.

С 2000 по 2004 г. работал в редакции фантастики издательства «Сталкер» (Донецк), фактически являясь одним из её создателей, а также ведущим редактором серии «Библиотека фантастики «Сталкера».

2008 г. – соучредитель общественной некоммерческой организации «Созвездие Аю-Даг» (АР Крым), директор международного Крымского ежегодного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг».

2009 г. – исполнительный директор литературного семинара «Партенит».

2010 г. – соучредитель издательства «Снежный Ком М» (Москва), специализирующегося на выпуске интеллектуальной фантастики.

В настоящее время занимается литературной деятельностью под псевдонимом Ярослав Веров.

В творчестве Ярослава Верова условно можно выделить три направления.

Первое это юмористическая НФ (научная фантастика), причём, понятие «юмористическая» следует трактовать достаточно широко – вплоть до самого мрачного гротеска.

Второе направление можно обозначить как религиозно-философская мистика.

Умение Верова смешивать несовместимые, казалось бы, стили ярко проявилось в повести «Мыслеход». Под оболочкой стилизованной пародии на «популяризаторскую» НФ начала прошлого столетия (о чём красноречиво свидетельствует подзаголовок «русский Жюль Верн») скрывается серьёзная религиозная подоплёка.

Роман «Хроники Вторжения» также начинается как развесёлая юмореска из жизни троих писателей-фантастов (совершенно в духе «Попытки к бегству» А. и Б. Стругацких). Постепенно, однако, веселье сходит на нет, а в финале читателя ожидает даже трагедия.

Представляется, что главный авторский замысел романа заключается в столкновении обыкновенных людей, не верящих ни во что сверхестественное, с реальностью запредельного. Тема эта вообще оказывается ведущей в творчестве Верова. Автору интересно, а останется ли человек человеком в выше человеческих возможностей, как он проявит себя, выйдет ли с честью из этих испытаний. Не столько интересно, потеряет ли персонаж голову, сколько – потеряет ли он душу.

Большой творческой удачей Ярослава Верова следует считать роман «Господин Чичиков». На роман было написано достаточно много рецензий и отзывов, поэтому нет нужды пересказывать его содержание. Отметим, что, по внешней форме будучи «римейком» гоголевских «Мёртвых душ» на современном материале, роман представляет собой сложную конструкцию, включающую в себя мистический триллер, пародийно-гротескную буффонаду и религиозно-философский подтекст. Несомненное достижение Верова – разработка некоего «неоголевского языка», то есть осовременивание языка классика, отчего описание ситуаций, персонажей и коллизий, по сути, чисто гоголевских, обретает особую остроту и очарование.

Роман сравнивали с «Альтистом Даниловым» Орлова и с творчеством Булгакова. Но всё же, «Господин Чичиков» – произведение самодостаточное. Здесь мы обнаружим вышеупомянутую тему столкновения обычного с необычным, запредельным, иномировым. Однако, основная идея романа – что есть добро и зло для современного человека, жителя отдельно взятого города Н. Не в абсолютных категориях, а, скорее, в зримых и осязаемых формах. Писатель соотносит выбранное городом «добро» с этической доминантой существа, это добро им даровавшего. Читатель обнаружит в этой дихотомии интересные нюансы. Явно отрицательный персонаж отказывается от предлагаемого ему блага: демон и искуситель Чичиков оказывается обличителем человеческих пороков, отстранённым судьёй и чуть ли не мерилом нравственности.

Третье направление, развиваемое совместно с московским соавтором Игорем Минаковым, – возрождение серьёзной научной фантастики. В настоящее время соавторы выпустили два научно-фантастических романа из трилогии «Трикстеры» – «Десант на Сатурн» и «Десант на Европу», авторский сборник «Операция «Вирус»», повести «Signus Dei» и «Отель для троглодита».

Каждое произведение автора вызывает неоднозначную оценку читателей. Особенно это относится к повести «Операция «ВИРУС»», написанной как продолжение трилогии братьев Стругацких о Максиме Каммерере и удостоившейся похвалы самого Бориса Натановича. Кроме того, соавторы опубликовали в периодике и сборниках цикл статей, посвящённых фантастведению вообще и научной фантастике в частности.

Ярослав Веров – лауреат многочисленных премий в области фантастики. Член МГО СП Российской Федерации, секретарь правления ИСП.

МОНОХРОМНЫЙ ОХОТНИК

*Луна - она растет и стареет.
А я - только старею...
Зато я могу улыбаться.
И умею долго и мучительно
умирать...*

Лучик 1. «Хижина»

Он сидел на скамейке перед камином и вырезал Белого Однорога. Это было забавно – смотреть, как оживший Однорог по пути к Выходу прямо на глазах превращался в кого-нибудь другого. В Торопыгу или Носастого, а иногда в Попрыгая. Это было и смешно, и грустно. Смешно, потому что, шагая по Полочке, он забавно подпрыгивал, чухался и кружился на месте. У него вырастали новые лапы и хвосты, он покрывался костяным панцирем или начинал хлопать перепончатыми крыльями, он водил в разные стороны, принюхиваясь, большим носом, в который превращался его рог. Но никогда не оставался самим собой – Белым Однорогом. И это было очень грустно.

Грустно потому, что Однорогов в Пятне всего несколько. Он их знал, и они его знали. При редких встречах Белые Однороги величаво кивали ему огромными головами и уходили. У них были заботы, к которым он – Белый Охотник – не допускался. Он всегда немного робел при таких встречах. Непроизвольно поднимал ствол Ружья в небо и слегка приседал, опуская голову. И никогда не стыдился этих Знаков Почтения.

Они издавали Чувство Любви, и их было всего несколько.

Вот и сейчас, заканчивая вырезать хвост, он гадал, во что тот превратится. Он знал, ваять того, кто выше тебя – занятие глупое и чреватое. Но ему очень хотелось, чтобы Однорогов стало больше.

На Полочке почувствовалось шевеление. Охотник отложил в сторону незавершенную работу. Оживление, Дорога к Выходу, Таинство, которое он не понимал, но которым не переставал любоваться.

Пришли Сроки Шестокрыла. Охотник вырезал его семь Циклов назад, когда прилетевший Черный Вой сожрал их полтора десятка, прежде чем с ним было покончено. Вой упал в куст Круглолиста, так что резать Шестокрыла было из чего. «Странно, – в который раз думал Белый Охотник, – каждый раз, когда Черный Монстр прорывается через Серое, он нано-

сит вред. И он же ломает ветви, мнет кусты – делает все, чтобы у меня был материал для работы. Может, для этого я здесь?»

А на Полочке Шестокрыл неторопливо полз к Выходу – окошку в стене Хижины. Он бугрился шишечками, которые набухали и разрывались, испуская зеленоватые облачка Чувства Веселья, и из них вываливались маленькие Шестокрыльчики. «Три... Семь... Двенадцать... Двадцать два», – считал про себя Охотник и радовался, потому как через Выход его Хижину покинуло на семь Шестокрылов больше, чем сожрал Черный Вой. Значит Пятно стало чуточку шире. Значит Серого стало чуть меньше. «Эх, знать бы заранее, сколько их выйdet», – думал Охотник, снова принимаясь за Белого Однорога, – почему сегодня их вышло двадцать два, а в прошлый раз всего трое. А ТОГДА и вовсе ни одного».

И Охотник снова увидел ту картину, когда в Положенный Срок фигурка Шестокрыла не ожила, осела кучкой белых стружек, оставив только Чувство Пустоты. Потом стружки впитались в Полочку, а Чувство Пустоты Охотник слышал и сейчас.

Он снова принялся вырезать. Золотые языки пламени плясали в камине, отбрасывая блики на внутренность Хижины, Хижины Белого Охотника.

Блики весело играли в сказочную игру красок со столом и бревенчатыми стенами, на которых проступали коричневые разводы годовых колец, с вороненым масляным блеском ствола Ружья, заботливо поставленного в угол и темно-зелеными боками Зарядного Ящика. Они стремительно пробегали по картинам, развешенным по стенам, и от их прикосновения, казалось, Черные Чудовища и Белые Животные оживали и наполнялись Жизнью и красками, которых не увидишь за стенами Хижины. Блики скакали по Белым фигуркам, вырезанным Охотником и расставленным по Полочке, путались в зелено-блескучем облачке Чувства Веселья, оставленном недавно Вышедшими Шестокрылами. И единственно, чего блики сторонились – размытого пятна Чувства Пустоты на краю Полочки. Того самого места.

Ну и, конечно же, они, неугомонные, носились по самому Охотнику: безжалостно топтали волосы, играли мускулами рук, заполняли глаза. И только, прикасаясь к ладоням, замирали. Блики расцвечивали Хижину, но, касаясь фигурки, которую резал Охотник, становились пятнами Белого Света. Такого же, как свет из окна.

Такого же, как сама фигурка.

Пламя рождало блики. Пламя издавало Чувство Тепла и Покоя, к которому Охотник давно привык и которым, тем не менее, очень дорожил.

Охотник закончил работу, отложил в сторону нож и залюбовался фигуркой, осторожно держа ее на ладонях.

Резал из дерева он мастерски. И особенно получались у него Однороги. Потому как старался он повторить каждый изгиб, каждую складку, каждую, пусть даже самую незначительную, мелочь.

Потому что, не было ничего дороже их.

Казалось, даже блики пламени перестали скакать по Хижине и тоже любовались фигуркой. Казалось, вот сейчас маленький Белый Однорог зашевелится, моргнет задумчивыми золотистыми глазами, поведет рогом и прыгнет с ладоней. Казалось, он даже издает Чувство Любви...

Но нет. Это просто свет из окна. Это просто шевеление ладоней, уставших от работы. Это просто маленькая деревянная фигурка.

Охотник вздохнул и осторожно поставил фигурку на Полочку, рядом с Чувством Пустоты, которое слышалось сейчас особенно остро.

Он немного подумал и по лестнице полез на чердак за Биноклем. Время Сна еще не закончилось, а фигурку он уже вырезал. Захотелось побродить. Да и на Серое он давно не смотрел. Может, получится пару капканов поставить. Да и Краска почти закончилась.

Охотник достал из ящика изрядно запылившийся Бинокль, повесил на пояс мешочек для Краски, зачехлил три капкана. Спустился и взял Ружье. Достал из Зарядного Ящика свои обычные четыре обоймы – осколочную, бронебойную, зажигательную и фугасную. Посмотрел еще раз на фигурку Однорога и толкнул дверь.

Лучик 2. «Пятно»

Каждый раз, открывая дверь, он замирал на Пороге. Стоя на Пороге – наполовину в Хижине, наполовину Вне – он всякий раз чувствовал свою раздвоенность. Та его часть, которая в Хижине, была живой, многоцветной. А та, которая Вне – белой. Чисто белой. Местами чуть светлее, местами немного темнее, но везде – белой. Граница цвета проходила прямо через тело Охотника, и в этот момент он не смог бы точно сказать – какая его часть более нереальна. Даже блики, вырываясь из Хижины, плясали на земле перед Порогом светлыми пятнами.

Словно цвет кончался на Пороге.

А может, так оно и было.

Цвет был заперт в Хижине. Но Белый Свет через окно падал на стол Охотника белым квадратом.

Охотник снова вздохнул и пошел к Границе Пятна.

Мир был разделен на два цвета – Белый и Черный. В Белом мире росли белые деревья, текли белые реки, бродили белые звери и летали белые птицы. В Черном все было черным.

Между Черным и Белым мирами пролегла ничейная полоса, межа, мир Серого. Ямы и камни, холмы и овраги. Ни кустика, ни насекомого.

Скорее всего – весь Мир был Серым. И на этом Сером разбросаны Черные и Белые Пятна, между которыми шла непрестанная война. Война за Серое.

Пятно Белого Охотника было не очень большим. Когда он впервые это осознал, то ему стало не по себе. Маленькое пятнышко Белого на огромных просторах Серого – есть над чем задуматься. Тем более, что через Серое со всех сторон лезут Черные Монстры, от которых свое Пятно нужно любыми силами защитить – есть от чего впасть в отчаяние.

Но дело делалось, и на отчаяние времени не хватало.

А потом пришла Мысль.

– Раз есть Белое Пятно, – говорила Мысль, – значит должно быть и Черное. Но почему их должно быть по одному?

И появился Бинобль.

Он представлял собой равнобедренный треугольник, в вершинах которого находились окуляры. Его было удобно положить на нос и тогда можно смотреть, не помогая руками.

Он сам наводил резкость. В окулярах были крестики и дальномерная сетка. Кроме того, маленький индикатор мерцал цифрами расстояния и пульсировал точкой, когда в поле зрения попадал живой или движущийся объект.

Бинобль был очень удобен. Но для Охотника – практически бесполезен. Черных Монстров Охотник слышал по издаваемым ими Чувствам. Однако через Бинобль Охотник впервые увидел Соседние Черные Пятна. И далекое Соседнее Белое Пятно. До Соседнего Черного Пятна Бинобль показал полторы тысячи шагов, до Соседнего Белого – индикатора не хватило.

И самого Пятна видно не было. Только верхушки белых деревьев, торчащие над горизонтом, да реющую над Пятном едва различимую точку Белого Большекрыла.

Вокруг Пятна Охотника было Три Соседних Черных. А Белое только одно. Далекое, недостижимое.

И еще одним интересным свойством обладал Бинобль – он не мог пробиться через Порог. Индикатор мельтешил цифирью, а в окулярах

виднелся снег. Снег падал монотонно и размеренно, не усиливаясь, но и не переставая.

– Откуда я знаю, что такое – снег? – думал Охотник, иногда наводя Бинокль на Порог. – Я ведь ни разу его не видел. Хотя знаю, что еще бывает и дождь. Где бывает? Это что-то связанное с небом?

Охотник смотрел на небо и видел всегда одно и то же – яркую Белую Луну, окруженную золотым ореолом, – на одной стороне неба и круг Черной Луны, окруженной красной короной, – на другой стороне. Само небо было Серого Цвета. Может, чуть светлее.

– Желтое и красное – золото и медь, – думал Охотник, – откуда это?

Обе Луны излучали. Белая – Белый Свет, Черная – Черный. От этого все имело две тени – светлую и темную. Эти тени, как разведенные в стороны руки, никогда не касались друг друга.

Может, одна не знала о существовании другой.

А может, они боялись этого знания.

Золотой ореол и красная корона лун – два цвета во Вне. Но на Мир эти цвета не влияли. Мир был черно-белым, монохромным, и ничто не могло его изменить.

Цвет лун смущал Охотника. Ему было странно, что он видит эти два цвета, а Мир – нет.

Однажды Охотник навел Бинокль на Черную Луну. И увидел через окуляры красный круг. Индикатор показал ноль. Охотник посмотрел на Белую Луну и увидел желтый круг. И тоже – ноль. Он протянул руку и увидел, что Луна находится между рукой и окулярами.

Бинокль отправился на чердак.

Сейчас, подойдя к Границе, Охотник посмотрел в сторону Первого Черного Пятна. С этой стороны он слышал сильное Чувство Угрозы, тут он собирался поставить капканы. Если их примет Серое.

Само по себе Серое должно было бы представлять что-то неопределенное, безразличное, которое обретало Чувства и Смысл, только становясь Белым или Черным. Но иногда оно проявляло непонятные Охотнику свойства, наполнялось едва уловимым Чувством Беспорядка. Тогда поставленные капканы просто впитывались в почву.

А ставить их на Белом Охотник не мог.

Для пробы Белый Охотник взял маленький камень со Своего Пятна и, бросив его на Серое, стал наблюдать.

Странное зрелище – маленькое Белое на необъятном Сером. Потом Белое стало постепенно сереть, пока не слилось цветом с окружающим пространством. Но камень остался лежать.

Охотник отошел от Своего Пятна шагов на пятнадцать и установил капканы.

Когда он ходил по Серому, он тоже чувствовал свою нереальность. Особенно, когда смотрел на Свое Пятно с этой стороны Границы. Свое Белое Пятно всегда казалось далеким, зовущим. Казалось, что оно удаляется.

И с Серого Охотник возвращался бегом.

После перехода Границы он тщательно стирал серую пыль со своих сапог, не желая марать Свое Пятно. Это было скорее ритуалом, чем необходимостью, но Своим Белым он дорожил.

Очистив сапоги, Охотник направился за Краской.

Лучик 3. «Краска»

Красками Белый Охотник рисовал Картины. Когда он решил рисовать, то Пожелал этих самых красок, потому как знал, что они существуют. И заглянул в Сарай Желаний. Красок там не оказалось. Это могло значить одно из двух – либо Охотнику это недоступно, либо все необходимое придется искать во Вне.

Последнее и подтвердилось.

Сначала он нашел Белого Холстороста. Растение Его Пятна росло большими белыми листьями. Эти листья оно изредка сбрасывало, и если Охотник в нужное время оказывался в нужном месте, то у него была возможность донести лист до Хижины. В Хижине листья в почву не впитывались. Почему-то.

И оставались белыми.

Потом Охотнику потребовались Кисти.

Много Циклов он бродил по Своему Пятну, не находя ничего, что могло бы послужить кистью. Это было еще в Раннее Время, когда он только начинал изучать повадки и образ жизни не только Черных Монстров, но даже Своих Белых Животных.

Он еще многого не знал.

Однажды Белый Охотник встретил на полянке небольшое стадо Толстошерстов, маленьких пушистых зверьков. Они издавали Чувство Нежности, резвясь на мягкой траве поляны.

–А шерстка у них мягкая, как пух, – подумал тогда Охотник, глядя на Толстошерста, который отделился от своих и скакал прямо к нему, – хорошая получилась бы кисть.

Толстошерст посмотрел ему в глаза, ласково потерся о грубую шершавость сапога. Охотник присел, погладил Толстошерста. И обнаружил полную руку шерсти. Пока он рассматривал шерсть – Толстошерста как не бывало. Охотник посмотрел на стайку и не смог определить, какой же из них приходил.

Толстошерст, наверное, просто линял.

Просто линял для него?

Или просто линял для его Кисти?

Охотник бережно собрал все волосинки и спрятал за пазуху. Это было в самом начале Цикла Охоты и, возвращаясь в Хижину, Охотник особо не надеялся, что шерсть не исчезнет.

Но она не исчезла.

– Мягкие, словно беличьи, – думал Охотник, мастеря из волосков Толстошерста себе Кисти. – Беличьи? И вот – Кисти есть, холст тоже. Нужны краски. А какие могут быть краски в монохромном мире? Только – Белая и только – Черная.

Так он тогда думал.

Но оказалось иначе.

Однажды он проходил берегом реки и залез в какую-то белую грязь. На том берегу Черный Бронеспин топтал и пожирал заросли Белого Колышуна, источая во все стороны Чувство Ненасытности. Поэтому задумываться о грязи Охотнику было недосуг.

Вспомнил, только вернувшись в Хижину. Когда, усталый, сидел перед камином, то заметил, что сапоги переливаются всевозможными цветами. Это и была та самая грязь.

Краска.

Она была Единственной, но ее хватало на все.

Когда Охотник смачивал Кисть в Жидкости Реки и касался ею Краски, она снова начинала переливаться всеми цветами. Она лучилась, сверкала, блестела. Казалось, что она сама светится. Что она сама несет в себе этот Цветной Свет.

Но она не издавала никаких Чувств.

Только Краска и Жидкость Реки не издавали Чувств в этом Мире.

Зато Краска меняла цвет в зависимости от того, какие Чувства ей произносил Белый Охотник.

Довольно забавное зрелище – держать в руке Кисть с Краской, произносить Чувства и наблюдать, как Краска меняет цвета. В принципе, можно было и не стараться, рисуя Картину. Можно просто равномерно покрыть холст Краской и, пока она не высохла, произнести Чувство

того, кого Охотник желал изобразить. И Краска сама в нужных местах стала бы нужного цвета.

Но Охотник не умел и не хотел уметь произносить в чистом виде Чувства Черных.

И Охотник не любил так рисовать.

Он сначала произносил Краске Чувство, а потом этим Чувством рисовал. Затем менял Чувство и делал новые мазки. И так до тех пор, пока с холста на него не взирал очередной Черный Монстр.

Лутик 4. «Белый Одиногор»

Белый Охотник рисовал Картины Черных Монстров.

Белый Охотник терпеть не мог этих Монстров. И когда у него появилось все необходимое для рисования, то он тут же и нарисовал свою первую Картину. На ней был изображен Белый Шуршун, маленький приятный зверек, который излучал Чувство Романтического Шороха, откуда-то знакомое и любимое Охотником. Ему эта Картина так понравилась, что он даже не связал ее с тем, что в следующий Период Охоты Черный Хрю сожрал двоих Шуршунов.

Тогда Белый Охотник просто очень расстроился.

Следующей была картина Белого Землероя.

И троих Землероев затоптал Черный Зубонос.

Охотника это еще больше расстроило. Но его всегда расстраивало, если не удавалось спасти Жизнь Своему Белому Животному. А нарисовать Белого Одиногора очень хотелось.

Одиногор получился просто замечательным. Толстые лапы, бугристый хвост, массивная голова на короткой шее, длинный белый рог. Даже Чувство Любви было.

В следующий Период Охоты он едва успел выйти из хижины, как понял: происходит что-то непоправимое. Охотник рванулся в сторону Границы, на ходу заряжая все четыре обоймы.

Всегда он заранее знал, с кем предстоит схватиться. Отчасти из-за Чувств, которые издавали Черные Монстры, переходя Серое, отчасти из-за чего-то, напоминавшего интуицию. И Ружье было заряжено соответственно необходимости.

На этот раз он впервые не знал, что ему зарядить и зарядил все четыре. Рука сама поставила огонь на чередующийся, когда заряды берутся из всех обойм по очереди.

Когда он выскочил на Границу, то увидел зрелище, которое теперь уже никогда не сможет забыть – перед Границей стоял в Белом Сиянии Чувства Любви Одиногор. Со стороны Серого против него стояли ДВА Черных Рогоносца. Они были сплошь усеяны рогами, окружены Мерцанием Чувства Ненависти, и Серое под их лапами стремительно становилось Черным.

Охотник сильно струхнул. Попади он сейчас в такую переделку – он и сейчас бы струхнул.

Он поднял Ружье и тут же понял, что это бесполезно. Нет у него таких зарядов, которые смогли бы не то чтобы уложить, хотя бы поранить Рогоносцев. Оставалось просто стоять и смотреть на поединок.

А Одиногор слабел. Это было хорошо видно. Он напрягал мышцы, стараясь не упасть, водил головой от одного Рогоносца к другому, и Охотник вдруг вспомнил свою Картину. Вспомнил и две предыдущие, и погибших Животных. И понял, что участь этого Одиногора он решил еще в Цикл Сна.

И Охотник рванулся вперед. Он встал перед Одиногором, ничего не соображая из-за навалившегося Чувства Ненависти. Оно было бесконечно, оно пронзало насквозь, рождая во всем теле Охотника Чувства Паники, Страх и еще чего-то, против чего он не должен был устоять. И эти Чувства были предназначены Белому Одиногору, а не Охотнику. Его они касались только краем.

Сразу стали бессильно подгибаться ноги, Ружье налилось тяжестью и норовило выпасть из рук, глаза закатывались.

Охотник закричал. Он кричал Чувство Обороны, Чувство Жертвы, еще какие-то Светлые Чувства, которые уже и не вспомнить. Он уже не надеялся ни на что.

Просто был Одиногор.

Просто его нельзя было отдать Рогоносцам.

Просто ИНАЧЕ было нельзя.

Когда Охотник пришел в себя – ему было очень плохо. Он огляделся по сторонам и увидел, как двое Одиногоров осторожно подняли обессиленного, но живого третьего, чтобы отнести вглубь Пятна.

Раненый Одиногор открыл глаза и посмотрел на Охотника. Охотник из последних сил подполз к нему и прошептал Чувство Вины.

Что еще он мог сделать?

Одиногор не то, чтобы понял его. Охотнику показалось, что Одиногор все знал еще до схватки. Он бессильно закрыл глаза, и его унесли.

И лишь едва уловимое Чувство Любви долетело до Охотника.

Только тогда он понял, чем все должно было закончиться. И для него, и для Однорога, и для всего пятнисто-монохромного Мира.

Охотник снова лишился осознания.

И больше не рисовал Своих Белых Животных.

Никогда.

Потому, что они ему были очень дороги.

А сейчас он набрал в свой мешочек Краски и недалеко от воды при-
мостился на старом пеньке Белого Груболиста. Когда-то дерево свалил
прорвавшийся через Реку Черный Древод. Но пенек, как ни странно –
остался.

Охотник положил на колени Ружье, посмотрел на блестящую Жид-
кость Реки и вдруг стал вспоминать.

Лучик 5. «Нисхождение»

Как и откуда он здесь появился – Охотник не знал. Если кто и знал
ответ на этот вопрос, так это были Белые Однороги. А у них не спросишь.
По крайней мере, Охотник этого не мог.

Просто существовал в Мире миг, точка, когда возник Охотник. Что
было с Миром до этого – он не знал. Что было с ним самим до этого – он
тоже не знал. Просто с какого-то мгновения он был.

Сидевший на пеньке Охотник прутиком нарисовал на песке две пер-
пендикулярные линии. Вертикальная ограничивала горизонтальную.

Это был луч Света, исходящий из чего-то и теряющийся вдали.

Это было Чувство, сказанное кем-то и доступное всем.

Но это не была жизнь Охотника.

Он нарисовал еще одну вертикальную черту, ограничив второй сво-
бодный конец горизонтальной.

Вот теперь это была Жизнь. С Точкой Входа и Точкой Выхода.

Смерть. Откуда-то он знал, что это такое, и что она есть. Это не та
смерть, которая наступает Монстров и Его Животных. Они впитываются
в почву, и это не есть смерть. Но они и не появляются из ниоткуда, как
он. И Охотник вспомнил свое нисхождение.

Его осознание в один прекрасный (прекрасный ли?) миг включилось,
и он стал. Он стоял недалеко от Границы, около небольшого Белого Хол-
ма, рядом лежало Ружье, а на него шел Черный Зубоскал, окатывая Чув-
ством Зависти. Много думать было просто некогда, он схватил Ружье,
дослал обойму и, не целясь, выстрелил.

Потом ему было страшно как плохо. Его мутило так, что осознание иногда отключалось, щадя его. Он в полунеосознанном состоянии бродил по Пятну, пока не наткнулся на Хижину. Он почему-то сразу понял, что это Его Хижина.

Тогда он вошел в нее, бережно поставил Ружье в угол и упал прямо на Пороге.

Сколько он так пролежал – не имело значения, потому что Времени как такового здесь, скорее всего, и не было. Он знал, что, вообще говоря, оно где-то существует и имеет большое значение. Но он не знал, где это «где-то». В голове была какая-то Область Подсказок, которая иногда давала какие-то странные Слова. Он пытался над ними задумываться, и Область с некоторой задержкой подбрасывала ему Чувство, соответствующее этому Слову. Это что-то объясняло, но объяснение было похоже на еще одно, Следующее, Слово. И так могло продолжаться очень долго. Но на это не хватало того самого странного Времени. Было некогда. Да не очень-то и хотелось. Потому как пользы от этого не было никакой.

Он очнулся, оглядел Свою Хижину и встал в полной уверенности, что он – Белый Охотник. Это было законченное Чувство, которое наполняло Хижину. Оно никем не произносилось, ничем не излучалось. Оно просто было. Как был он – Белый Охотник.

Позже ему казалось, что он сам произносил это Чувство.

Но откуда ему было знать это Чувство?

Тогда он взял Ружье, четыре обоймы и вышел за Порог. Он даже не заметил странных свойств Порога, потому как сам монохромный Мир был полон странностей, которые он не понимал. И было Ружье, которое тяжелило руки.

Ружье было своеобразно. Как только Охотник его взял, он умел им пользоваться. И хотя, в принципе, имелось множество версий, куда и какой стороной его прикладывать и откуда стрелять, тем не менее, он не ошибся. И Зубоскала уложил одним зарядом.

Хотя что-то ему говорило, что он никогда Раньше этим не занимался. Даже До.

Даже До.

Белый Охотник поерзал на пеньке и неуверенно продолжил левый край горизонтальной полоски за пределы ограничивающей ее вертикальной линии. Потом немного подумал и то же самое сделал с правым концом.

Хотя и не понял – зачем.

Смерть – не смерть? Рождение – не рождение?

Он временами вспоминал Белый Холм, возле которого нашел Ружье и убил Черного Зубоскала. Это не был холмик, остающийся после того, как Белого убьёт Черный, и тот впитается в почву.

Это было что-то другое.

Хотя через пару Циклов Белый Холм тоже исчез. Сравнялся.

Он был Здесь не первым? А почему он должен быть Здесь Первым? Да и вряд ли Последним. Но, что было До и что его ожидает После?

А тогда, Раньше, ему было ужасно плохо, но он все равно выходил на охоту. Это было его дело. Для этого он здесь стал.

Лучик 6. «Охота»

Свою первую охоту он запомнил навсегда. Иногда, закрывая глаза, он мог снова и снова видеть эту сцену. Даже больше – он мог управлять действием, изменять какие-то вещи, незначительные действия обеих сторон. Но результат всегда оставался прежним.

Черный Многохвост топтал Белого Попрыгая. Он яростно вгрызался в Попрыгая, прыгал на его беспомощном тельце, бил по нему длинными тяжелыми хвостами, громко издавая Чувство Жестокости. Он забавлялся. На его пасти и когтях лап блестели золотые капельки. «Золото», – подумал тогда Охотник, направляя Ружье на Многохвоста, но видя только капельки.

Первым пошел бронебойный. Он вспорол панцирь Черного Многохвоста, оставив после себя дыру, в которую пошел зажигательный. Внутри Многохвоста вспыхнуло нестерпимо яркое белое пламя. Оно прорывалось сквозь стыки костяных пластин, озаряя все вокруг. Потом Многохвост опал безвольным костяным каркасом, превратившись в черный холмик.

Рядом с белым холмиком.

Его окружали мелкие красные капельки, которые совершенно не к месту смотрелись на фоне Белого в окружении золотистых. «Медь», – подумал Охотник, – Золото и Медь».

Это были два цвета, которые он видел вне Хижины. Золотая и Медная Луны. Его кровь тоже была Золотой. Когда он узнал это, то даже не удивился.

Удивился он, когда захотел узнать – какое у него лицо.

Он сходил к Реке и набрал из нее Жидкости. Тогда он еще называл ее Водой, но позднее перестал. Что-то говорило ему, что Вода не такая. Он

просто посмотрел в Реку, но ничего не разглядел, кроме трех золотистых кругляшков, в которых заподозрил свои глаза.

Он принес Жидкость в Хижину. Снова посмотрел, пытаюсь обнаружить свое отражение.

Отражения не оказалось. Только глаза. Три теперь уже совершенно Золотых Глаза смотрели на Охотника из Жидкости. И слабый, едва различимый силуэт тела.

После этого эксперимента он увидел, что все Его Животные тоже в той или иной степени имеют Золото в Глазах. Сила Золота зависела, скорее всего, от их значимости для Этого Мира, для Его Белого Пятна, для чего-то большего.

Глаза Белых Однорогов были цвета Чистого Золота.

Они были Чище его глаз, Глаз Белого Охотника.

А у Черных были Медные Глаза. И Сила Меди тоже зависела от мощности Черного. Рогоносцы имели глаза Чистой Меди. Но и приходили они крайне редко. Для Рогоносцев и Однорогов противостояние носило позиционный характер, за исключением случаев, когда в обороне соперника вдруг оказывалась брешь.

Вроде Картины Белого Однорога.

Жидкость Реки обладала свойством отражать только Золото. Хотя на Краску это свойство не распространялось. Скорее из-за свойств Краски.

Один раз Охотник заходил на Серое и там смотрел в Жидкость Реки. И там она отражала только Золото Глаз, но силуэт тела был другим. И руками загородиться от Золота было невозможно. Но Серая Жидкость отражала и Медь.

Однажды Охотник посмотрел в Бинобль в Реку. Опустил его прямо в Жидкость. И увидел Ночь. И Звезды. Золотые и Медные. Мир, разделенный на Золото и Медь.

Сама Ночь была непроглядно темной, но не Черной. И не Серой. И не было в ней ни капли Белого.

И снова Охотник ничего не понял.

Лучик 7. «Белые Животные и Черные Монстры»

С самого начала он не знал ни одного Названия. Он видел Своих Животных, он встречался с Черными Монстрами. Но он не знал их Имен. И потому решил сам давать им Имена.

А позже понял, что его Имена важны только для него самого.

Своим Белым Животным он давал Имена для того, чтобы к ним можно было обращаться. Чтобы можно было мысленно с ними разговаривать.

А Черным он давал Имена потому, что был твердо уверен, что Черных необходимо, просто почему-то очень важно, знать по Именам. Что называя их Имена, связывая эти Имена с Черными Чувствами, он кому-то помогает разобраться в этих Чувствах. Кому-то не отсюда, не из Белого Пятна. Это что-то было связано с Серым, но более подробно Охотник понять не мог. Он просто знал, что так необходимо.

Своих Белых Животных он называл ласковыми Именами. Охотник встречал какое-нибудь Животное, которое раньше не видел, и тут же придумывал ему Имя. В эти моменты Животные останавливались и, казалось, участвовали в Именовании. Но они не подсказывали Имен. Скорее выражали свое отношение к тому Имени, которое Охотник им придумывал.

Те самые Шестокрылы, когда Охотник впервые с ними встретился, замерли целым роем неподалеку от него и стали ждать.

«Мошкаррики», – подумал Имя Охотник.

Слабое шевеление.

«Не понравилось, – подумал Охотник и предложил другое, – Мельтешуны».

Опять не понравилось. Но из роя вылетел один и подлетел прямо к глазам Охотника. И вдруг растерялся. Он заметался перед глазами Охотника, явно стараясь определить, какой же из его трех глаз самый главный, Смысловой. Но так и не понял, и замер перед носом Охотника.

И Охотник вдруг четко различил все шесть крылышек этой малютки. «Иди сюда, чудо мое шестокрылое», – Охотник сложил перед Шестокрылом вместе все свои ладони.

И едва устоял на ногах от обрушившегося на него Чувства Веселья, которое издал весь рой, рванувший к нему.

Они все разом бросились и облепили всего. Кружились над головой, доверчиво садились на ладони и топили в сверкающем облаке Чувства Веселья.

Белые Животные. Его Белые Животные. Он их всех называл так, хотя знал, что Шестокрылы и Большекрылы – не животные.

Что-то другое, имеющее иное название, но тот же смысл.

Хотя нет – разница в смыслах была.

Но не было смысла в этой разнице.

А вот Черные называли себя сами. По крайней мере, Белый Охотник никогда не мучился, пытаясь дать им Имя. Имя само приходило в тот самый миг, когда он направлял на них Ружье.

Они, эти Черные, были отвратительны. От одного их вида Охотнику становилось невыносимо плохо. Не говоря уже о Чувствах, которые Черные издавали. Чувства были еще более отвратительные и мерзкие, чем сами Монстры.

Когда Охотник впервые встретился с Черным Слизняком, то даже сначала растерялся, потому как Слизняки пришли целой оравой. Они ползали по Белой траве, кустам, старались вскарабкаться на деревья. Везде они оставляли слизь. И даже не они сами, а именно эта слизь издавала Чувство Тщеславия. И из-за этого Охотник и растерялся.

Обычно Черное Чувство и его источник были соединены. И, уничтожая источник – уничтожалось и Чувство. А тут было разделение.

Он расстреливал их фугасными. Яркие белые вспышки рассеивали, испаряли Слизняков, превращали их в пыль, в туман. Но слизь осталась, и с ней бороться оказалось несравненно сложнее. Ее нельзя было вытереть, потому как она размазывалась еще шире. Она долго издавала Чувство Тщеславия и все, чего это Чувство достигало, начинало сереть, чернеть, отмирать. Это Чувство было стойким, вьедливым.

Потому Охотник ставил капканы, чтобы такие Черные, не издающие сами Чувств, попадались за Пределами Его Пятна.

Капканы были несложными фугасами, которые, взрываясь, заставляли Черных кричать свои Чувства.

Белый Охотник встал с пенька и пошел к Своей Хижине – отнести Краску. И вдруг понял, что больше охотиться ему в Своем Пятне не придется. «Буду охотиться на Сером?» – спросил он себя и вспомнил Встречу.

Лучик 8. «Медь»

В тот раз он почувствовал, что Время Охоты снова наступит очень нескоро. И Белый Охотник решил сходить «в гости» к Черному Пятну.

Он сложил втрое листы Холстороста и обмотал ноги до колен. Взял Ружье и восемь обойм, хотя и понимал, что в этом нет особого смысла. Просто так спокойнее. И оно, спокойствие, происходило именно из самого действия – из того, как он брал, упаковывал, подпоясывался.

И пошел.

Все время, пока Охотник шел по Серому, он боролся с ощущением, что не сможет найти дорогу назад. Что ему предстоит вечно скитаться по Серому в поисках Своего Пятна. Именно Своего.

Хотя его белеющие в пыли Серого следы были отчетливо видны.

Как и протоптанная Дорога Черных, по которой Монстры шли к Его Пятну.

Когда он подошел к Черному Пятну, пришлось заткнуть уши кусочками Холстороста, чтобы не лишиться осознания от кабафонии Чувств Черных Монстров. Он с трудом различал оттенки Черного на Пятне. Сначала все Пятно представилось ему одной монолитной Черной Стеной. Потом он смог различить деревья и кусты. Позже разглядел траву.

Все вроде бы было точно таким же, как и в Его Пятне.

Только Черным.

Только уродливым.

Деревья шевелили корявыми ветками, трава, больше похожая на мох, топорщилась закругленными стеблями, Жидкость Реки отражала блики Черного бездонной глубиной Черного Цвета.

И то тут, то там среди этой Черноты мелькали красные огоньки.

Когда глаза Белого Охотника привыкли и стали различать оттенки Черного, он разглядел, что это красноватые капли росы на траве, что это краснота глаз, изредка пролетающих мимо мелких Черных, что это непонятные блики красного на поверхности Реки.

А потом пришел он.

Сначала из Черных зарослей выплыло четыре красных треугольника, и Белый Охотник привычно вскинул Ружье, но на спуск не нажал. Тот, похоже, произвел подобное действие, постоял и осторожно приблизился.

Черный Охотник. «Зачем он здесь?» – подумал Белый Охотник, – ведь Мои Животные не ходят в Черное Пятно. И почему же?»

И вдруг он понял ответ.

«Есть Равновесие, – понял Охотник, – Черных больше, но есть Равновесие, которое Черные стараются нарушить в свою пользу».

И еще Охотник понял, что Черные обречены.

Именно потому, что пытаются нарушить Равновесие.

Именно потому, что нескончаемыми ордами ползут, летят, скачут в Его Пятно, неся в себе Черные Чувства.

Именно потому, что существует он – Белый Охотник.

Это же самое, видимо, понял и Черный Охотник. Резкое движение – и прямо в грудь Белому Охотнику ударила очередь. Она вырвалась, ка-

залось, из самой глубины Черного Охотника, из середины квадрата, обозначенного отсветом четырёх треугольных глаз.

Белый Охотник не защищался. Да он и не успел бы. Потому что знал – это бессмысленно.

Заряды Черного застряли между Охотниками и мягко осыпались на поверхность. Они не могли причинить друг другу вреда. Никакого. Они были разделены материальностью этого Мира. Его Духовностью. Его Душевностью.

Белый Охотник со спокойным интересом пронаблюдал, как осыпаясь заряды Черного, а потом посмотрел на него. Тот был неприятно изменчив, словно перетекал из самого себя в себя же самого и обратно. Треугольники глаз бешено вращались.

«Да ты дурак, батенька», – посочувствовал ему Белый Охотник, повернулся спиной к Черному Пятну и неторопливо пошел. Целая гамма Чувств, издаваемых Черным Охотником, пыталась прорваться через затычки в ушах.

Но он уже не страшился этих Чувств.

Он подошел к Своему Пятну, вдруг перестав опасаться, что Оно от него убежит, канет в Сером. Они были связаны невидимой нитью, которую порвать никто не в состоянии. Кроме... «Хорошо, что с Рогоносцем не встретился», – холодная испарина выступила на лбу Белого Охотника.

И увидел Белого Однорога. Тот стоял у Границы Серого и задумчивым Золотом Глаз смотрел на Охотника.

И Охотник понял, что встретить Рогоносца он не мог. Просто не мог.

И еще он понял, что Чувство Любви, которое издавал Белый Однорог, намного глубже и многогранней, чем ему это казалось до сих пор.

И еще он понял, что Однорог его, крохотного и глупого Белого Охотника, чуть было не совершившего непоправимое, воющего с Черными Монстрами в Цикл Охоты и вырезающего Белых Животных в Цикл Сна, что он его любит.

Белый Охотник остановился, поправил съехавший набок мешочек с Краской. Он помнил все до мельчайших подробностей, что происходило с ним во время «похода» к Черному Пятну. Но он не видел и половины того, что ему было тогда открыто.

И он с удивлением, словно впервые, огляделся.

Лучик 9. «Золото»

Перед взором Белого Охотника вдруг снова проплыли виды Черного Пятна. И он ясно осознал, что Черные деревья на самом деле не Черные, а Медные, просто кто-то посыпал их черной пылью. И что Медные деревья на самом деле – Золотые, только кому-то по непонятным причинам хочется видеть их именно в Цветах Медного.

И он увидел, что Его Белое Пятно на самом деле не Белое, а Золотое. На желтых лепестках сверкали золотистые капельки росы, коричнево-желтые деревья роняли желто-коричневые листья, которые неторопливо плыли по воздуху, переливаясь и искрясь Золотом прожилок. Белые Животные, Его, Белого Охотника, Животные, летали, прыгали, ползали и бегали по Пятну, сверкая и переливаясь Золотом перьев, ворсинок, усиков, коготков.

И удивляя Золотом глаз.

В их глазах было Золото Чувств.

Честность и Доброта, Веселье и Разлука, Грусть и Любовь.

Любовь? Охотник посмотрел по сторонам в поисках Однорогов.

Конечно, они были здесь. Все до единого. Они стояли полукругом и смотрели на него. Они его ждали.

Белый Охотник впервые за все время выпустил из рук бесполезное те- перь Ружье и пошел к ним. К их глазам Небесного Золота.

И вдруг он понял, что они его любят. Все. От крохотной былинки у его ног до парящего над головой Большекрыла. Любят беззаветно, до самых краешков своей души, до самых кончиков своих хвостов и усов.

Ни за что. Ни почему. Ни ради чего.

И что он их тоже любит. И нет ничего во всем Мире сильнее этого Чувства.

Он подошел к Золотым Однорогам и сказал им:

– Здравствуйте, хорошие мои.

– Здравствуй, Золотой Охотник, здравствуй, Добрый Человек.

И он почувствовал, что все Его Золотое Пятно, все, что его населяет, что на нем произрастает, все это – он сам.

И что Далекие Белые Пятна, которые он даже не смог разглядеть в Бинюкль – он частичка и их тоже.

И что весь этот Мир на самом деле освещен не двумя Лунами, а одной Единственной Звездой. Звездой, имя которой – Солнце.

И не стало Золотого Охотника.

И пришел новый Белый Охотник.

А на Полочке, задолго до Назначенного Срока, зашевелилась фигурка

Белого Однорога. Она неуклюже переступала коротенькими лапками, водила из стороны в сторону головой, беспомощно ворочалась среди остальных Белых фигурок и цеплялась за них тоненьким Рогом, направляясь к Выходу.

Но она не превращалась в Попрыгая или Длинноуха.

Потому, что это был Белый Однорог.

Потому, что у него были Глаза Чистого Золота.

Потому, что он нес в Мир Чувство Любви.

Виктория Балашова

Виктория Балашова, родилась в Москве. Как и ее родители окончила Московский лингвистический университет имени Мориса Тореза по специальности «английский язык». С 2006 по 2009 год училась в аспирантуре на факультете психологии ГУ Высшая школа экономики. По теме диссертации «Эмоциональный интеллект» написала ряд статей, опубликованных в различных научных журналах. В 2011

году закончила литературные курсы романистов при Московском отделении Союза писателей, в 2013 году получила диплом Немецкого международного института изучения сознания и психотерапии.

Является членом Московского отделения Союза писателей России с 2010 года, членом Интернационального Союза писателей, членом Российского общества психологов, литературно-философской группы «Бастион».

Виктория Балашова публикуется с 2009 года, когда в свет вышел ее первый роман «Женька или Одноклассники Off-line». В 2010 году осенью роман был отмечен на литературном фестивале в Вене.

С тех пор увидели свет пять исторических романов (в серии «Всемирная история» и в серии «Исторические приключения» издательства «Вече»):

«Шекспир»

«Елизавета Тюдор»

«Гибель Армады»

«Конец эпохи Тюдоров»

«Мятежный лорд»

Повести:

«Afterparty» в сборнике, изданном по итогам фестиваля «Басткон»

«Мама, я плачу» в сборнике «Семьи Net» (издательство ЭКСМО)

Футурологическое эссе в сборнике «Настоящая фантастика – 2012» (издательство ЭКСМО)

Рассказ «Твари» в сборнике «Настоящая фантастика – 2016» (издательство ЭКСМО)

А также ряд рассказов в журналах «Фома», «Пражский Парнас», «Космопорт».

Является победителем и призером литературных конкурсов (журнала «Фома» в 2010 году, конвента Аю-Даг в 2011 году, конвента «Басткон» в 2012 и 2014 годах), лауреатом литературных фестивалей в Вене и Праге.

В декабре 2013 года Московское отделение Союза Писателей наградило Викторию Балашову медалью имени М.Ю. Лермонтова.

Является членом жюри и куратором литературных конкурсов конвента «Басткон» в 2013 и 2015 годах (конкурс «Семья будущего» был упомянут в статье в «Независимой газете»), председателем детского литературного конкурса «Письмо солдату», приуроченного к 70-летию Дня Победы, куратором конкурса рассказов, проводимого Интернациональным Союзом писателей в рамках литературной конференции Роскон в 2016 году, членом жюри в номинации «Проза» в конкурсе, проводимом в рамках литературно-музыкального фестиваля Ялос в 2016 году.

Людочка

Москва, 2010 год

Людмила села на табуретку, стоявшую посреди пустой комнаты, и закрыла глаза. От запаха краски опять сильно закружилась голова. Надо было немного посидеть, прийти в себя. До конца ею самой себе установленного рабочего дня оставалось пять часов. Можно сказать, все только начиналось. Конечно, она могла уйти прямо сейчас. Хозяева квартиры жили во время ремонта на даче, так что ее ранний уход остался бы никем незамеченным. Но Людмила знала, что если она сейчас уйдет, то уже точно не успеет закончить все к сроку. Работы тут оставалось по горло, а впереди маячил очередной объект. Денег не хватало катастрофически, и упускать заказы нельзя было ни в коем случае.

Людмила вздохнула тихонько – поглубже сделать вздох никак нельзя, как ни хотелось – запах краски все равно проник внутрь, в голову, в легкие, в сердце и даже, казалось, опустился до ног. Людмила глотнула воды, опять закрыла глаза, дав себе еще пять минут на отдых...

Крым, 1970 год

– Мама! Мамочка! – кричала Люда. – Иди сюда! Иди купаться!

Вода теплая-теплая, как парное молоко, накрывала девочку с ног до головы, но она не боялась, прыгая через накатывавшие волны, глотая соленую воду и упорно пытаюсь позвать засидевшуюся на берегу мать. Мама продолжала сидеть на песке, подложив под юбку пакет с изображением какого-то столичного актера. Люде было все равно, кто это. Она не задумывалась, на чьей физиономии сидит ее мама. Маме, правда, все равно не было. Актера она считала любовью всей своей жизни и пакет берегла, как могла, стирала его бережно, потом сушила на прищепке и снова использовала, причем в основном «на выход». Сидеть на любимом актере ей было неприятно, но Люда так просилась искупаться, что пришлось после школы пойти с ней к морю. Люде исполнилось десять. Она, не стесняясь, сбросила с себя форму, оставшись в одних трусах, и полезла в воду. Мама так запросто раздеться не могла, она просто сидела на берегу и смотрела на дочку, на море и наслаждалась выпавшим на ее долю отдыхом. Ноги утопали в песке, на лице блуждала улыбка.

– Людочка, пойдем уже домой, – тихонько позвала мама, – а то папа заругается, что нет нас к ужину.

Девочка попрыгала в воде еще несколько минут и затем послушно вышла на берег. Чуть обсохнув в лучах заходившего солнца, она натя-

нула на влажное тело школьное платье и счастливая, загребая ногами песок, пошла за матерью домой.

Москва, 2010 год

Зазвонил мобильный. Людмила вздрогнула и открыла глаза. Запах моря сменился запахом краски, за окном вместо волн зашумели проезжавшие мимо машины.

– Алло, – язык не слушался, голова продолжала слегка кружиться.

– Людмила, как там идет работа? – бодро вопрошал хозяин квартиры.

– Мы с женой думаем подъехать на днях, посмотреть, как все продвигается.

– Все в порядке, – усилием воли Людмила попыталась максимально оптимистично ответить работодателю, – продвигается.

– Как там твои ребята с полами? Заканчивают? – продолжал задавать вопросы мужчина на том конце провода.

– Да, да, конечно. К сроку успеем, – Людмила села обратно на табуретку, посмотрев на неначатый пол.

Никаких ребят на самом деле нет, и не предвиделось. Она делала все сама, но для солидности врала хозяевам квартир, что у нее есть своя бригада, которая выполняет любые работы. Иногда, конечно, случались накладочки. Иногда у нее прорывало трубы, вздувался пол и текли батареи. Пока проносило. В самом крайнем случае хозяевам предьявлялся сын подруги. Он обычно что-то бодро им вещал, ну а переделывала работу Людмила, когда хозяев не было дома. Лучше всего шли ремонты в новых квартирах или в квартирах, в которых никто во время ремонта не жил. Впрочем, даже там, где хозяева присутствовали, контроль редко бывал повсеместным и постоянным. Как-то удавалось выкручиваться.

С табуретки надо было срочно вставать и начинать пол. Иначе будет трудно объяснить хозяевам полное отсутствие по нему каких-либо работ. Людмила подошла к мешкам со смесью и принялась за дело. На улице пошел снег. Неприятный московский мокрый снег, сопровождавшийся пронизывающим ветром и каплями дождя. Людмила знала, что снег именно такой. Она смотрела в только что вставленное пластиковое окно и мечтала о солнце. Однако следовало поторапливаться. Поторапливаться к последней электричке, останавливавшейся в маленьком подмосковном городке, в котором Людмила снимала квартиру. Поторапливаться, чтобы успеть до закрытия аптеки купить памперсы для мамы, которая уже второй год не поднималась с постели. Поторапливаться, чтобы к приезду хозяев пол был уже практически готов.

Крым, 1977 год

Куда поступать Люда особенно и не думала – единственный институт, находившийся недалеко от их дома, был энергетический. В него можно было без проблем поступить, благо народу, желавшего там учиться, насчитывалось немного. Люда в школе не блистала. Замахиваться, как ее подруга, на вузы московские, она даже не пыталась. Родители особенно по этому поводу не расстраивались. Даже, наоборот. Они радовались, что Людочка остается дома. Да и с работой проблем не предвиделось – рядом располагался соответствующий научно-исследовательский институт. Все выпускники института, за редким исключением, оставались работать в нем.

Куда еще можно было поступать? В педагогическое училище, которое закончила в свое время мама. Но Люда не хотела работать ни в школе, ни в детском саду. Мама работала воспитательницей, но Люде по наследству педагогический дар явно не передался. Можно было податься в строительный техникум, который закончил папа. Но не прорабом же работать девочке. Папа строил, ремонтировал, красил. Короче, он мог все. Их дом был построен его руками, внутри им же был сделан ремонт. Папа попивал, мог слегка поэтому побуйнить, но в целом, как выражалась мама, был человеком талантливым в своей области. «А за это, Людочка, – говорила мать, – человеку можно простить многое». Люда не понимала смысла маминой фразы, но согласно кивала в ответ.

Летом в год поступления в институт, Люда, как обычно, много купалась, загорала и между делом, как-то совсем без нервотрепки, поступила в энергетический. Конкурс туда в то лето отсутствовал совсем, и Люду взяли можно сказать автоматом. Дома по этому поводу сели за стол, мама наготовила пирогов и салатов, папа налил Люде впервые вина. Вино было красное крымское. Сладкое.

Москва, 2010 год

Подруга предлагала Людмиле пить красное, когда кружится голова от краски. «И вообще, – говорила подруга, – красное полезно для всего: для сердца, для давления, для холестерина». Но Людмила пить московское красное не могла. То есть, конечно, в Москве продавались разные вина: французские, испанские, итальянские, собственно московские... Но Людмила предать Крымское не смела. Когда при Горбачеве рубили виноградники, Людин папа плакал. Люда плакала с ним рядом под охи и ахи мамы. В итоге они все втроем выпили, как выра-

зился папа, за упокой Крымского, и пошли спать. Но с тех пор красное для Людмилы как будто на самом деле умерло.

В квартире стало нестерпимо душно. Людмила от интенсивной физической работы, которая и не каждому мужику-то под силу, вся вспотела. Футболка противно липла к спине. Пришлось опять сесть и выпить воды. Окна открывать было нельзя. Во-первых, так все сохло гораздо дольше, во-вторых, можно запросто и простудиться. В Москве стоял наипротивнейший месяц ноябрь. Людмила ноябрь ненавидела. Она понимала умом, что «у природы нет плохой погоды», но сердцем этот постулат не принимала. Снова зазвонил телефон:

– Людочка, – слабым голосом проговорила мама, – купи, детка, сладенького. Что-то сладенького захотелось.

– Хорошо, мам. Только я приеду очень поздно, – Людмила вытерла струящийся по лбу пот, – не волнуйся там.

Крым, 1982 год

Первая любовь накатила на Люду на работе. Обычно первые любви случаются с людьми в школе, ну, в крайнем случае, в институте. Вот Людины родители влюбились друг в друга в школе, сразу после окончания училища и соответственно техникума поженились, а там уж и Людочка родилась. Мама всегда хотела еще детей, но, по ее словам, «Бог не дал».

Большинство подруг замуж повыходили в институте. Свадьбу гуляли за свадьбой. Людина мама переживала. Она считала, что если Люда сейчас в институте замуж не сумеет выйти, то дальше пиши-пропало. Под «пиши-пропало» мама понимала следующее: на работе уже мужики все окольцованные, свободного не найдешь. А значит, «сидеть тебе, Людмила, в девках!», – заключала она пессимистически.

Но ни в школе, ни в институте первая любовь на Люду никак не накатывала. Одна из близких подруг, правда, открыла Люде глаза: замуж большинство выходит не по любви, а за того, кто позвал.

– Понимаешь, – втолковывала подруга, – ну только ж в кино так бывает, что женихи толпами валят. В жизни вот один сделал предложение, и Слава Богу! Говори быстро «да» и в ЗАГС.

Люда так не хотела. У мамы же язык не поворачивался подтвердить слова подруги. Да и не была обделена Люда вниманием. Она была девушкой высокой, стройной, с длинными каштановыми, кудрявыми волосами. Сама того не желая, она все время одевалась сексуально. Из-под короткой юбки мелькали длинные загорелые ноги, а открытая яркая кофточка открывала такую же загорелую грудь. Мужчины внимание об-

ращали, пытались за Людой ухаживать, но любви не случилось, хоть ты тресни.

И вот осенью, закончив институт, Люда вышла на работу в НИИ. Назначили ее для начала младшим научным сотрудником. Зарплату положили хорошую, поменьше, конечно, папиной, но побольше маминной. Да еще обещали премии в конце квартала и в конце года. Тут-то Люда и пропала. В ее отделе начальником был чертовски привлекательный мужчина. Но, как и обещала мама, он был женат и детей имел двоих. Это так уж, чтоб совсем ни на что не надеяться. Люда и не надеялась, любила его тихонько, как актера с обложки журнала «Экран», и продолжалось это месяца два. А потом Виталий вдруг резко заметил девушку и закрутил с ней роман. То есть заметил он ее не вдруг, конечно, а во время совместной работы над каким-то научно-исследовательским проектом.

Москва, 2010 год

Людмила начала заливать пол во второй комнате. За окном стояла тьма-тьмушая. Было шесть часов вечера. Нормальные люди возвращаются в это время с работы домой. Толкаются в метро, пробираются в автобусы, плюхаются с облегченным вздохом в маршрутки. Людмила поедет домой в то время, когда в вагонах пусто, никто не будет пихать ее в спину и вонзять локоть в живот. Но она отдала бы все за то, чтобы ехать в шесть домой, в час-пик. Чтобы приезжать к семи в свою уютную квартиру, а не в махонькую съемную конуру. Чтобы, как в былые времена на кухне ее встречала мама с горячим ужином. Чтобы они просто могли сесть, посмотреть телевизор, обсудить соседей и Людиных сослуживцев...

«Той жизни нет больше», – Людмила встряхнула головой, затянула платок потуже и снова поползла на коленях по недоделанному полу. Надо бы ей нанять все-таки помощников. Силы уже совсем не те, что были в начале ее ремонтной «карьеры». Но деньги, деньги! Людмила упорно копила на квартиру. Одну ведь когда-то удалось купить, значит купит и вторую. В первой-то и пожить не удалось. Жалко было отдавать, страшно! Но таков был уговор – Людмила в Москве замуж вышла фиктивно, цена вопроса – двухкомнатная квартира. А что делать? Выхода другого не предвиделось. Даже, если сама Людмила и могла как-то полуполегально жить в столице, время от времени мотаясь на Украину, то маму перевезти не могла в таком статусе никак. А мама после папиной смерти сдала сильно и начала болеть.

Крым, 1990 год

Первая любовь для Людмилы так и осталась первой и последней. Восемь лет они встречались с Виталиком, восемь лет он ей обещал уйти из семьи. Люда, впрочем, не очень-то эту тему и поднимала. В основном, сам Виталик, когда ему становилось совсем уж стыдно, как он выражался «за загубленную Люд, твою юность», начинал вдруг клясться и обещать развестись. Но потом все быстро возвращалось на круги своя. Праздники и выходные Люда сидела одна, в будни задерживалась допоздна на работе, чтобы только побыть с Виталиком подольше вместе. На работе это даже сказывалось положительно: Люду к тридцати годам повысили до заместителя начальника отдела, у них с Виталиком появилось несколько совместных патентов. Иногда они вместе ездили в командировки, и эти командировочные дни были самыми для нее счастливыми за годы работы в НИИ.

Развязка наступила внезапно. В Москве грянула перестройка и потихоньку докатилась до Людиного городка. НИИ закрыли. Уже выпили они с папой за вырубку виноградников, уже наступили жестокие времена дефицита. Но до последнего Люда надеялась, что их НИИ удержится. Пусть и с нищенской зарплатой, которую выдавали нерегулярно, а то и вообще не выдавали. Люда все равно надеялась, что их не закроют, и все как-то образуется. Не образовалось. Виталик поехал в Москву в Министерство. Но на работу его туда, несмотря на обещания, не взяли.

Тем не менее, вернулся Виталик из столицы не с пустыми руками. Вернулся он с документами из Американского консульства, необходимыми для эмиграции. Люда вдруг поняла, что ее не просто выгнали с работы, ее лишили общения с любимым мужчиной. Ее первой и последней любовью.

– Люда! – пыталась успокаивать мама. – Это и к лучшему. Встретишь еще кого-нибудь. Так он тебе мешал, отнимал у тебя время, силы, чувства, в конце концов. А сейчас отстрадаешься, и жизнь наладится. Посмотришь вокруг.

Люда смотреть вокруг категорически не хотела. А Виталик обещал устроиться в Америке и прислать тут же приглашение Люде. «Боже, какая ты наивная!» – восклицала подруга, собираясь в Москву. Что она будет в Москве делать, подруга не знала, но ехала. На первое время приютить ее обещала у себя их одноклассница. Та самая, которая в свое время уехала покорять московские вузы.

Москва, 2010 год

Сил не осталось никаких. Людмила тяжело дышала, голова кружилась, не переставая. Но полы она закончила, пусть теперь сохнут. Впереди, правда, маячила невеселая перспектива укладки паркета. Но пока – отдых. Можно ехать домой. Людмила переделалась, причесала примятые платком волосы и подкрасила губы. В зеркальце отражались уставшие глаза. Их она подводить не стала. Сойдет и так. Не для кого, не для чего. Сейчас в метро, в котором в десять вечера еще хоть кто-то ездит. Потом – в полупустую электричку, в которой в одиннадцать вечера старается никто не ездить. Ну и дальше бегом от станции до дома. Благо недалеко. На улицах тихого подмосковного города в двенадцать только пьяные и наркоманы.

Крым, 1993 год

Два с половиной года Люда пыталась жить дома. Именно пыталась, потому что не было работы, не было денег и практически не осталось друзей. Все разъехались. Мамин детский сад закрыли, потому что туда в последнее время ходили всего два-три ребенка. А папа, уволенный из ремонтно-строительного управления, не имевший больше подработок, так как никто ничего не ремонтировал и не строил – не до того – запил сильно и умер неожиданно ночью, прямо во сне.

Так в итоге Люда засобиралась в Москву. Виталик иногда писал ей из Штатов письма. Устроиться ему там не удавалось. Жил он на пособие. Единственным плюсом были бесплатные курсы повышения квалификации, на которые он ходил вечерами. Все патенты Люда отдала перед отъездом ему. На всякий случай. Вдруг чего и пригодится из того, что они там наразрабатывали в свое время. В Москву она на всякий случай брала свой диплом, понимая где-то в глубине души, что ни Виталику патенты, ни ей диплом на новом месте точно не пригодятся.

В Москве подруга быстро научила Людмилу ровнять стены, клеить обои и устанавливать сантехнику. Диплом остался валяться на дне чемодана.

Москва, 2010 год

В метро и в электричке Людмила спала. Она спала везде, где для этого была хоть какая-то возможность. Когда мама слегла, она стала спать в Людино отсутствие днем, а вечером, когда Люда возвращалась, начинала с ней разговаривать. Иногда Людмила засыпала прямо

во время разговора, на стуле. Мама замолкала, Людмила просыпалась и переходила на диван...

– Людочка, это ты? – крикнула мама с кровати.

– Да, мам, я, – Людмила по дороге на четырехметровую кухню нажала на кнопку старого компьютера.

Она делала это автоматически каждый день уже несколько лет. С тех пор как у них с Виталиком появилось данное чудо техники, он ей писал почти ежедневно по электронной почте. Жена от него ушла в самом начале жизни в США к американцу (к «аборигену», шутил Виталик), дети выросли и работали повсюду. Виталик мог давно жениться на Людмиле, но его статус так и оставался непригодным совершенно ни для выезда из США («потому что потом обратно не пустят»), ни для приглашения кого бы то ни было в гости.

Людмила поставила на плиту кастрюльку с водой.

– Сегодня у нас сосиски, – бодро прокричала она маме.

Компьютер загрузился. В почте было одно письмо. Людмила медленно подвела мышь к папке с «входящими». Она и письма в конвертах, приходившие от Виталика, открывала медленно, растягивая удовольствие, ножницами аккуратно надрезая сбоку бумагу, а потом, шурша вложенными листками, вытягивала их наружу.

После клика экран на какое-то время завис. Переваривая отданную ему команду, компьютер обдумывал следующее действие. Наконец, перед Людмилой появились строчки, напечатанные латинскими буквами. Она начала вчитываться в текст. На кухне закипела вода. Но Люда не слышала ничего вокруг. А вскоре уже и не видела: крупные слезы покатались по лицу, закрыв пеленой глаза.

«Людочка! Наконец-то, у меня появились хорошие новости. И целых две сразу, представь! Первое, мне дали Грин карту, то есть, как ты уже знаешь, это означает вид на жительство. У них, Людочка, тоже ведь всякое бывает. Оказывается, мои документы были потеряны. Но сейчас все в порядке. Справедливость восторжествовала. Второе, один из наших патентов «выстрелил»! Им заинтересовались и меня берут работать в научный центр. Я писал тебе, что все эти годы старался не терять квалификацию, учил язык. Короче, собеседование я прошел. Несмотря на возраст меня взяли. Людочка, я тебе выслал по почте все необходимые для оформления визы документы. Ты там все узнай, что тебе еще понадобится. Но мне сказали, если приглашаешь невесту, то визу ей дают без проблем. Жду тебя, целую. Твой Виталик».

– Людочка! – позвала тихонько мама. – Ты не заснула? У тебя там, по-моему, кипит вода.

Андрей Новиков

Родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). Печатался в газетах; «Литературной газете», «Московский комсомолец», журналах «Подъем», «Петровский мост», «Молодая гвардия», «Дружба», альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Тверской бульвар, 25». Автор 4 книг. Награжден Почетной грамотой Правления Союза писателей России, Большой серебряной медалью Н. Гумилева. С апреля 2015 года возглавил региональное отделение Союза писателей России. Живет в г. Липецке.

Петруня и Порошок (Рассказ)

Раз в три дня бабка Петруня и Порошок топили печь в избе пластиковыми бутылками. Вонь стояла на всю деревню, даже если ветер дул в противоположную от домов сторону. Петруней 60-ти летнюю женщину прозвали по отчеству – Петровна, а Порошок – это был ее 28-летний сожитель – алкоголик, Алексей Порошков. Заготовкой дров эта странная пара никогда себя не обременяла. Когда топилась печь, Петруня пекла черный, как угли хлеб из посыпки, которую Порошок крал из колхозной фермы. Воду в дом тоже не носили, брали из ванны, которая стояла под скатом крыши, хотя колонка была всего в десятке метров от дома. Продукты, часто краденые, Петруне и Порошку приносили местные алкоголики. Они же приносили в пятилитровых баклажках спиртосодержащую жидкость «Максимка». Спиртом торговала жена местного милицейского начальника, и бизнес процветал буквально на костях жителей всего района. Алкоголики умирали, как мухи. Одна Петруня за десять лет жизни в деревне схоронила пять сожителей – алкоголиков. До выхода на пенсию, Петруня трудилась грузчицей в одном из северных портов, а, заработав себе хорошую льготную пенсию, квартиру в северном городе оставила дочери и вернулась в родные места, в родительскую избу. Дом Петруни, представлял из себя некий сельский клуб, в котором ежедневно собирались местные выпивохи.

На возмущение сельских женщин Петруня отвечала вопросом на вопрос:

– А разве я их зову к себе? Они сами идут и надоели уже!

Когда кончался алкоголь и пенсия, Петруня шла побираться по домам. Приемы попрошайничества у нее были отработаны. Начинала разговор Петруня весело, с прибаутками, с просьбы дать иголку или нитки, потом так забалтывала своих собеседников, что уходила из чужого дома с пакетом сахара, макарон или пачкой чая. Деньги на выпивку занимала. Но ей и давали, поскольку денежные долги Петруня отдавала честно.

Алексея Порошкова она приютила у себя. Как только он появился в деревне. К Петруне молодой человек заглянул с компанией местных мужиков, быстро сообразил, что у этой женщины можно на время пристроиться и через день пришел к Петруне с признанием в любви и букетом ноготков, которые собрал на местном кладбище. Молодого жениха она приняла, тем более, что на шее у Петруни новоявленный муж сидеть не стал. На работу он устроиться не мог, у Алексея не было даже паспорта,

и ходили слухи, что он находится в розыске, но Порошок оказался квалифицированным радиомехаником, чинил во всей округе радиоприемники и телевизоры, да и всю прочую бытовую технику. Заработок приносил сожительнице в виде выпивки и продуктов, но иногда добывал и наличные. Ходил молодой мужчина зимой и летом в телогрейке, китайских спортивных штанах и галошах на босу ногу. Рваные галоши с черными пятками он весело показывал деревенским:

– В них еще пять раз жениться можно!

Однажды Петруня решила фуфайку сожителя постирать и нашла в кармане адрес его матери, которая проживала в Мурманске. Петруня втайне написала родительнице слезливое письмо, соврала про свой возраст, а самое главное, попросила прислать деньги на обзаведение домашним хозяйством, якобы цыплят и поросят молодой семье надо купить. Мать Алексея Петруне поверила, тем более, что вестей от пропавшего сына не получала уже года три. Пришел денежный перевод на 28 тысяч рублей. В этот же день, с утра Петруня и Порошок затарились несколькими литрами «Максимки», а часа в четыре дня, когда в деревню, сигналив, приехала автолавка, Петруня скупала всевозможную снедь. Она размахивала купюрами перед деревенскими бабами:

– Марина, – хрипло кричала Петруня продавщице, – Ну, ко, давай мне еще пять банок тушенки, «Арсенального» пива три баклажки, карамели три кило, сосисок всю упаковку и утопленников!

«Утопленниками» деревенские бабы называли чай в одноразовых пакетиках. Тут же Петруня стала бросать сосиски прямо у автолавки деревенским собакам:

– Собаки, ешьте сосиски, хоть раз в жизни вас Петруня накормит!

Пыльные сосиски мелькали в воздухе и мгновенно исчезали в пасти дворняг. Собаки с лаем кружили возле нее, хватали зубами за юбку и зеленые резиновые сапоги, стояли пыль, свист и ругань баб и мужиков.

Но, придя домой с набитыми сумками, Петруня нашла своего молодого сожителя на печке мертвым, буквально в обнимку с изрядно початой баклажкой спирта. То, что он умер, она поняла сразу, увидев его землистое и с заострившимися чертами лицо. Сердце Алексея остановилось от беспробудного пьянства. Смерть сожителя не вызвала у Петруни никаких особых эмоций. Она поставила полиэтиленовые сумки посреди избы, взяла спирт из рук покойного Алексея и смачно отхлебнула:

– Не мог меня дожидаться, все сам вылакать хотел...

Хоронили Порошка в гробу из сырого горбыля, в телогрейке и галошах. Получалось, что неожиданный денежный перевод от матери толь-

ко сгубил Порошка. Впрочем, Петруня горевала недолго, дня через три после похорон у той же автолавки она уже занимала продукты в долг, под расписку. Укоризненно смотревшим на нее бабам коротко бросила:

– Я ему, что насильно спирт в глотку вливала? Умер Максим, и хрен с ним!

А еще через несколько дней в доме у Петруни поселился новый сожитель – бывший шахтер и любитель крепко выпить.

Журавль у дороги

Огромного деревянного журавля на въезде в деревню бывший председатель колхоза «Светлый путь» Тимофей Ильич мастерил целый год. Птица получилась строгих пропорций, ладно и просто скроенной по исполнению и замыслу, высотой с трехэтажный дом и серебрилась неокрашенным деревом. Колхоз «Светлый путь», несмотря на оптимистическое название, давно приказал долго жить и стоял на берегу Дона с разрушенными коровниками и покосившимися домами. Тимофей Ильич от своего многолетнего председательства никакого богатства не нажил. Даже при разделе колхозного имущества он взял себе только стареньких грузовик, который сиротливо стоял у дома на спущенных лысых шинах, да еще ему достался велосипед, на котором пожилой человек ездил на рыбалку и в магазин. А вот Журавль стал приметой и гордостью всего района. На дивную деревянную птицу приезжали посмотреть даже столичные журналисты. Встречал Тимофей Ильич любознательных деятелей пера так:

– Ты у меня был?

– Нет,

– Ну, тогда заходи.

Вначале журналиста хлебосольный Тимофей Ильич кормил и поил, а после просил с ним спеть под гармонику. Этот популярный инструмент мастер не только коллекционировал всю жизнь, но и сам изготавливал. Сыграв перебор, Тимофей Ильич назидательно замечал:

– Самое сложное правильно «отковать» у гармоники из латуни гонгоса!

Мастером Тимофей Ильич, конечно, не родился. Большую часть жизни он шоферил, за баранку грузовика сел в голодном сорок седьмом году.

– На фронт я не попал, возрастом не вышел, но знаешь, как я работал после войны? – вопрошал он у журналиста и сам себе отвечал: – По

двенадцать часов за баранкой, а еды не было тогда. Положу в карман пригоршню квашеной капусты – на целый день!

Служил Тимофей Ильич в армии на аэродроме, и здесь умелец прославился. Изготовил командиру части ванную из того, что нашел – оцинкованного кровельного железа. Но ванная получилась знатная, двухместная, не хуже, чем показывают в американских фильмах. Парился в ней полковник с ветреной прапорщицей – телефонисткой, а поощрил рукастого солдата именными часами и отпуском на родину.

Председателем колхоза выбрали Тимофея Ильича накануне перестройки, он не особенно хотел идти на эту хлопотную должность, ибо уже разменивал шестой десяток жизни. Так хлебнул Тимофей Ильич и оголтелой антиалкогольной компании, несуразной гласности. Особенно раздражало его слово «мышленье» из уст главного перестройщика. Тимофей Ильич на это слово выключал телевизор приговаривая:

– Так тебя бы и двинул в лоб, Мишка – меченый.

Он точно знал и чувствовал, что идет к очередной беде – плутовской демократии, окончательно разрушившей колхоз – миллионер.

Особенно было ему обидно, когда заезжий демократический агитатор обозвал Тимофея Ильича «партокротом». При этом гость чванливо стоял перед ним и тщательно обрабатывал пилочкой для ногтей свои холеные пальцы.

Смотрел на него председатель растерянным взглядом и вспоминал, как с пятилетнего возраста пас гусей, в девять лет уже самостоятельно запрягал лошадь, а в четырнадцать уже встал к станку на эвакуированном заводе.

«Какой я тебе, перестроечная шельма, партокрот!», – вслух подумал Тимофей Ильич, – ты даже не представляешь, как в жизни работать нужно, у меня с тридцати лет от труда контрактура рук...»

Когда Тимофей Ильич все же вышел на пенсию, то решил окончательно посвятить себя любимому занятию – резьбе по дереву. За этот год бывший председатель успел многое – превратить свой небольшой дом в изящную резную шкатулку, сплошь украшенную балясинами, точеными на списанном токарном станке. А на самом коньке крыши водрузил деревянный самолет, пропеллер которого вращал ветер. Как говорил деревенским мастер, самолет он сделал в память о службе в авиации. По этому неожиданному увлечению, можно сказать, по художественному поводу у Тимофея Ильича возник небольшой семейный конфликт, когда благоверная в сердцах воскликнула:

– Да замахал ты своими точенками всю семью!

Но Тимофей Ильич не унимался, и следующим творением стал фонтан у дома. С фонтаном вышла и вовсе курьезная история, когда безобидное водометное сооружение вдруг запретил начальник местного ГИБДД. По его уверениям, фонтан отвлекал внимание проезжающих по деревне водителей и создавал аварийную обстановку. Однако Тимофей Ильич обжаловал суровое решение районного гаишника у губернатора области. Высокий начальник уже был наслышан о знаменитом деревянном журавле, и народного умельца принял.

– Начальник ГИБДД утверждает, – серьезно начал разговор губернатор, – что в твоём фонтане рыбы прыгают и водителей на дороге отвлекают.

– Это правда, – согласился Тимофей Ильич, – но ведь нет такого закона, чтобы фонтан запретить, за воду я исправно плачу.

– Только в толк не возьму, почему у тебя рыбы прыгают? – допытывался губернатор.

– А я воду в фонтане чуть закоротил, – лукаво признался Тимофей Ильич.

– Ладно, – захотел губернатор, – фонтан я разрешу, но рыбу электричеством больше не бей, а то, выходит, прав гаишник, говорит, что на твоих прыгающих рыб шоферы шеи выворачивают!

Эта радость с разрешением вновь запустить фонтан, оказалась последней в жизни Тимофея Ильича. Выходя из кабинета губернатора, он еще не знал, что болен раком. Прожил бывший председатель всего три месяца, саркома развивается быстро. Давно нет в живых народного мастера, а вот его деревянный журавль все также стоит у дороги на въезде в село, и все также благодарно вспоминают бывшего председателя его земляки.

Говорунчик

У Тамары Дворецкой было два высших образования – педагогическое и инженерное, а трудилась она в колхозе простой дояркой. В прошлом жительница Санкт-Петербурга, вдова начальника райотдела милиции во времена перестройки потеряла работу технолога на текстильной фабрике и решила вернуться в родную деревню в доставшийся ей по наследству родительский дом. Двухкомнатную квартиру практически в самом центре северной столицы, в пяти минутах ходьбы от знаменитого Невского проспекта, она оставила повзрослевшему

сыну, который обзавелся семьей и пошел по стопам отца, став офицером угрозыска.

Обустроивалась Дворецкая в родных местах очень непросто, даже пожалела, что вернулась. Знания в области текстильной промышленности в дышащем на ладан колхозе ельцинских времен оказались никому не нужны, не нашлось ей работы и в местной школе, начальники от народного образования указали ей на отсутствие педагогического стажа и полную невостребованность ее педагогического диплома – французского языка. Имела право она преподавать еще и немецкий, но эти часы в школе были заняты, да и если говорить честно, Дворецкая давно забыла не только немецкий, но и основной свой язык по вузовскому диплому – французский. Тамара Алексеевна и сама это прекрасно понимала, ибо владение иностранным языком требует постоянной практики. В итоге, приведя в порядок родительский дом, Дворецкая решила на жизнь не роптать, а пойти работать дояркой. Сын писал и звонил очень редко, но регулярно присылал небольшие денежные переводы. Тамара на него обижалась, но только на словах, в разговорах с подругами, а в душе обиды не было. Она понимала, какая у сына тяжелая работа – преступников милиция ловит без праздников и выходных. Она хорошо помнила, как на этой работе, буквально в сорок лет «сгорел» ее бывший муж. Он умер от сердечного приступа прямо за рабочим столом. Дворецкая очень переживала, что сын после армии пошел работать в милицию, всячески отговаривала его, убеждая, что ему – золотому медалисту прямая дорога в любой ВУЗ, однако сын твердо сказал, что хочет пойти по стопам отца и начал свою карьеру в милиции сержантом ППС. Затем заочно окончил юридический и перевелся в угрозыск.

После переезда в деревню, через некоторое время, в жизни Дворецкой появился мужчина. С Николаем Кузнецовым, или как его звали по-деревенски – Колька Кузенья, она сидела еще в детстве за школьной партией. После школы, Колька даже сватался к Тамаре, а когда она поступила в пединститут в Ленинграде, Кузенья уехал вслед за ней, поступил учиться в строительный техникум, но буквально через месяц попал в этом огромном городе в нехорошую историю. Он возвращался с учебы в общежитие, и в трамвае на ногу Кузене наступила женщина острым каблуком. Боль была такая, что у Кольки вырвалось нецензурное слово «блядь!», а поскольку Коля был еще и не совсем трезвым – выпил две кружки пива с приятелями – студентами, то донельзя оскорбленная гражданка сдала Кузенью в милицию. Кольку осудили на год за хулиганство, наказание назначили условное, но исключили из техникума. Эта

история окончательно расстроила их отношения с Тamarой, ибо она не хотела, выходить замуж за пьяного хулигана, и Кузенья с позором вернулся в родные места. Семью он так и не устроил, работал трактористом и жил с родителями, пока они не умерли. Впрочем, жил он неплохо. Отец Кузени всю жизнь работал завхозом, и родительский дом для Кольки был полной чашей. В четырнадцать лет Колька выпросил у родителей двухскоростной мопед и японскую магнитола, о чем, конечно, не могли даже мечтать другие деревенские дети. В шестнадцать лет Кузене купили великолепный чешский мотоцикл «Ява». Колька к этому возрасту уже потягивал спиртное, и дорогой мотоцикл умудрился разбить через несколько месяцев. Дело было поздней осенью. Колька в модной белой дубленке выехал на ярко-красной «Яве» со двора, набрал приличную скорость, но плохо управляемый на мокром асфальте мотоцикл понесло прямо на придорожный бетонный столб. К счастью, сам Кузенья о столб не ударился, улетел в кусты, а вот мотоцикл буквально переломился на раме и обгорел от вспыхнувшего бензобака. Но несмотря на это, родители продолжали баловать единственного сына и на восемнадцатилетие уже подарили сыну «Запорожец». Автомобиль продержался у Кузени два года. Как-то Колька поехал с приятелями на ночную рыбалку. Когда они наловили сетью два мешка рыбы и стали варить уху на костре, при этом, конечно, продолжая выпивать, «Запорожец» прямо на глазах всей честной компании скатился с обрыва и, перевернувшись на крышу, исчез в реке. Кузенья просто забыл поставить машину на ручной тормоз. Но больше родители Кольке никакую технику не покупали, хотя он еще несколько лет после этого просил мотоцикл с коляской.

Когда родители умерли, Кузенья пропил все, что было ими нажито за многие годы, вплоть до постельного белья и посуды. Ел и пил из одноразовых пластмассовых стаканов и таких же коробок от китайской лапши, спал на диване прямо в одежде. Трактористом он уже не работал, попал в глупое ДТП. Угроздило приехать в район какого-то крупного столичного чиновника, лимузин знатного гостя буквально въехал под Колькин трактор. Кузенья в этот день отправился за соляжкой в райцентр и дорожную аварию описывал приятелям так:

– Еду я, мужики, по дороге спокойно, погода отличная, еду и песни пою, уже и заправка показалась на въезде в райцентр, как вдруг, чую, моя задница сама по себе вверх поднимается, колеса трактора тоже вверх пошли, а морда моя, сама по себе плавно на руль ложится.

– Неужели ты даже удара не почувствовал? – недоумевая, переспрашивали его мужики, – Быть такого не может!

– Ей-Богу, – крестился Колька, – когда меня этот лимузин сзади догнал и под мой трактор ушел, никакого удара я не ощутил, – только началась с моим телом какая-то цирковая акробатика!

Возможно, Кузенья и не был виновником ДТП, но за руль трактора он сел нетрезвым, а приехавшие на место аварии гаишники сильно Кольку прессовали:

– Ты почему, сукин сын, не пропустил машину с флажковыми номерами!

Разумеется, о существовании блатных «флажковых» номеров Колька ничего не знал, хорошо, что в начальственном лимузине никто не пострадал, но Кузенья получил в жизни еще один условный срок и лишился водительских прав. Восстанавливать он их так и не стал, устроился работать на лесопилку.

Когда Тамара приехала в деревню, Кузенья появился у ее дома в тот же вечер. Коля с трудом сидел на стареньком велосипеде, пьяный, грязный и, постучав в веранду, закричал:

– Тамарка, дай сто рублей!

– Хоть бы поздоровался, – осекла его Дворецкая, – Столько лет не виделись и на тебе, дай сто рублей, – передразнила его Тамара.

– Ну, хоть пятьдесят дай, – сделал жалобную физиономию Кузенья, – не похмелюсь, точно помру!

– Не дам, – твердо отрезала Тамара, – и занимать на выпивку лучше не заходи!

Кузенья уехал, но через полчаса вернулся с бутылкой, Тамара смотрела из окна, как Колька осушил ее прямо из горлышка. Но в дом Кузенья ломиться не стал, захмелев, грузно присел на порог дома и тут же уснул до утра.

На рассвете он еще раз постучался к Тамаре:

– Тамарка, – сказал Кузенья, протягивая невыспавшейся Дворецкой новые зеленые, резиновые мужские сапоги, – купи у меня сапоги, хотя бы за полтинник?!

– Ладно, – немного подумав, сказала Тамара и отдала Кузенье пятьдесят рублей. Но вечером она заглянула в Колькину избу и поставила сапоги у порога:

– Отдаю назад, – строго сказала Дворецкая, – но с условием, что ты их не продашь, дурень, в чем ходить будешь?

Колька грустно посмотрел на свои грязные, уже разбитые артритом ноги и виновато ответил:

– Обещаю, не продам.

Кузенья сдержал свое слово, стал приходить в гости к Тамаре трезвым. Однажды Коля зашел к Тамаре после бани, неожиданно принес бутылку молдавского коньяка, и они допоздна засиделись за ужином. Вспоминали детство и юность. Тамара заметила, что Колька может вовсе не материться, а нормально разговаривать. Растрогавшаяся от нахлынувших чувств женщина оставила его на ночь. А утром Кузенья предложил Тамаре стать его женой.

Тамара засмеялась, но, немного подумав, недоверчиво ответила:

– Официально оформлять отношения, конечно, я с тобой не буду. Зачем мне муж– алкоголик? Но мужик в доме нужен. Хочешь, приходи и живи, но только по моим порядкам, а если, что не так, сразу выставлю за дверь!

Неожиданная семейная жизнь Коли и Тамары постепенно налаживалась. Дворецкая придела Кузенью в одежду, оставшуюся от покойного мужа – милиционера. Коля стал ходить в чистых рубашках, костюмах и в хорошей кожаной обуви. Ничто в нем теперь не выдавало бывшего, опустившегося алкоголика. Пить он не бросил, но от страха перед Тамарой вдруг обнаружил, что пить он может меньше, а главное – способен вовремя остановится и не тянуть руку к лишнему стакану.

В колхозе зарплату задерживали бывало и полгода, но с доярками председатель расплачивался продуктами, работая по бартеру с местным молокозаводом. Тамара приносила с работы молоко, огромные головки сыра, упаковки сливочного масла. За колхозное зерно председатель выменивал муку, крупы, сахар. Так, что еда в доме была всегда. Коля и Тамара брали каждый год на откорм телят. Мяса было столько, что фарш на котлеты крутили в большой эмалированный бельевой таз. На лесопилке Кузене хозяин – армянин давал ежедневно за трудодень наличными триста – четыреста рублей. Эти деньги шли на спиртное. Тамара тоже стала выпивать, но умеренно, исходя из некоего соображения, чтобы Коле меньше доставалось. Любви между ними никакой уже не было. Они просто были нужны друг другу. Кузенья нуждался в женском обиходе, а Тамара в мужской помощи по дому. Коля копал огород, его поливал, рубил в лесу дрова и колол их на зиму. В отличие от прочих деревенских мужиков руку на Тамару никогда не поднимал. Да и вряд ли у него это бы и получилось. У Дворецкой была крепкая кость, все женщины в их породе были коренастыми и сильными, даже несколько мужиковатыми, и в обиду себя никогда не давали. Особенно это проявилось в младшей сестре Тамары – Ольге. Она тоже, по примеру сестры, уехала после школы, но не в Ленинград, а в Воронеж, поступила в ме-

дучилище на фармацевта. Однако проучилась всего год и неожиданно для всех вышла за муж за аспиранта – англичанина. Он уже закончил учебу, молодые сразу уехали в Лондон. А чуть позже сестра написала Тамаре несколько удивительных писем о своей новой жизни. Муж – англичанин оказался совсем никудышным, он был потомком шотландских аристократов, которые в своей жизни не работали, наверное, уже лет пятьсот! Русской жене пришлось буквально кормить английского мужа. Хорошо, что еще не было у них проблем с жильем, мужу от родителей досталась небольшая двухкомнатная квартира в пригороде Лондона – Гринвиче. В чужой стране Ольга не нашла никакой достойной работы, кроме как выступать на женских боксерских поединках в лондонских пабах. Вначале ей платили всего пять фунтов за бой. Но, от поединка к поединку слава ее в Лондоне росла. Коренастая и крепко сбитая Ольга, не обладая боевой техникой, своими крестьянскими кулаками легко опрокидывала хорошо тренированных и знающих толк в боксе холеных, рослых англичанок. Британки от ее мощных апперкотов легко валялись на кафельный пол пивбара под неумные восторги нетрезвых английских мужиков. Скоро русской боксерше стали платить по целой сотне фунтов за один бой. Дальше и вовсе пошли дела удивительные – через несколько лет, освоив английский язык, Ольга поступила в знаменитую лондонскую Высшую школу экономики, и, успешно окончив ее, устроилась брокером в один из известных аукционных домов Лондона.

А вот в деревенской жизни Дворецкой произошел очередной перелом. Тамара все чаще задерживалась на ферме. Особенно она любила проводить время с телятами. Телятник — самое теплое, чистое и сухое место на ферме. Здесь содержатся телята от рождения до трех месяцев. Дворецкой нравилось, как их любопытные мордашки выглядывают из клеток и дружно мычат, завидев уже знакомую фигуру. Про себя Тамара думала: «Это очень хорошо, значит, телята здоровы и уже проголодались». Она знала, что теленок, как и маленький ребенок, любит заботу и ласку. Особенно ей приглянулся черный теленок с большими глазами, который больше всех радовался ее приходу, ластился в подол своим крутым лбом, смотрел на нее фиалковыми глазами и все время нежно мычал. Она так и прозвала его – Говорунчик. Вскоре Говорунчик превратился во взрослого быка, но Дворецкая любила крупное, сильное, холеное животное еще больше. Ей казалось, что сокрыта в этом особенном быке необычная мужская сила и нежность, чего ей всю жизнь не хватало от своих мужей.

Тамара уже приходила по утрам к быку и обязательно давала животному охапку самого свежего сена.

– Узнал ли ты меня, Говорунчик? – ласково спрашивала она и обнимала тяжелую, шелковую бычью морду. – Любишь ли ты меня, Говорунчик?

А бык в ответ преданно смотрел Тамаре прямо в глаза.

Но благоволил Говорунчик только Тамаре. Нрава бык рос крутого, и его стали побаиваться на ферме. Он бодал неосторожных баранов, бодал коней и даже задирали брехливых деревенских собак. Ходит за ними по деревне, мычит и ногами роет землю.

В одно из воскресений, когда приехала автолавка, бык убежал с фермы и неожиданно появился в толпе покупателей. Настроен был Говорунчик мирно. Тамара хвасталась деревенским бабам дружбой с быком и кормила его у автолавки только что купленным печеньем. В этот момент к Дворецкой подошел Кузенья и стал просить купить ему баклажку пива. День был жаркий. Неожиданно бык ударил подошедшего к Тамаре Кузенью рогами в живот. Стало быть, приревновал. Кузенья только ойкнул и тут же захрипел, а Говорунчик уже катил его рогами по пыльной дороге. Самое удивительное, что никто не испугался, бабы и мужики с воплями лупили Говорунчика кулаками и ногами, быстро отогнали, окровавленного Кузенью подняли с земли и на этой же автолавке повезли в районную больницу. Умер Колька на больничной койке. Быка закололи на следующий день. После похорон Кузени Дворецкая написала письмо сестре, поведав эту трагическую историю с быком и убитым сожителем. Ответ пришел через месяц и неожиданный, сестра позвала ее жить в Англию и просила выслать номер пластиковой карточки, на которую она переведет ей деньги на дорогу. Думала Дворецкая недолго, и собиралась недолго. Конечно, никакой пластиковой карточки у нее не было, но сестре она об этом сообщить постеснялась. Но деньги на дорогу нашла – продала по дешевке дом переселенцам из Казахстана. Уехала она тихо, ни с кем не простившись.

Комсомольская бабка

В молодости бабка Нюра пламенной комсомолкой была, даже избой-читальней заведовала. Но особенно прославилась на весь Холмский район, когда с комсомольской ячейкой барский склеп помещика Корсакова разломала. Дубовый гроб с забальзамированным телом

комсомольцы с песнями и частушками целую неделю по селу таскали, акkurat, в честь очередной годовщины Октябрьской революции.

Сие действо было отчасти продолжением могучей деятельности красной избы-читальни, в коей Нюра не только несла грамотность и революционный свет политпроса в крестьянские массы, но и ставила спектакли.

После театра, ближе к вечеру, комсомольская молодежь под гармонику плясала «Чижа». Пляска заканчивалась акробатическими па. Озабоченные комсомольцы переворачивали комсомолок вверх ногами. Трусы, как известно, в те далекие революционные времена девки в деревне не носили.

А еще разыскала Нюра в отдаленном селе дочку помещика Корсакова, та со своим гимназическим прошлым тлетворное образование крестьянским детям прививала. Спрятаться хотела, контра. Сигнализировала об этом Нюра в письменном виде сразу в Кремль, на имя товарища Сталина.

Было это или не было, но говорят, что в правление сельсовета сам усатый вождь позвонил. Стушевался председатель доброму говорку вождя, да залепетал не то, что нужно было в силу классового чутья. Дескать, учительница хорошая, и дети ее любят, успехи у школы большие. Послушал Сталин, помолчал и трубку повесил. А через полгода недобитую помещицу-учительницу Орденом Ленина наградили. Вот как можно вождя в заблуждение ввести! Ничто человеческое вождям не чуждо.

Нюрка и потом гражданскую бдительность проявляла, как могла. Назначили после войны в район лесника, которого с царских времен в той округе не было. Поселился он на лесной и заброшенной заимке, чемоданы оставил, а сам в село пехом пошел в сельпо за спичками, табаком, солью, водкой и сахаром. Да заодно хотел с деревенскими жителями ближе познакомиться да приструнить, чтоб в лесу больше не баловались. Заходит он в село при полном параде лесничей формы, фуражку с лакированным козырьком лихо набекрень заломил. А Нюрка, понятно, настоящего лесника, да еще в форме отродясь не видела. Сразу он большие подозрения у нашей комсомолки и малограмотных селян этой формой вызвал. Бабы на завалинках подсолнухи лузгают, щурятся на него и шушукуются меж собой:

– Смотрите, шпион!

Тут комсомолка Нюрка в рельс набат ударила и народ собрала. Так и побежала толпа с вилами и косами за лесником с криком:

– Держи шпиона!

Догнали у околицы, наземь повалили, бока сильно намяли, веревками бельевыми связали и в сарай под висячий замок заперли.

Довольная, что шпиона поймала, побежала комсомолка Нюрка звонить из правления в район. Одна радость и надежда леснику была, что председатель этого колхоза образованным человеком оказался, бывшим учителем. Говорит Нюрке с сомнением:

– А ну, покажите мне этого иностранного агента!

Да как глянул в сарай, обомлел – там лесник, побитый и связанный, в драной шинели на соломе лежит.

Много лет с тех пор утекло, а задор комсомольских лет видно в Нюре, давно уже старой бабке, не пропал. Единственный сын всю жизнь сидел по тюрьмам, внучка Юля восемь лет училась на повара в Холме, а после окончания поварского училища пришла к бабке спрашивать, как варить щи. «Видно, тяжела поварская наука», – сокрушалась бабка Нюра, сетуя, что за восемь лет можно было институт закончить и аспирантуру впридачу.

Однако сына непутевого и внучку любила. Бабка Нюра очень рукодельной была, каждую весну сама печку перекладывала, столярничала. Сделала даже деревянные кровати собаке и трем кошкам.

А тут сынок Вовочка окончательно решил с криминальным миром завязать и после очередной отсидки, к матери насовсем вернулся. А Нюра ему уже комнатку в избе сколотила. Оклеил Вовочка перегородку картинками с голыми женщинами, соседки заходят, фыркают и плюются, только Нюра гордо у картинок встанет и приговаривает:

– Поглядите, как мой Вовочка бабенок любит.

Вовочка действительно голых женщин любил, не раз в туалете на автостанции за ними подсматривал, подглядывал и в бане. Только подкараулили его бабы возле парной и чернилами облили. С тех пор к Вовочке приклеилось прозвище – Рябчик.

Нашел себе все же женщину Вовочка-Рябчик не с картинки, а живую и даже замужнюю – Тоньку Цареву. Привел Вовочка Тоньку, только хотел на кровать определить, а муж Тоньку уже выследил и в избу ломится. Вовочка в окно выскочил, Тонька-под кровать, а муж уж грабли со двора схватил и давай непутевую жену из-под кровати граблями тащить. Одна только бабка Нюра в страхе и печали не осталась. Выскочила на середину улицы и кричит весело:

– И за что же это моего Вовочку так бабенки любят!

Чтобы содержать сына, внучку, да и самой впроголодь на пенсии не жить устроилась бабка Нюра ферму сторожить. Спала она прямо в свинарнике.

– А что, – рассказывает бабка Нюра, – свиней покормлю, винца выпью и прилягу на солому. Крысы прибегут, поедят из свиного корыта, да прямо на меня, как теплое одеяльце укладываются. Мягкие они, как кошечки.

Бывают и такие картины: раннее утро, бежит бабка Нюра по селу и истошно кричит:

– Люди добрые, реактивный самолет у свинофермы приземлился. Летчик-капитан из самого Холма нашу Юльку замуж прилетел забрать, а меня хотел просто изнасиловать. А за Юльку даже Путин сватался, но она Путину отказала.

– А где же сейчас твоя Юлька, – шутят соседи, – беги, обрадуй ее.

– Да никак нельзя, – чуть не плачет бабка Нюра, – она сейчас с Путиным в моей избе водку пьет.

Злые языки говорят, что дочка помещика Корсакова тоже еще жива, и каждый раз в храме о рассудке бабки Нюры молится.

Валера-Чумак

Работал Валера помощником машиниста экскаватора на Ситовском карьере. Жене Наде всю жизнь только половину зарплаты отдавал, а другую половину в подлокотнике дивана прятал и потихоньку пропиивал. Пил он обычно с мужиками за гаражами после партийного собрания яблочное вино. Валера был примерным членом КПСС. Возвращался как-то Валера после выпивки и обсуждения международной обстановки кривой походкой домой, споткнулся на ступеньке возле своей квартиры и покатился по лестничному маршу вниз. Головой о бетонные ступеньки ударился так, что костяной звон соседки у подъезда услышали.

Увезли Валеру на скорой в нейрохирургию. Распилили ему черепную коробку и лечить стали. Валера эту операцию теперь часто вспоминает и очень подробно:

– Я все помню, взялся меня оперировать парень хороший, кандидат наук. Лежу я на операционном столе мозгами наружу, а он в них копается. А потом говорит, дескать, Валера, спой что-нибудь, мне будет оперировать тебя веселее. И я запел: «Я люблю тебя Россия, дорогая наша Русь». А он не отстает, дескать, Валера спой еще. Я спел, а вот вторую песню не помню.

После выздоровления, с Валерой чудесное превращение произошло. Стал он, не хуже Чумака, людей пассами лечить. Первой оздоровление

почувствовала родная тетка Тамара Живоглотова. Посадит Валера тетку на диван, скорчит отрешенную физиономию, глаза закатит и начинает руками над теткой головой водить. Голова у тетки невелика, усохшая от переживаний по неверному мужу. Но тетке облегчение, а Валере от родственницы за лечение – бутылка.

Стала тетка к Валере своих товаров на лечение водить, дескать, помажет руками племянник и сразу легче станет. Даже водичку «заряжать» Валере стали в трехлитровых банках носить. А тут Валера еще одного Чумака в дом привел, тоже отменного целителя, у пивной познакомились. Валера у порога пьяненький хлопнулся, а пришлый Чумака давай жену Наденьку лечить. До утра пролечил.

Только доктор на очередном диспансерном осмотре Наденьке каверзный вопрос задал:

– Вы не замечали у мужа раньше каких-нибудь причуд.
– Да вроде, нет, – отвечает уклончиво Наденька.
– А ваш муж много выпивает, – напирает доктор, – я, когда его оперировал, обратил внимание, что клетки головного мозга атрофированы от алкоголя.

– Да нет, – убеждает врача Наденька, – так, по рюмочке для аппетита. Но скоро стала за мужем некие странности замечать. Например, ест Валера курочку и урчит, как кобель.

А потом муж замок в дверь спальни врезал и стал часто запираться и приговаривать:

– У нас в квартире везде шпионские «жучки» поставлены ЦРУ, даже в электрических розетках.

Сидит однажды третьи сутки в спальне, только щель света под дверью горит, а как Наденька в дверь постучит, сразу пластинку на проигрыватель ставит из журнала «Кругозор»:

– Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

Пришлось санитаров Наденьке вызывать. Выломали они дверь спальни и вывели Валеру в смиренный рубашке и с перекошенным лицом.

Теперь самого Валеру лечат в больнице с железными решетками на окнах. Наденька часто навещает его, но не горюет. Она того самого, пришедшего Чумака, на собственное лечение и сожительство привела. А почему бы и нет, коли у нас у каждой пивной можно Чумака найти.

Елена Соловьева

Соловьева Елена Валерьевна, родилась в городе Копейске Челябинской области. Писатель, журналист. Окончила филологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Сотрудничала с журналами «Отечественные записки», «STORY», «Большой город», «Современная драматургия». Печатается с 2001 года. Дипломант VI Международного литературного Волошинского конкурса (2008 год, Коктебель). Лауреат международной литературной премии Fellowship Hawthornden International Writers Retreat (2009, Лондон). Лауреат конкурса «Новая детская книга — 2011» изд-ва «РОСМЭН»

в номинации «Россия, XXI век». Обладатель Гран-При Национальной литературной премии «Рукопись года — 2012». В 2013 году сказочная повесть «Цветник бабушки Корицы» вошла в лонг-лист премии «Ясная поляна» в номинации «Детство. Отрочество. Юность». На примере творчества Елены Соловьевой критик Виктор Топоров обосновал и ввел в обиход термин «уральский магический реализм». Елена живет и работает в Екатеринбурге. В настоящее время — руководитель отдела культурно-массовых коммуникаций Свердловской областной научной универсальной библиотеки им. В.Г. Белинского.

АЛЬПЕНГОЛЬД (Повесть)

(Начало)

Голубая тетрадь

26 июля 1989. Размышление о смысле жизни в двух частях. 04 утра.

Хорошенькое место думать о смысле жизни вообще и своего бытия в частности – это летнее общежитие и ночной душный альпклуб с мухами. В полуметре – Юрина пятка, а я лежу на полу, на подстилке из спальников. Сухое русло чужой жизни. Вода этой реки – студенты и горе-студенты – вынесены своим течением на практику. Тихо, тоскливо и грязно в опустевшей общаге. А ты – инородный предмет, камень, оставшийся на вдруг оголившемся дне.

Что есть? Вещи, привычно рассованные по сумкам, – итог годового стажа бродячей жизни. Впереди ещё точно такой же год со странной растасовкой: невнятной, непрочной и неконкретной. Работа пионервожатой, потому что теперь туда берут всех, не интересуясь образованием. Прописка с Керамического завода. И в смысле дома – два общежития: архитектурного института, куда поступила Жанка, и горного, со второго курса которого я ушла год назад + подготовка на филологический факультет + альпклуб.

Я живу неправильно? Я живу так, как хочу. Я даже на год не хотела возвращаться домой, терять Свердловск и тех, кого люблю. Мне не хватает силы воли? Возможно. У меня нет дома? А что такое дом?

Жанка, с которой мы после школы вместе поступили в горный, теперь студентка архитектурного. Она добилась своего. Скоро придёт из армии Измоденов. Что ж, будет веселей. Придёт из армии мой идеальный партнёр по постели, по праздному и праздничному Свердловску, по воскресным вылазкам и пьянкам. А на остальную часть моей жизни обоюдное решение под вывеской «Твои (или мои) проблемы». И чего, собственно, я раньше-то хотела от 19-летнего мальчика, да ещё моего ровесника? Ждать, пока он от теорий о ничтожности женщин как вида, придёт к пониманию того, что чувствую, хотя и смутно, я?

Тут мне, как минимум, нужен самостоятельный и взрослый мужик. Вернее, нужен был бы, если бы я искала стабильности и покоя. Но мне его не надо. А с Измоденовым всегда будет хорошо, если не дёргаться и не совершать бесполезных попыток повесить на него какие-то свои проблемы. Да и отпала такая необходимость. Я разберусь одна.

30 июля 1989. О Доме.

Когда я первый раз поехала в альпинистский лагерь, то в Кисловодске мне ужасно, в конце концов, надоели маленькие, похожие на усталых осликов, электрички, красивые, будто сказочные, перроны и станции. Я заскучала по дому. А дом наш был большим и шикарным. И как мне завидовали уроженцы равнинного Подмосковья, где полигонами для скалолазов становятся церкви и стены зданий.

А Большие горы для меня, прежде всего, дикое буйство красок. С открыток цветных и слайдов будто слепит синим огнём. Я перебирала бумаги и выскользнули три открытки из Домбая, какой нездешней голубизной и белизной сразу обожгло. Какая сила и размах. Там сейчас все наши – Любка, Сергей Ефграфович, Лёнька, Граф. Как-то так получилось, что имена их перестали быть для меня пустым звуком. К октябрю они вернутся в наш большой, шикарный дом. Какие мы богатые: Азовка, Семь братьев, Пять Братьев, Кауровка, Северный Урал, Таганай, Шихан вот...

3 августа 1989. Размышления в такой уютной и похожей на дом (даже на Дом) квартире товарища Измоденова. Челябинск.

1 часть. Мысли перед сном.

Всё-таки родители Измоденова – милейшие люди, а он вернётся из армии в августе. Слава Постановлению Правительства, по которому все студенты вузов должны быть комиссованы! Я же уже не радуюсь, я боюсь. Слишком много душевных сил уходило у меня раньше на этого человека. Да и всё, что было между нами, было не совсем со мной и не совсем с ним. Мне не хотелось бы терять Измоденова, но и не хочется унижения. Хотя я лгу, лгу опять. После возвращения из Кирова (благо служил недалеко, можно было навещать) я пытаюсь поставить для себя какие-то точки над “и” по отношению к нему. Слова ложатся на бумагу, и в них – фальшь. Я слышу её, но перечитываю мысль – вроде верно. Пожалуй, солгу, если напишу, что люблю. Солгу ещё больше, если напишу,

что не люблю и легко могу потерять. Хотя, зачем мне это знать, наверно? Просто за семь месяцев мы стали другими людьми и не были в длительном соприкосновении. Я его просто не знаю. То, что я помню и держу в воображении – не он.

Часть вторая. 3-4 часа дня.

Господи, если бы всё можно было бросить. Не навсегда, разумеется, на время. Работу, учёбу, какие-то жизненные позиции, понимания-непонимания. Свои собственные сомнения и колебания. Бросить всё и уйти гулять по земле, полностью раствориться в дороге, людях, городах-степях-полях-горах-болотах. Взять всё разом, а не теми жалкими клочками, как обычно мне достаётся. Дают точно по глотку умирающему от жажды. Пошататься бы вдоволь, до пресыщения – вот моё единственно сильное желание.

А я всё смиряю себя. Пытаюсь прикинуться благообразной девочкой. Устроилась в Свердловске на работу, на месяц (!), вернулась в Копейск и своё совершенно свободное время убиваю на чтение книжек и учебников, хожу с мамой в сад, кормлю кота Васю и варю суп.

А зачем? А потому что нужно снова поступать. Потому что папа с неподдельным ужасом говорит о «потерянных» трёх (моих, разумеется) годах. Потому что, если хочешь быть полноценной в глазах многих и многих, ты должна поступить в ВУЗ и выйти замуж. В этом вся цель и смысл моей жизни (оказывается).

Да я не в ВУЗ хочу, а на большую дорогу. И не муж мне нужен, а человек, с которым путешествовать, шататься интересно. Буря в стакане воды – вся эта моя запись, сейчас поем и снова засяду за литературу 17-18 веков.

п.с.

Вот. Тут и об Измоденове верно. Он – идеальный спутник. Ни с кем нельзя так легко, весело, интересно шататься. Именно – шататься. С кем я ещё могла бы так и столько путешествовать? И если честно: ведь меня вполне устраивают его лёгкие взгляды на так называемые «половые вопросы». Всё дело в формулировке. Другому бы я изменяла, т.е. преступала бы какие-то нормы. А с ним я не изменяю. Ведь мы совершенно независимые (хи-хи) друг от друга люди. И меня это, оказывается, вполне устраивает.

14 августа. Копейск. Контрольная запись. Проверка наличности.

Втягиваюсь. Вернее, уже втянулась. Вечером с нетерпением жду продолжения «Спрута-2», ночью выкуриваю сигареты три в форточку, днём примеряю коричневое шелковое платье, что шьёт мне мама, и раза по три влезая в ванну.

Полностью, насквозь пропиталась воздухом Копейска. По ночам – запах сырого сквозняка, асфальта, пыльной травы и репейника, да дребезжание пустых автобусов. На стенах такие забытые, оказывается, въевшиеся в память с детства, тени. Квадраты света совершают всё тот же путь, что и десять лет назад. Всё так обычно и вместе с тем странно. И состояние, которое сейчас снизошло на душу, хорошо мне известно: ленивое равновесие.

Здесь нет обстоятельств и людей, что нарушат его. Очаги дисгармонии в прошлом: проблемы остались, но затянуло всё зелёной тиной и чёрной водой. Жизнь даёт отдохнуть. Измоденов ещё не пришёл, а он самый большой любитель помотать мне нервы. Но сейчас я лениво зеваю и говорю ему: «Спасибо. Какой бы ты не был – ты нужен мне. Глядя в тебя, я меняюсь, лучше вижу свои недостатки, а это, пожалуй, одно из главного».

Начало нового этапа. Свердловск 89-90 г.г.

30 августа 1989

Первый рабочий день. Школа с изнанки. С позиции педсовета и завуча по воспитательной работе. Пухлым, таким доверчивым первоклассникам с порога вручают читать пошлятину. И даже неумело сфабрикованную, без всякого учёта рифм и размеров.

31 августа 1989

Сцену готовят. Идёт большое сдвижение декораций. В клубе покрасили белым оконные рамы, зелёным – сейф Сергея Ефграфовича, стащили откуда-то лампы дневного света. Сцену готовят. И действующие лица стекаются. Из-за жестокой нелепости раньше, чем нужно, с гор спустился Граф, вчера из «Улу-Тау» прилетел Юра, и мы в темноте жевали сливы, промелькнул перед Фанами Гришка. Остальных пока нет. Но уже скоро, очень скоро. Завтра 1 сентября. Праздник. Хочется, как в детстве, купить цветы. Чтой-то с вами, товарищ старшая пионервожатая? Беспартийная и неженатая? Лучше вспомни Цоя:

Они говорят – им нельзя рисковать,
Потому что у них есть дом.
В доме горит свет.
И я не знаю, кто из нас прав.
Меня ждёт на улице дождь,
Их ждёт дома обед...

Каждый новый этап начинается с жестокости города.

5 сентября 1989. Осень.

Осень выкрасила город
Колдовским каким-то светом.
Это значит очень скоро-
Бабье лето, бабье лето...

Дни безмятежного счастья. Красивый сентябрьский Свердловск. С мягкостью осеннего солнца и жёлто-красных листьев. Счастье в том, что я хожу по любимым улицам и тихо смеюсь. Счастье в том, что я, Граф, Юра шагаем ранним утром, сойдя с электрички на станции Кауровка. Юра покупает молоко в трёхлитровой банке. На скалистом, крутом берегу Чусовой неожиданно вырастает белая церковь. А когда мы идём к ней по шатающемуся мосту, Граф показывает на длинные паутины, покрытые алмазинками росы.

В лесу пахнет солнцем и сухой травой. Кауровские скалы жёлтые и горячие. Граф страхует, а я совсем не умею лазить.

Впереди у меня экзамены на заочное и большой праздник. Придёт уже совсем скоро из Армии Измоденов, и съедутся все-все наши. Быстрей бы. Так хочется, чтобы тихое великолепие бабьего лета впустило в себя ещё одну радость. Чтобы счастье удвоилось.

Этот жёлтый, уютный свет осеннего вечера. Я узнала его. Он так же золотил в том году сухие холмы Башкирии и склоны горы Белолокаи этим летом. А вот теперь я вижу его на улицах Свердловска и улыбаюсь ему, как старому знакомому. А под каблуками тувель шуршат жёлтые и красные фантики листьев, в основном, кленовых. В такие дни их хочется собирать в большие букеты и рисовать акварелью деревянные церкви. В воскресных электричках пахнет яблоками, и везут грибы.

9-10 сентября 1989. Ночь.

Удивительная ясность головы и лёгкость восприятия. Готовлюсь к истории. Лит-ру и русский, как письменно, так и устно сдала на 4. Вполне по заслугам. Всё-таки, как несвободна моя мысль! В какие комплексы зажата! Спасибо школьному образованию!

12 сентября 1989

Ну вот, собственно говоря, и всё: завтра я надену пионерский галстук и поеду на работу. За окном аудитории, где мы сдавали историю, был удивительно живописный, мокрый день.

– Ну что же? – переглянулись члены комиссии
– На первый вопрос не ответили, второй не конкретно. Неудовлетворительно. А потенциал чувствуется. Почему же вы не учили?

Почему я не учила? Не учила... Не учила... На Плотинке, мокрой и красивой, бросила шпаргалки в урну, и они смешались с жёлтыми листьями.

– А я думал о тебе... в тайге, – невозможный Шура, будущий инженер – геофизик, с которым у меня зимой был мимолётный роман, спустился ещё на ступеньку. Мне, как всегда, хотелось крикнуть: «Занавес!» Да занавеса не было, хотя сцена всё та же. Огромный кристалл кварца на крыльце и табличка: «Общежитие горного института. Корпус «В». В Зелёной роще, охваченной осенью, пахло медными тополиными листьями.

20 сентября 1989. Праздник.

Как оловянной делалась душа,
И не железной – просто оловянной,
С такую не вскрывают вены в ванной,
Но и не верят в праздник сентября...

Действие первое

Свежевыкрашенное общежитие, как штаны Арлекина. Цветастые заплатки на изношенном тряпье. На 4, 5 этаже света нет. Чёрными дырами зияют провалы ещё пустых комнат. Студенты в колхозе. Но жизнь уже вползла в ещё гулкое, полупустое здание, и ветер ворвался в открытый запасной вход, и жёлтые листья путаются под ногами.

И снова поют в комнате 411, и снова собирают деньги на мотор, и пьют водку, и пляшут под «Ножки-ножки», и спят вповалку на полу.

Потом я плачу в длинном-длинном и гулком коридоре (но это уже действие второе) и уверяю Плещевскую, что жить так больше не могу. Плачу горько, несмотря на оловянность души. Вечер наполнен непокоем, сигаретным дымом и шуршанием ветровки Сергея Евграфовича. Ну вот, все вернулись.

27 сентября 1989. Отчёт – рассказ. О борцах с действительностью.

Ну, я же не собака Павлова, Измодепов. Пустота. Если нет боли, то это – смерть. Как жестоко: любовь изжила себя. Как одежка для выросшего ребёнка, как выцветшее платье, продранные шорты. Внутри меня мертвец. Труп. Холодный хлам, который ещё не выбросили. И это всё? Всё. Как жестоко.

А было и другое. Ночью в 403 Сергей Евграфович открыл дверь, и будто звёздный сквозняк, будто не просто скрип несмазанных петель, а острые, бьющие по сердцу, высокие звуки. Глупый, несвязный разговор минуты на три, и его удаляющиеся шаги по коридору. Потом я долго курила на подоконнике, я не думала, т.е. не контролировала себя, да и вряд ли бы подобное удалось. Квадрат света из дверного проёма остался во мне, непокой, движение, острый осенний сквозняк, пахнувший горьковато листьями и звёздами. То, от чего давно отучил меня Измодепов. Потом я ждала случайной встречи, стука в дверь...

Потом все приехали с Шихана. Всё стало простым и объяснимым. Я – слабая, глупая женщина. Мы спим с Измодеповым в мужской комнате, где проживают ещё 7 человек. На повестке дня – борьба с ханжеством с утра до вечера. И я должна просто понять, что физиология – это сила.

Что есть: мягкость рук, губ, тёплая, почти непреодолимая тяга, когда медленно сдаёшься под нежными касаниями, растворяешься, когда нет рассудка, когда тепло, мягко, темно.

У меня нет сил уйти от Измодепова, пока я вижу в его смеющихся, чёрт знает каких ещё глазах, «хочу тебя». Нет сил – вырваться из потока, что уже понёс, закружил. Я не хочу насиловать себя, я жду обстоя-

тельствва, а оно будет. Будет эксцесс, яркая вспышка, ибо, увы, – это моя участь. Я не хочу бороться с действительностью, так как более бесполезного и глупого занятия придумать трудно.

2. Собственно о борцах

Граф – активный борец с действительностью. Он не может смотреть, как женщина ест: хлебает суп, откусывает хлеб, жуёт, глотает. «Да вы эфемерными созданиями должны быть», – кричит он со злостью. Граф – боец по натуре, и он ломает, крушит, делает больно, лишь бы создать вокруг действительность своей мечты. Моя приземлённость в его идеалы не укладывается, меня не должно быть в его мире... не должно... и таких, как Жанна, быть не должно. И многих, многих не должно.

А Измоденов не может спать без женщины.

А Жанна опять очень сильно пугает меня. Она вся ушла в тоску. Тоску без причины. Снова была пьяная комната (простите, комната праздника), свеча, водка, сигаретный дым, грязный пол, и «Аквариум», и незнакомый человек. Под такой аккомпанемент тосковать можно бесконечно. Логического разрешения у такой тоски не бывает. Она кончается и начинается вдруг. Понимать её умом бесполезно, как бесполезно докапываться до смысла жизни и «ставить весь мир по местам». Я понимаю никчёмность этой тоски, но понимаю и Жанкино: «Не приставай ко мне, Смирнова, я не хочу спускаться на землю. Мне страшно среди этих людей, мне не хватает силы, я хочу быть ребёнком. Я совсем ещё ребёнок».

Она пьёт разбавленную вареньем водку из стакана, и в водке колеблется отражение огонька свечи, и какой по-детски нежный у Жанки подбородок, какие хрупкие ключицы. Жанна пьёт. Жанна тоже борется с действительностью.

Не борется Измоденов. Он слишком мудр. Любовь? Ну что вы... Есть влечение, эрекции, минеты, дефлорации... Граф всё ещё бредит Незнакомками и не понимает Жанну, которая любит Славу, но спит с другими, пока тот в армии. А Жанне нужна любовь, нужно постоянное внимание, а если этого нет – пусть будет суррогат: случайные кусочки тепла с одной стороны и большая детская сказка – вера в Славу – с другой.

Я? Я – женщина, к тому же не из породы бойцов. И ночная улица снова пахнет сыростью и умершими листьями.

12 октября 1989. Послеазовская шиза

Словно кусочек июльского ветра ворвался внезапно в холод зимней улицы. Он ещё дрожал от солнца и голубизны, пах водой и зелёными, сильными листьями береговых растений. Прохожие в шапках, с поднятыми воротниками удивлённо оборачивались... Звенели острые камешки прозрачных запахов реки, где вода кончается в голубоватом мареве, можно, раздевшись догола, купаться и верить, что ты кого-то любишь...

Кусочек июльского ветра, жалкий обрывок, что с него? Он замёрз... Никто не пожалел. Измоденов в пилотке и помятом х-б, станция, поросшая лопухами и мятликом влажным, красным утром. Красным? Вот то-то и оно. Прохожие удивлённо оборачивались. Я тоже смотрела удивлённо: откуда он, этот июльский ветер с запахом тепла среди зимы.

Мы сидели с Сергеем Евграфовичем у затухающего костра:

– Я хочу во что-нибудь верить. Я верить хочу, я не могу так. Что это? (трещина между большим и указательным пальцем на его ладони)

– Горы...

Горы этих людей. Людей, рисовать которых я не могу, не хватает красок. Нет сил, задора, злости. Только наброски, эскизы.

Оборачивается Любка с астрой бордовой в медных, с рыжим, волосах; у неё карие, живые глаза, совсем не похожие на грубоватое лицо. Голубая звезда на будёновке Сергея Евграфовича. И глаза его, тоже карие, в складках кожи.

Граф в коричневой кепке – весь сгусток энергии. Пушистые его, пшеничные ресницы. Вот и всё: Любкина энергия, фонтаном бьющий Граф, сила Сергея Евграфовича.

29 октября 1989. О Свободе (медитативная запись)

Что главное в этом небольшом, которое даже уже не часть меня? Не видеть пустой комнаты, пустой кровати, румянца на щеках Измоденова, когда он возвращается из комнаты 427, где живут первокурсницы. Спор

не спор, гормоны, увлечение от скуки – какая мне разница? Мне хорошо в пустом клубе с «Аквариумом» и особенно утром, когда приходит Сергей Евграфович. Хотя и то, что утром, когда ещё радует снег, приходит Сергей – не значит ничего. Точно так же, как и румянец Измодедова. Диалектика. «В моём поле зрения появляется новый объект», – и не больше.

Есть ещё небольшой, снятый мной и Плещевской, дом на улице Чайковского. 3 ноября есть поход на Северный Урал, есть так много всего.

Что удивляет? Острота обиды при виде румянца Измодедова. Странно. Это не умом, это из подсознания. Что-то чёрное, жгучее. Фу. Полное отсутствие внутренней свободы. Молодец, Измодедов, правильно, отлично.

Ведь больше Свердловску не стать таким, каким я видела его год с лишним назад. Спасибо тебе за то, что ты тогда помог мне. Спасибо за то, что ты научил меня чуть – чуть по-новому видеть. Большое спасибо, хорошие мои. И это нормально, что я теперь по-другому радуюсь Серёге, ты – ещё кому-то.

Гармония? Гармония. Из души ушла грязь и чернота. Проклятое подсознание. Ведь время первого снега. Светлое время первого снега. «Аквариум» – прозрачный и серебряный. У Гребенщикова столько цветов, которыми я никогда не рисовала.

Те, кто рисуют нас, рисуют нас красным на сером,
Цвета как цвета, но я говорю о другом...

Даже для красок нужна свобода, а моя палитра – убога и типична до странности. Хотя, чего тут странного? Свободы, дайте нам свободы. «Шанса, в котором нет правил».

31 октября 1989.

Сегодня в 35 автобусе я проворонила остановку, и он вывез меня прямо в прошлое. Ветреный мокрый апрель 1 курса, когда мы с Измодедовым ещё учились в одной группе, и я считала, что могу стать геологом. Здесь, на этой окраине, я с тех пор не была, как-то не довелось. Ассоциации, следовательно, не путались, не наслаивались. Даже больно немножко стало. Такой же день, те же зелёные сосны и кинотеатр «Комсомолец».

Странно. Мне не больно, мне просто странно. Всё будто двоится, как в старом, пыльно-тусклом серебре зазеркалья. Будто я одна есть, а вторая уже лёгкой тенью отделяется и скользит куда-то. А ведь мне, наверное, больно. Нет, мне всё равно и немножко странно.

13 ноября 1989.

В этот раз он был ласковым. Как будто и не Северный Урал. Голубое небо, мягкий ветер. Измоденов ходил с другой группой, другим маршрутом, понятно с первокурсницами. Хотя это не суть важно, и, собственно, совершенно не удручает меня. Что запомнилось больше всего? Снег, удивительные кристаллы снега. Камни в полынье оснежённой речки – точно лохматые хризантемы. С первым снегом слюдянистый блеск наполняет весь мир. И будто неведомая птица отряхнула искрящиеся перья на лёд реки. Впервые не приходилось фантазировать: если с чего и рисовали люди волшебные сады, так с этого.

А вот города и посёлки Северного, в отличие от Конжака и Серебрянки, где краски играют и переливаются, застыли в два цвета: белый и чёрный. Несвежий снег и убогость построек. Огромные поленницы и заброшенные церкви. Да ещё клинья красного – флаги и транспаранты. И странно, чем сильнее нищета, тем ярче плакаты.

Да что говорить, если я сама, когда приехала поступать, верила в коммунизм (чем, кстати, сильно веселила Измоденова, сына старого диссидента). На ноябрьские праздники страна опять изрыгнула красное. И кажется, всё полно алыми лоскутками, обрывками. Они летят по ветру, будто дерево, наконец, прорвало красный купол теплицы. И у меня на работе, в пионерской комнате, есть мешок, наполненный остатками галстуков, которые моя предшественница собирала как экспонаты на воспитательную выставку. Частицы Великого знамени она выуживала в урнах, подбирала на асфальте школьного двора и в детской раздевалке.

22 ноября 1989.

Странно. Снова странно. Чайковского -63. Я знаю, сейчас Измоденов уйдёт. Возьмёт рюкзак и уйдёт, к ангелоподобной первокурснице Танюше. Я и не хочу этого, и жду, чтоб быстрее его не стало. Странно. В душе невнятно, мягко шевелится что-то. Огонь в печке потрескивает, и блики света мягко ложатся на пол. И свет лампы под соломенным абажуром мягкий. И голос Гребенщикова как отсвет огня на полу. И дом этот за-

брошенный, полупустой только в одном маленьком углу хранит тепло. Над Свердловском промозглый неяркий ноябрь, и ветви деревьев позванивают, подёрнутые ледяной корочкой.

Он говорит:

– Странно. Ниоткуда не хочется уходить. Там был – не хотелось ехать сюда, теперь вот не хочется уходить отсюда. А ведь надо всегда дыбать экстремум...

– Так не уходи.

– А жить-то как?

Но это просто слова. Измоденов знает, как жить. Он берёт рюкзак и уходит. В душе моей мягко и тепло шевелится что-то, удивляя меня. «Ветер, туман и снег. Мы одни в этом доме...»

Коричневая тетрадь

«Забудьте, что на носу у вас очки, а в душе осень» (И. Бабель).

14 декабря 1989.

Синий снег Нового времени хрустит спелым арбузом. В иголках мороза уже блестят обещающе мишура и ёлочные игрушки праздника. Дорога к дому на Чайковского перекрещена густыми тенями уснувших накрепко клёнов. Кончается год Змеи.

«Курите. Пейте пиво. Я открою вам целый мир», – и хозяин наш в комнате, где витают Мастер и Маргарита, где за грязным окном подмигивает фонарь мефистофелевским глазом, читает мне «Одесские рассказы» Бабеля.

Невозмутимая Оленька-Солнышко из цветника Сергея Евграфовича (он тоже любит проповедовать среди первокурсниц) бросает небрежно: «Чёрная кошка с голубыми глазами? Это – чёрт». Слышишь, несчастная Василиса, ты – чёрт. Но Вася свернулась клубком около Плещевской и спит.

Спит Ленка Рычкова, блик света дремлет на значке «Талгар», храпит за стеной хозяин, и только рыжий огонь в печке расплясался и воет про-

тяжно в дымоход. Белёсый в свете луны дым тянется к звёздам, но его уносит в Город, за забор и в уснувший в голубом сад.

– Мисс Элен, меньше прилагательных.

И я учусь у него. Человека в подтяжках, с лысиной на приплюснутой голове и чертенятами за стёклами коричневых очков. Наш хозяин. Друг Мефистофеля, вольный художник и почётный член строительно-наладочного кооператива.

Он учит играть меня «Кузнечика» на голубой детской флейте, зовёт отечески то «сумасшедшей», то «мерзавкой» и целует руку на прощание, провожая в «Большие городские плавания». Спившийся громадный талант, однокурсник Боярского и чтец филармонии в прошлом, валяется пьяным под его дверьми, обзывает «гадом» и требует два рубля на мотор. Зима же властно творит своё: укрывает земные нечистоты обильным, серьёзным снегом и льёт, льёт в ночь голубым сиянием.

На оранжевом торшере – орнамент коричневых фигурок. На столе 19 века – большая пепельница и оранжевые звёздочки, созданные хозяином в пылу пьяного вдохновения, смотрят с потолка, ухмыляясь. Попыталась окликнуть себя. Встала ночью среди круга оранжевого света и сказала: «Эй» И тогда:

Измоденов на минуту оторвал ласковый взгляд от Танюши; сырым сквозняком принесло к ногам телеграмму – «Граждане разгильдяи, Катунь не замёрзла, горы крутые, солнце печёт. Бакланы», Флорида замерла в углу своего звонкого имени жалким комочком; Жанка, прислушиваясь, остановилась у икебаны в коридоре архитектурного, где на тёмной лестнице шуршат окурки и тень «Наутилуса»; Плещевская шелохнулась во сне. Это блики моего «я» вспыхнули на мгновение солнечными зайчиками, потом исчезли, вернулись в зеркало. Душа приняла их, спрятала там, где сердце. Жизнь была полной, жизнь шла. Зима входила в силу. Дым покидал пределы сада в голубом, и я уснула.

Новые сказки (медитативная запись).

Когда фрегаты ваших надежд на всех своих алых парусах улепётывают вдаль по залубенелому городскому асфальту, оставляя за собой осколки праздника, не обижайтесь на оплывшие не так огарки свечи,

пустые бутылки и мусор цветных материй. Не обижайтесь! Обнимитесь с тишиной, чокнитесь последней рюмкой с одиночеством и встретьте Новое время белым утром и молоком в хрустальном фужере. Снег и молоко – лучшее средство от тоски похмелья.

Любите настоящее. Новое время белой девочкой уже стоит за вашими дверьми и ждёт. Посмотрите на её ладони, взгляните в глаза. Они по-прежнему прозрачны и наивны, значит, снова будем строить корабли, снабжать их парусами, радоваться в ожидании Праздника, то есть, будем жить до тех пор, пока и это детище не покинет родную верфь. Важно одно: тут нет страшного.

18 декабря 1989.

Есть люди, как летний цветущий луг в солнечных лучах. Странные дети добра и тихого звучания пчёл. Ты вбегаешь в мягкую траву и неброские цветы их жизни, удивляешься, любишь, почти не веришь, что так бывает среди дисгармонии, скрежета и бесконечного насилия. Таков Вадик Ложкин со своей гитарой и непреодолимой любовью к женщинам.

А есть люди наподобие скал. Можно биться об их острые углы бесконечно. Можно стараться не замечать их, но при этом ощущать непрерывное давление. Мне нельзя быть около этих сильных, требующих чёткой жизненной позиции или ещё чего-то, чего во мне нет. Но появляется Сергей Евграфович, вернувшись из очередного зимнего похода. Загромождает вход, и моё существо не находит сил вырваться из тяжёлой, густой тени этой скалы.

Проклятая натура! Тонкие травинки стелятся к его тумбам-ногам, все звёзды с жалким писком крошатся под серыми, потёртыми его ботинками, его малоподвижное лицо царит над всем. И я понимаю – КАК можно любить тиранов, и душа моя мечется солнечным зайчиком в клетке этого понимания. Я знаю, что тоже чувствует Граф, когда старается не отстать от Евграфовича где-нибудь на Приполярном, и только Измоденов спокоен, как всегда. Ему вполне уютно под вывеской «разгильдяй». Для него стать профессиональным спортсменом, то же самое, что вступить в партию.

24 декабря 1989. Забытая столица.

Ловить ночное такси меня провожала Плещевская. Фонари не горели. Площадь безмолвствовала в мёртвой тоске вчерашнего снега.

– Всё у нас с тобой будет, Ленка, и музей, и дети хорошие, – непонятно вдруг почему сказала Оксана.

– Конечно. «Всё у нас с тобою будет, Глаша, обещаю, подожди».

Допеть не пришлось. Зелёной звездой подкатилось такси. А дальше плацкарт до Верхотурья. Паломники конца 20 (хи-хи) ездят в плацкартах и электричках.

Я не знала, зачем мне это, чувствуя одно – нужно идти. А ночью, лёжа на жёсткой полке без матраса, я поймала себя на странной ассоциации. Всё было так же: вырванные обманом два дня, ночной поезд, только ехала я к Измоденову, в военную часть, ехала за маленьким теплом, пусть придуманной, но любовью. Теперь же я искала в этот мир совсем другие двери, странная ностальгия по совершенно незнакомому, выталкивала из привычного.

И утром, выйдя на станции патриарха городов Уральских, я почувствовала себя вполне Маугли, когда он, дитя джунглей, первый раз вступал в заброшенный город.

Силуэты храмов сквозь утреннюю дымку показались мне останками затонувших кораблей, экипаж которых не спасся. И как-то не замечались корявые улицы, уродливые памятники времён соцреализма, кривые дорожки. Над панорамой города властвовали собор и тонкие свечи колоколен, в одно гармоничное созвучие сливались с ними и река, и ажурная вязь веток. Вот это и была та музыка, которой мне так не хватало на улицах Свердловска: фундамент вон той церкви на солнечном мажоре, а эти купола светлой грусти, минор их гаснет, мерцает, уходит в осень. Такого не услышишь в большом городе. Там тесно, здания налезают одно на другое, жмутся, как семейство опят на старом пне. Нет воздуха, нет акустики...

А потом автобус, из той курносой породы, что давно уже вымерла на улицах нынешней столицы Урала, подвёз меня к стенам Крестовоздвиженского монастыря, заботливо укутанным колючей проволокой. Смотровые вышки уродливой коростой приросли к угловым башням. Воро-

ны облепили провалившиеся купола. Детскую колонию с территории храма выселили, похоже, совсем недавно, и ветер бросал мне под ноги протоколы, тряпье и прочий мусор, все двери стояли нараспашку, на дощатом полу смотровых вышек окаменело дерьмо...

26 декабря 1989.

Искрится мишура мелкой серебристой рыбёшкой. Прорастает Новый год иголками мороза в ёлочных шарах. Паровозом дымит наш старый дом среди балетных юбок заснеженных кустов.

Ура-а-а-а! Вперёд в год Лошади! Год обыкновенной советской женщины. Комната преподавателя по внеклассной работе завалена цветной бумагой игрушек. В директорской милой семьёй фасуют подарки. Неизвестные мне обряды чужого монастыря. Наш монастырь в расколе. Гришка что-то обсуждает с молодежью. Любка не хочет встречать Праздник с Сергеем Евграфовичем. Измодену «не в экстремум» лесной вариант. А Граф, замученный женскими проблемами, проблемами вообще и несладкой долей буфера, грозитя лечь спать в самый Новый год.

Сегодня буйный вечер. Вернувшиеся с Алтайского похода взбаламутили и без того полную чашу нашей жизни. Я слегка захлёбываюсь в обилии лиц, жестов, взглядов.

– А, Ленка, – радуется Ложкин. Но и он теперь мне не в равновесие, против воли краснею.

– Ленка почувствовала спинным мозгом, что здесь пьют чай, – Сергей Евграфович полу- сурово. Злюсь.

– Любка хочет, чтобы я на ней женился – а я не хочу. Машенька хочет, чтобы я её любил – а я не люблю. Нужно тренироваться – я болею, нужно закрывать 2 разряд – я не хочу. Я просто хочу ходить в горы с друзьями, – проблематичный Граф. Ищу слова мучительно, чтобы при ответе не ткнуть пальцем в небо.

– Смирнова, ха-ха-ха, – ну, сколько тебя можно воспитывать, – захлёбывается в своём стационарном счастье Измоденов. Я настаораживаюсь.

Ещё обаяние Оленьки, неистоцимая весёлость Любки, Юра, Рычкова, Флоридка, Танюшка. К счастью, вваливается Плещевская и, с грохотом упав на стул, замирает, точно серый камень на краю обрыва.

– Ты за мной?

И я спешу унести свою покаянную, разволнованную душу на Чайковского – 63. Где дым белым столбом спешит в морозное до зубной ломоты небо, сад, как всегда, спит в голубом за глухим забором.

– Мисс Элен, вы живы? – интересуется друг Мефистофиля из соседней комнаты. И, услышав мой голос, ухмыляется:

– Ну, слава Богу.

28 декабря 1989.

Мир казался чёрной, вскрывшейся рекой. Несвежий лёд привычного с треском ломался на куски. Спасительное бревно трамвая вынесло на островок архитектурного. Но и тут со всех сторон, предательски поблёскивая, подползала вода. Я не узнавала Жанки. Спасения не было. В мутных волнах ранних сумерек злилось зелёное электричество. Я принимала Новое.

Не сожалея, не мучаясь, обеими руками ухватившись за слово «странно». «Странно» – в этом дышало обаяние жизни, скрывались краски надежд и фантазий, которыми я снова раскрашу дорогие руины. В этом слове трубочка играл босиком восход на крыше, заставляя вставать из розовых сумерек солнце.

В Новом иногда было даже уютно. В тесной темноте 411, набитой спящими телами, полусонно бормотал Граф, свернувшись на спальнике: «Сразу после армии я поехал на море. Утром лежу в палатке, залезает Мендель, казахский немец из сосланных, и кричит: «Рота поё-ё-ё-м!». Я вскинулся, слышу – стук сапог. Их каждое утро приносили из сушилки. Кидаюсь к ним, а это – не сапоги, это – прибор шумит. Очнулся, на четвереньках влез в воду, а она – тёплая».

В Новом гуляли сквозняки странствий. Жёлтым, непонятным Душанбе пахли янтарные солнышки почти сладких лимонов и большие, не уральские яблоки. «Махуапа, Кэльмэ, Лена, вставайте,» – рассказ Юрман (тоже, кстати, влюблённой в Сергея Евграфовича) пестрел сочными, нездешними словами. Как яркие морские ракушки на песке, они звали куда-то, обещали что-то... Будто и не вагонная усталость скрывалась за ними, и не вокзальный чад.

Ведь и там, где ещё алычу снимают с деревьев и угощают гостей спелым виноградом, шьют всё те же костюмы для смуглых Снегурочек, вырезают картонные короны и готовят утренники для сирот-афганцев. Ведь и там, среди экзотических только для посторонних декораций, та же жизнь – тесная, душная, как не одинокая ночь, окончившаяся зачатием.

В Новом бродят призраки старых страстей. Жалкие, бесприютные тени среди жаркого месива настоящей жизни. Бледные выходцы с того света. Тело их – мысли, желания, сны прошлого – давно стали чернозёмом. Но полоска света из-под двери напоминает холодным рукам о давнем-давнем тепле. Бабочками на огонь сентиментальности слетаются старые призраки и не сон несут они на палевых крылышках.

Год 1990. По гороскопу: «Разочарование в дружбе вам заменит творческий подъём».

12 января 1990.

Можно придумать себе жизнь так, а можно по-другому.

Можно носить в душе застарелую страсть, крепкую, как выдержанное вино, и совсем не прозрачную. И весну чувствовать не светлыми голубыми льдинками, а мутной, водой паводка – женской и сокровенной.

Можно знать, что поцелуй – это не лёгкий трепет майских листьев, а простой вид тепла, являющийся следствием не любви (что это такое?), а добра.

Можно знать, что, ложась с человеком в постель, ты просто делаешь ему приятно, как улыбчивое «здравствуйте», или накладываешь пластырь на какую-то душевную рану. Какую – знать необязательно, ведь утром вы разойдётесь.

Можно знать, что иногда лучше просто погладить по голове, чем говорить много-много слов.

13 января 1990. Впечатление от этнографической экспедиции.

Этот старик родился в 1896 году. Теперь он умирал в гулком деревенском доме, где жил один и был знаменит тем, что дотянул до 94-х лет, написал письмо Ленину и всю жизнь вёл дневник. Вернее, деловые записки: коровы, фермы, приплоды. Его жизнь, сухо законспектированная на пожелтевших страницах, пылилась в нижнем ящике комода. Ещё он построил дом, посадил сад и вырастил двух очень забывчивых детей.

Меня он, видно, счёл ангелом, взял за крыло и долго, тихо просил передать куда-то, что сделал всё «для партии и народа» А ещё хотел поведать о светлом своём сокровище, но беспомощно сбивался, не в силах пробиться сквозь языковой шлак передовиц своей молодости. В ящике стола, застеленного ветхой клеёнкой, лежали сумасшедшие ножницы, покрытые щетиной и ржавчиной, на столе – тетрадь. «Жить дальше некуда, сегодня проснулся весь в моче», – последнее, что было в ней написано. Может быть, он что-то ещё узнал о смерти, я не знаю.

15 января 1990. Выпаив в осадок на Чайковского-63.

Иногда даже со злорадством думаешь: «Жарьтесь сами на вертеле своих желаний». Тесно, тесно в коридорах и комнатах Корпуса «В». Не люди – куски кремня, не общаются – бьются дуг о друга, и вместо тепла – только синие искры. Вечные поиски «нежных и ласковых рук», свободных ушей, понимающих глаз. Как до бесконечности однообразно...

19 января 1990.

Вечер за окнами Публичной Библиотеки медленно наливался синовой. Раскрытые ладони клёнов держали небо, где прозрачно проклёвывались первые звёзды. Пытаясь озвучить Верхотурские храмы, я искала голоса тех, кто мог быть хоть когда-то в их стенах. И вот уже на страницах газеты «Зауральский край» за 1914 год бравого репортёр делится впечатлениями о поездке в «царство Симеона Верхотурского», подробно описывая торжества, посвящённые открытию Крестовоздвиженского собора и переносу в него мощей святого праведного Симеона.

Скрываясь под псевдонимом «Никто-не», он ругает железную дорогу, сравнивает вокзал со «свиным двором», описывает богомольцев, прибывших со всех концов страны, восхищается роскошной сенью для мощей, пожалованной царской семьёй и увековечивает тот факт, что «представители печати не удосужились чести отобедать с епископом».

Потом я заглянула в литературно-научный журнал учениц Первой женской гимназии Екатеринбурга за октябрь 1915 года: «Наш 20 век, – поучал их проповедник Новоспасский, – принёс нам много блеска, роскоши, гуманность, а живой любви, теплоты сердечной – мало.

Мы отдаляемся от света Христова. Но нас зовёт ко Христу Вифлеемская звезда. И хотя мы не умеем говорить со звёздами, хотя нам непонятен их язык, но он зовёт нас к свету правды, познанию истины...»

А потом я замерзала на автобусной остановке, вспоминая, как весело проходили у нас в школе антирелигиозные вечера, которые проводила химичка Вера Павловна. Автобуса не было, как бы настойчиво не вытягивала его взглядами из-за горизонта продрогающая толпа. Я сплёвывала от злости на заиндевелый асфальт, ветер забирался под плащ, и очки уже искрились узорами. А мимо проезжали машины, в тёплом нутре они везли свет и музыку, но, чтобы прокатиться – нужно платить мятую трешку – одну из десяти, выданных до конца месяца.

Страну лихорадило. И скромная пионервожатая, замерзая на автобусной остановке, думала о Христе, о звезде, что почти две тысячи лет тому назад зажглась над Восточной страной. А в голове ещё почему-то вертелась песенка Макаревича:

А ближе к ночи
И эти, и те
Будут друг друга искать в темноте.
Но выпито вино, и бокал пустой,
Он снова перепутал и ушёл с другой.
И она ждала другого, но отправилась с ним,
Быть может, потому что темно или дым...

30 января. Проверка наличности. Для Вадика Ложкина.

Как странно видеть чьё-то тело в синем, ночном свете и уже не помнить, что раньше вкладывалось в слово «люблю». Потеряться совсем в нюансах его, переходах и превращениях, а жизнь дробит, дробит безжалостно цельные понятия, утверждая, что хаос – основа всего. Дребезги. Миллион сверкающих алмазно капель. И радость неожиданно находишь только в их праздничности, их радуга становится гармонией.

Для Жанки.

Мы пьём вдвоём. Мы не часто пьём вдвоём и редко видимся, мы и живём уже разным. И при встрече нам необходим минимум привыкания, после которого мы снова говорим на одном языке и чувствуем друг друга. Мало? Нет. Среди всеобщих судорожных поисков тепла, понимания,

внимательных глаз, добрых рук. В неверных сомнительных вылазках за неясными ощущениями и незнакомыми душами живёт знание о тихой пристани, зелёной воде, крепком тыле – маленькой моей Жанке, которая с трудом переставляет ноги после бессонной ночи и, волоча по полу сумку, отправляется на экзамен.

– Стареем, Ленка, помнишь, как было раньше? Как мы из ничего умели сделать праздник?

Нет, Жанка, ощущение огромной усталости – болезнь роста. Я снова вчера ощутила в себе это, что странно среди коротких дней зимы, тяжёлых ранних сумерек, несвежего снега. Я попытаюсь объяснить, может, и тебе поможет. Это сродни весеннему, когда вспоминаешь, что проснувшиеся деревья, запах пьяной воды и блудливые кошки намного ближе и понятнее людей. Когда чувствовать начинаешь водой и солнцем. Я ощутила толчок. Именно сладкую боль почти физически, так, наверное, сок в марте бьёт в сердцевину дерева, парализуя и радуя, острым током вскрывая ещё не забывшие мороз сосуды. Жить, Жанка, жить. Ведь мы всё ещё растём.

1 февраля 1990.

Количество мелких, неотданных долгов возрастает соответственно количеству случайных мужчин. Может быть, наоборот. Но две эти вещи находятся в прямо-пропорциональной зависимости друг от друга. Как правило, если присутствует одно, присутствует и другое.

Весело жить в стране анекдотов. Сейчас их особенно много повсюду. Зарисовка к портрету «русской души»: легко перенесли отсутствие мыла, сахара, стирального порошка, но исчезновение водки вызвало демонстрацию и комитет 29 декабря.

3 февраля 1990.

Год мы меряем не зимой, а летом. В этот раз я официально отмечу Праздник Нового 1 июня, и длиться он будет три месяца. А сейчас – середина года. Послесессионные каникулы. Пустой клуб. Полупустая общага. Утром в 524-ой – отражение спящего Ложкина в зеркале. За Измоденовым не видно тени Танюши, о Сергее Евграфовиче, который опять поднимает планку своих возможностей где-то на приполярном Урале, не осталось даже памяти.

6 февраля 1990. После просмотра фильма Сергея Соловьёва «Чёрная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви». Кинотеатр «Мир». Заметка в двух частях.

Часть первая.

Наконец, поняла – чего хотелось: не хотелось реального. Вот этого неожиданно серого вечера, скучных огней машин, снега – чёрного у трамвайных рельс, самих рельс, самих трамваев. Хотелось только курить.

Через дурдом ко Христу. Ведьмы, черти, упыри. Зачем? Это давно не страшно. Разве может быть страшной повседневность? В которой живёшь, ищешь завтрак, едешь на работу, идёшь в институт? А вот дядя Кристмас – это новость. Потому что он – зелёный и серебряный, он – прозрачный, он – светлый. Потому что он – бескорыстный белый снег, который всё падает и падает на землю, делая её красивой и чистой, хотя бы на одно короткое утро.

Часть вторая.

Поцелуи бывают разные. Я люблю утренние, когда они – не уловка, не капкан. Они – бескорыстные. А желание тепла? Я уж не знаю, где там кончается тело и начинается душа. Они воедино, как и положено двум противоположным началам. Таким, как я и Измодепов, как моя теперешняя, абсолютно алогичная страсть к Сергею Евграфовичу...

9 февраля 1990.

Комнату 411 в шутку называли «самой мужской на этаже». И громилы из студсовета, внезапно подобрённые в связи с повальной демократизацией общества, во время рейдов шутили: «Девочки, почему у вас так грязно?» Хотя на двери корявым измодеповским почерком было выведено 5 мужских фамилий. Сегодня утро в 411-ой началось в 10 часов.

Жанна (студентка архитектурного), наконец-то, легла спать, Юра (любитель у-шу и китайского языка, будущий инженер-геолог) из принципа отправился на первую пару, Павлина (ужасно легкомысленная особа без определённого рода занятий) перелегла от Сержа на отдельную кровать, Оксана Плещевская (бывший студент-геолог и археолог в душе) отправилась на ЖБИ, где работала кладовщиком, Шу-

ра-дятся в орлином гнезде досматривал сны перед палеонтологией, Граф был в горах, Измоденов – на Северном Урале.

Я, скромная пионервожатая, точно кукушка в часах, через каждые 30 минут интересовалась временем, отодвигая подъём. Наконец, явился Ложкин, прокрутил «Эстудей», затем со словами «Мужики, поехали!» прокрутил его ещё раз и зарыдал на неожиданно сломавшемся магнитофоне.

17- 18 февраля, Чайковского – 63

– Сейчас будет красивый рояль...

А вокруг плескалось море. И чайки опустились на серый песок, и серый утренний ветер нёс запах йода. Море дымилось так, точно туманом хотело уйти в бессолнечное ещё небо.

– Ты, наверное, создана для любви...

Я? Море стремилось к небу. А я сегодня только родилась. Меня ещё не научили ни чему, я только-только ступила, отряхнув брызги, в серое йодное утро. Не на берег – на остров. Остров необитаем, он совсем крошечный, и море сейчас унесёт его в небо. А здесь есть ты, и ты говоришь мне, что я создана для любви. Значит, для неё я и создана.

Мои и твои следы на песке наполняются водой, превращаясь в осколки зеркала. Но мне не жалко разбитого стекла. Я не знаю себя, я не помню себя, я не хочу видеть себя. Ты – моё зеркало, и ты скажешь мне какие у меня глаза, какие ресницы, какие руки. Ты говоришь – нежные и красивые. Значит, они нежные и красивые. А зеркала врут, они ведь не видят нежность. И море уже подняло остров в воздух, а сумасшедший друг Мефистофеля за стенкой не подозревает, что в соседней комнате плещется вода, потолок имеет шанс быть проломлен, и крыша снесена, ведь остров уже поднялся в воздух.

Он поплывёт над городом, которого я не помню. Ты можешь называть его как угодно, и я тебе поверю даже, если дно покарябает шпиль на площади 1905 года. Когда ты сидишь так, твои волосы касаются лопаток, они чёрные, как смоль, и, слава богу, я не знаю, что такое одежда.

– Ты сказала: «Карие глаза, нет, послушайте, карие глаза». Тебя не слушали, а ты говорила: «Карие глаза – это кровь юга, а голубые – север».

Я? Говорила? Я только сейчас родилась. Но, если ты помнишь, значит было. И что такое «карие»? После вавилонского столпотворения люди перестали понимать друг друга, но, если глаза у нас одинаковые, мы когда-то говорили на одном языке. Думаешь, Бога придумали люди? Он родился так же, как сегодня родилась я. Он соль и смысл той земли, что родила его. Он как ребёнок похож на свою мать: на её траву, на её деревья, на её небо и воду, на её горы...

Я не знаю, что такое счастье. Ты сказал: «Я счастлив». Значит, это так и есть. Я родилась, когда ты был счастлив. «Мне хорошо с тобой». Кто это сказал? Ты? Я?

– Знаешь, что такое ухо? Нет? Неужели нет? Ухо – это ребёнок. Смотри: мочка-голова, вот позвоночник. У него есть глаза, и, если проткнуть неправильно, можно ослепнуть. Неужели не знала? А что ты знала?

Я не знала ничего. Меня сегодня вынесло море, но уши у меня почему-то проколоты...

– Пошли третьи сутки. Я знаю тебя три дня. Сейчас где-то палят пушки, ведь я знаю тебя уже целых три дня.

19 февраля 1990.

Чуда рождения новой жизни не произошло. Пока-пока, Влад, студент-архитектор по прозвищу Ужас поколения, с десятью цепочками на шее. Я, правда, не хотела тебе сделать больно.

2 марта 1990.

Густые сумерки легли весной на город бледный,
Автомобиль пропел вдали в рожок победный,
Глядись в невытое окно, к стеклу прижавшись плотно,
Глядись, ты изменил давно, бесповоротно...

Снова в мир весна кинулась,
И я поверить отважился,
Будто время вспять двинулось,
Или это мне кажется...
Будто бог нажал клавишу

Всех желаний несбыточных,
Но: только я не хочу видеть нас давешних,
Непохожих на нынешних.

Я больше не люблю «Аквариум» в тихом, ночном клубе, мне безразличен и тихий, ночной клуб, я больше не старшая пионервожатая. Я снова нигде не живу.

Но «Бог» нажал клавишу. И, слава Богу, 7 марта я уеду в горы.

9-10 марта 1990 г. Алма-Ата. (Стекло́нный вокзал)

Однозначно: Бог потом. Сперва залитый голубым серебром гребень Азовки и тёмный силуэт сосны, да волны Уральских гор до горизонта.

А утром глухо ухает филин. Я думаю сквозь сон – не к добру. А синие, густые звуки всё падают с сосны на землю. Это значит – я убегу, без слов. Оденусь в хрустящей от утренника палатке и по синему снегу, ещё хранящую цвет ночи, – к дороге. Трусливо? Нет, разумно.

А Сергей Евграфович, чьё лицо и тело я всю ночь учила наизусть на ощупь, донесёт потом мой рюкзак до аэрофлотовского экспресса. Пожмёт мою мужественную руку и в аэропорт не поедет.

Серые мартовские лужи города сменит чёрный лёд луж взлётной полосы, потом дождь в алма-атинских лужах. Снова:

Под крылом стал город
Созвездием огней,
И купол неба вспорот
Дорогою моей...

Наш дурдом (к.411) сменил сцену, разместившись среди декораций под вывеской «Сборы в Туюк –су». И чертёнок Флорида, и ангелоподобная девочка Танюшка, и Измоденов, и дятел Шура, и все-все – все.

14 марта 1990.

- На вершинах снежных гор серебро слитками
- А, может, шоколад плитками?
- Ну, как девочки, назагорались?
- Ничего, синенькие.

- Ленка, где карабинный тормоз?
- Ты и так тормоз, без всяких карабинов, отделение тормозов...

- Ничего себе единичка. И чего мы так попухли?
- Так высота 4 тысячи.

Скалы, лёд. Наша первая в этом сезоне гора – рыжая Машук Мамедова. Интересно всё-таки, зачем людям это надо?

15 марта 1990.

Бредни города. Товарищи инструктора в день отдыха спускаются к жёнам, вниз.

- Господи, прошу тебя,
С неба его трахни,
И тогда я, Господи,
Подстригусь в монахини...

(Это Ленка Рычкова тащит поленья).

- Женский день?
- Светлой памяти дня восьмого марта посвящается...

Бредни города. Размышления о Боге, об обществе исторического ма-разма, квартирные и прочие проблемы. Бредни города. О чём думаешь, пробираясь между синими тенями тянь-шаньских сосен? О чём вспоминаешь?

«Будто послушник хочет к Господу, ну, а доступ лишь к настоятелю». А вот это и есть доступ без посредника к настоящему. Цельное, настоящее, небольшое. Никаких измышлений, только горы. «Горы спят, спокойствием собственным скованы». Иногда глухо рычит снег, отслаиваясь, как шелуха, и горы обнажают коричневые бока – греются. А мы должны приспособливаться к их ритму, их строю.

Вот с весёлым стуком полетели в горную речку камни с обрыва: это – друг Мефистофеля со своим притоном и чёртом Василисой, Влад, общага архитектурного. Раз – и всё. Ненужное – в весёлую, горную речку.

Вот зловеще шурша, медленно ползёт язык снежника. Это – хуже, это – большое. Это – Измоденов. Татьяна – подсознательное, мутное беспокойство. Медленно. Но верно. К чертям – в мутные мартовские ручьи.

А в «серебряном вагончике», где мы проживаем, марево печного тепла и запах борща. На клеёнке стола – чайник. Ботинки, фонарики и рукавицы висят гирляндами. Местный знахарь Толик у радики безуспешно четвёртый час вызывает «Компас-5». Новички спускаются с Альпенграда, а у нас завтра «двойка».

Вот и всё. И я счастлива в этих днях. Спокойно и бесконечно.

18 марта 1990.

В какие схему уложить существо своё? Да оно уже уложено. От утренней электрички до гудящего аэровокзала. Я привыкла жить между приездами и отъездами, вечными сборами рюкзаков. На вокзале 411, где койки поставлены для всех проезжающих.

– Ленка, ну ты же знаешь, что круг моих мыслей ограничен авторской песней.

– А весна и в горах пахнет тем же.

– Чем же это?

– Мокрым снегом...

25 марта 1990. Поезд «Алма – Ата – Ленинград».

Час настал -

Пора лететь...

«На крыло – и в долину», – смеётся Ленка Рычкова. Погода – синь с золотом. Горы – голубые. День – воскресный. И поднимающиеся вверх, в «Чимбулак», кто с удивлением, кто с улыбкой, слушают наш прощальный концерт. Это мы собрали рюкзаки и «встали на крыло». Вроде грустно, но птички наши души радуются солнцу, воле голубых гор, весне. «Воля, воля, воля, и не вернуться нам назад».

28 марта 1990. Возвращение.

Встречающие – есть. Мои давно здесь: онемевшие, вросшие в гудящую от поездов землю чахлыми клёнами.

И город уже нашёл меня сквозь вагонное стекло, залитое грязью странствий, и расстреливает в упор острыми шариками огней.

Флоридку встречает Лёнька с пятью бордовыми розами. Берёт её рюкзак.

А раскрытые ладони моих клёнов без остатка заняты мокрыми сумерками свердловской весны.

Люблю перрон. Люблю вокзал. Они не засыпаны осколками моих иллюзий. Я проношу над ними в состоянии эйфории всех своих смертничков, розовых, голубых и всегда нежных, дальше. Кладбище за чертой вокзала. Там:

где шкатулка города щедро раскрывается, переливаясь огнями;

где в общаге архитектурного, под вывеской «Жанна, я люблю тебя. Вовка» действительно живёт Жанночка и ждёт Славу;

где Влад, уперев палец мне в плечо, говорит о женщинах-Иудах;

где Любка, беременная от Графа, выходит замуж за другого, убегая от любви;

где Бельковы до свадьбы спешат сдать петрографию;

где Сергей Евграфович ушёл на Приполярный;

а подарок Валеры – значок спасотряда – теряет теплоту.

1-2 апреля 1990. Копейск. Что такое женщина?

Ничего не изменилось в этом городке! Так же, пройдя из одного конца проспекта в другой, плавится в сковороде заката оранжевое солнце, перегородив шоссе на стыке с горизонтом. Так же в оранжевый дым уходят люди и въезжают машины, становясь чёрными точками в преддверии небытия.

А вечером я шатаюсь по акварелям своего детства. Асфальт вторит моим шагам серебряным позвякиванием. Я остерегаюсь резких движе-

ний, боясь разбить эти прозрачные сумерки, сломать невзначай кованые ветки. Апрель – фарфор, серебро, акварели.

Встречаюсь со старыми приятелями точно листаю старый фотоальбом. Мной движет чувство ленивой сентиментальности. Ничего более. Живой жизни тут нет. Да и во мне ищут отблески минувшего. Ни и их нет. Увы, увы.

Что же есть? Знакомые светильники городских огней, да въевшийся в память шум ночного шоссе за окном. Светофоры, что с наступлением сумерек до утра мигают только одним, жёлтым, глазом, обещая чудо, которого не произойдёт. «Раз-два-три, раз-два-три».

Женщина...

– Женщина не несёт прогресса – это, естественно, Измоденов. Мы едим дрянное мороженое и пьём дрянной кофе в дрянном месте. Его познания о женщинах всё пополняются, выводы всё совершенствуются и тоже эмпирическим путём:

– Почему вы все такие глупые? Даже лучшие экземпляры...

Ох, уж этот вечный Измоденов. Ох, уж этот пьяный день. Мне жаль Измоденова, потому что во многом он прав. Давний вопрос: «Знание есть счастье?» Но не для меня.

Прогресс, позиции, идеи, принципы – одёжка, чешуя, когда меня переполняет солнце. Пришла весна. И теперь мне ближе блудливые кошки, мне интересней запах не родившейся травы...

Ухал филин. Синие, густые звуки падали в снег, ещё хранящий цвет ночи и холод зимы. От утренника хрустели полы палатки. Я должна была взорваться, как бутылка шампанского. Рядом – Сергей Евграфович – в моих пальцах струится давняя страсть, тяжёлая и непрозрачная, так похожая на выдержанное вино. Губы набухали ею, грудь... Как странно чувствовать в себе женщину.

6-7 апреля 1990. Эпиграф: «Судьба человека – это нрав его» (Кто сказал? Не помню.)

На золотистой зebre этого дня я доехала до финиша. Золотистая полоса – прогретый солнцем и пахнущий сосной воздух. Голубая полоса – запах снега и уцелевший случайно лоскут зимнего сквозняка. Шастая среди

этих полос, я была счастлива. Бездумно, но глубоко – до самого дна. Мне нравились снежные веснушки – рыжие кусочки тонкой сосновой коры. Мне нравилась весенняя лёгкость наших женственных пейзажей. И ручейки на теневой стороне Чёртиков.

Улыбаясь и напевая, добралась я до вечера. Зебра моя погрузилась у корпуса “В” и медленно, начиная с золотых полос, растаяла.

Финиш.

Человек-легенда (Сергей Евграфович, вернувшийся с Приполярного), склеивая фильм, говорил Юре:

– Ну-ка, разберись с ней. Совсем бояться перестала.

А я отвечала:

– Сволочи...изверги, – и искала ножницы.

Радость встречи уходила, таяла, оставались нервные толчки. Неумолимо жестоким прибоем (чего?) меня неотвратимо било об эту скалу (Сергея Евграфовича я имею ввиду). Участь мёртвых водорослей и дохлых рыб. Но я-то была живая. И мне было больно. А прибой зверствовал. Раз – я под каким-нибудь предлогом открываю двери 411-ой, два – отлив – ухожу. Потом по новой. Нет сил: ни уйти, ни остаться.

Усталость и раздражение. Учащённое дыхание на сером, грязном песке, скользкая галька в судорожно сжатых кулаках. Прибой отпустил только в тишине чужого уютя, где на меня снизошли покой и сознание собственной глупости. Застарелая страсть и детские комплексы – страшнейшая смесь.

7 апреля 1990.

Сегодня на повестке дня.

«Ребята, давайте любить друг друга сквозь ненависть и все наветы. В порыве нежности ко всем. Граф. Ночь с 5-ое на 6-ое»;

«Разгильдяи всех мастей! Приглашаем на торжественный гадюшник. (Бельковы)»;

«Собрание-разбор для всех, кто был в марте в Алма-Ате, состоится...»;

«Лекция на тему «Проблемы безопасности в альпинизме» (Сергей Евграфович)»...»;

«Кому нужна стропа, обращаться...».

«Обращаться», «состоится», «давайте», «любить»... Мир движим глаголом, я слишком люблю прилагательное.

9 апреля 1990. «И каждая пробка нацелена в лоб»
(отчёт о «торжественном гадюшнике»)

Если не рыться в цветной куче эмоций, остатках Праздника, а сосредоточиться на жёстких конкретных фразах.

Сергей Евграфович: «Чем больше человек способен управлять своими эмоциями, тем больше он человек».

Граф: «Любовь – это скотство, унижение. Полное отсутствие контроля над своими поступками. Унижение».

Любка: «Хорошие вы ребята, но устала я от вас. И, слава богу, что уезжаю».

Что у меня: брызги, дребезги, осколки.

Лепестки засохших роз, бычки, блевотина на полу, винные лужи на столе. Ах, когда кривая этой жизни с размаху врежется в Праздник! В какие яркие краски рядится она! И как потом серый ветер равнодушно треплет цветные лоскутья!

Граф о Танюшке, резвящейся на кровати около Измодедова: «Что вы к ней пристали? Счастливая женщина! Унижение, нет, какая ей разница? Счастлива. Примитивно».

Он же о том же: «А что надо-то? Припасть ухом к родной груди».

Измодедов: «Приятные твари эти женщины. Руки так сами и тянутся».
Бутусов: «Мы в любой заготовке обязаны увидеть деталь».

А Любка не от любви бежит, от конфликта, что скрыт в этих трёх. От спора, который они сделали вечным фоном всеобщих отношений. Любка бежит туда, где есть однозначное слово «люблю». Яблоки и розы по утрам, как конкретное подтверждение сказанного. А также фата и кольца, которые эти трое считают пошлятиной и пережитком.

Граф: «Человечность подразумевает развитие? Не так ли?».

17 апреля 1990 года.

В ночной, тихий альпклуб – весенний ветер с дымом прошлогодних листьев. Свежее касание вечности. Маленькая капелька. Вербы мои из серых мышинных шариков превращаются в жёлтые цветы. Растут, жадно зеленея, в банке. Верят днём солнцу, а сейчас свежему касанию вечности, что пахнет горько пеплом.

Смотреться, как в зеркало, в окно вагона. Нет, на нём не подтёки грязи, это – звёздная пыль сгоревших от внутреннего тепла дорожных звёзд, серебристая стружка уставших рельс. Сколько моих дорожных звёзд обливало эти стёкла, разбиваясь о них вдребезги: наглые – зелёные, предупреждающие – красные, привокзальные ожерелья подслеповатых фонарей, и та, самая маленькая и неяркая, у края горизонта.

В липкой усталости качается вагон. Призрак случайного города качается жёлтым цветком, становясь продолжением сна... Это – поезд, это – дорога. На одном конце – хорошо знакомые люди, на другом – сомнительная встреча. Она ли, эта маленькая, неяркая звезда у самого горизонта? Я не знаю. Мне это только снится.

Есть ещё самолёты. Хищные серебряные птицы. От них гудит воздух. Там есть черта и зелёный глаз, куда не пускают провожающих.

- Молодой человек, вы летите?
- Пропустите же, в самом деле.
- Не загромождайте дорогу.

Ещё там шампанское льют на серый асфальт. И почему-то снова праздник: с яблоками красными, шоколадом и красными цветами. Это – Любка уезжает. Навсегда. Со свадебным платьем в рюкзаке.

- Якутия далеко?
- Нет, если на самолёте.

Там она разложит хорошо знакомые мне вещи, поставит в воду цветы и достанет яблоки. Цветы завянуть не успеют – это самолёт.

- Флоридка, ты надолго здесь?
- Пока не переменится ветер.

Ветер... Ветер... Гуляющий над рельсами и взлётными полосами. Обливающий вагонные окна осколками моих дорожных звёзд вперемешку с копотью... Ветер, ветер...

Я люблю Флоридку. В ней есть крайность, но есть и яркий, густой цвет. В ней есть море, странные протяжные песни. То же ощущение дороги и жёлтых ночных цветов – случайных городов. Ветер, ветер... А, не послушать ли и мне его? Пока свободна, пока нигде и ничья?

19 апреля 1990. Сергею Евграфовичу, который всегда смотрит на часы.

Втиснуть весь этот поток в примитивные, узкие рамки, назвав таким знакомым и однозначным «влюблена?» Нет, не то здесь.

Здесь шире. Это мир идёт через меня, дробясь и отражаясь по частям. Какой огромный он, мир-то, какой неделимый, а мы пытаемся его – в привычные формулировки, придуманные кем-то формулы. Аксиомы? Их нет. Их тоже кто-то изобрёл.

Как трудно относиться к человеку, как к весне, как к звезде острой и первой, к солнцу. Как трудно не тянуть к нему просящие, жадные руки, а признавать его независимость и любить (проклятое слово) его независимость. Любить его осторожно и бережно, как первую траву, которую страшно топтать.

Господи, за что же мы так любим плоть? Жареную картошку и жирные кости? Жадно. Зачем, любя, есть без остатка? Высасывать, бить о край тарелки, выковыривать мозг из сердцевины вилок?

Мне не надо. Мне хорошо так. Всё просто (впрочем, как всегда): только движение, а для него – конфликт. И я его приму. И буду счастлива. Так что смотри на часы. «Всем обещан полёт, и сверкают огни полосы». Да, уже сверкают. А тепла, если надо возьми, возьми ещё и ещё. Ведь я – женщина, а это лучшее, что я могу для тебя.

28 апреля 1990.

Летайте самолётами Аэрофлота! Пользуйтесь услугами свердловского транспортного агентства! Решительнее решайте свои жизненные проблемки!

А ты лови свой кайф, читая странного Грина на подножке электрички, или ранним утром, когда туман, выползая из монастырского парка, где родился, сочится в окна пятого этажа.

Но живи не эмоцией. Но что же делать, если нет воли, и мозгов совсем достаточно? В кулак! Есть Алма-Ата и розы, и шары на вокзале, и самолёт в Дугобу в июне.

– Ты всё себе выдумала. В армии, знаешь, как чётко выдумывают?

Это Граф. Он дарит мне дружеское тепло. Это его имидж. Это он себе так придумал на сегодняшний вечер. Он завтра уезжает. Он должен уехать добрым.

– Ты всё себе выдумала

– Да, ну а что? Разве все наши поступки не то, что мы себе сами выдумываем?

6 мая 1990. Копейск. Проверка наличности.

Май. Как страшно и удивительно жить. В прозрачной синеве ночи – белые привидения цветущих абрикосов, которые никогда здесь не вызревают. Мне противны три дороги этой жизни: ВУЗ, работа, училище. Но я никуда не денусь. Ведь мне никогда не войти наяву в молочно-фиолетовый зал кристалла флюорита и не вмесить полностью гармонии прозрачного кварца. Страх перед гармонией, стремление во чтобы то ни стало расшифровать те волны тепла, что медленно, но непрерывно движутся внутри меня.

Но есть безотчётный сейсмограф: я чувствую своё по теплу и цвету. Я знаю мир молчаливый и тихий, знаю его не умом...

Я началась не от пыльной ржавчины оград балкона, не от жести крыш, изъеденной дождём, не от усталых, в невидимых трещинах, стёкол. И этот город – не мой дом, хоть хитро и цепко въелся в память, каждым запахом и каждой невнятной тенью. Я не от этой, неумелой, не осознавшей себя любви, нераскрывшейся сути.

Зачем вы дрожите во мне, зачем стучитесь – истёртые подъездные ступени и пыльный луч луны, заплутавший между рам никогда не мытого стекла? Там я была, там я жила и болела, ещё не осознав, ещё не обретя власть. Как хорошо я знаю мучения, происходящие от избытка собственного тепла...

Когда от тоскливого отражения луны в луже, вдруг вспыхнет всё внутри, а выхода нет, и бьёшься как бабочка между двойной рамой... Я слишком хорошо тебя знаю, городишко, прикидывающийся моим домом.

Но есть мой цвет. Коричневые волны уральских волн до горизонта. И зелёная вода весны с хвоей и берёзой. Зелень прокрадывается в глаза, а в кровь румянцем. Я загораюсь, как странная свеча, от этого полосатого, ещё и тёплого, и холодного одновременно ветра, я нежусь у костра под дождём. И вдруг осознаю гармонию этих двух, казалось бы, разных вещей, и я счастлива здесь, на самом их стыке, на «лезвие бритвы». Я свободна... Я не хочу плена, я достойна не плена...

9 мая 1990.

Здесь я хочу одного: полупустого дома, окружённого наглухо весенним разливом или погребённого намертво в снегах. Чтобы дверь была завалена сугробом, чтобы оборвались все провода, сломались к чертям все часы. Чтобы стихия неумолимой рукой заставила быть вместе три дня. И чтобы где-то нашёлся огарок свечи. Страсть моя, нежность моя, душа моя – они бы проросли там.

А здесь я задыхаюсь во лжи, замешанной на жалости, слезах горечи, а больше всего – безволии. Как глупо всё, как глупо. Глупо так, что даже не больно.

- Ты только не вини меня, – говорит Вадик Ложкин.
- Да нет.
- И себя не вини.

Я не виню. Один по слабости не может отказаться, другая – отказать.

А сильные – не здесь. Так, пожалуй, и найдём мы своё счастье в разных плоскостях. Одни – не противясь природе и событиям, веря, что жизнь – это, скорее, «майский луг, где гуляют женщины и кони», радуясь без осмысления теплу и цветам этого луга и искренне считая, что именно здесь есть что-то «вечное, так похожее на смысл». Другие – в вечном противлении, в достижении цели, ради которой безжалостно преобразуют всех этих женщин, коней и луга.

Так зачем же я хочу нарушить грань плоскостей, испуганно повторяя: «Ты же сильный, ты же умный, пойми меня и о, боже, сколько тепла и радости прорастет. Хоть ненадолго. На маленькое пусть, но искреннее время».

28 мая 1990. Контрольная запись.

- Наталья Санна, они же вам весь пол разобьют, ведь каблучки теперь тонкие, с железными набойками.
- Что ж, в сентябре приду и покрашу.

Здесь всё та же напряжённая жизнь. Мероприятия. Слова, при звуке которых мне становится тоскливо. У них – мероприятия, у меня – удивительный вечер с девочкой Викой, сейшн в её честь свердловских поэтов и самолёт в Фергану.

– Где ты работала эти четыре месяца? Как нигде? А на какие деньги жила?

– В общежитии это несложно.

– Как несложно?

– Ну, молодая она, Ольга Николаевна, ну, ошиблась, а потом страшно было...

– Родители знают?

– А зачем?

Вика вчера сказала: «Дай сигаретку». Я не удивилась. Потом она сказала: «У Блока есть о трёх стадиях гармонии». Я не удивилась. Потом она читала свои стихи – это были мои мысли и моё восприятие. Я не удивилась.

– Они все получают документы, расходятся по домам, наводят маршфет, потом собираются.

– А папашки и мамашки дежурят на входах и окнах.

Это в директорской рождается стратегический план выпускного вечера. Я в приёмной ожидаю завуча Ольгу Николаевну, в сумке у меня приказ об увольнении, которое, собственно, уже давным-давно произошло, но не официально, а по моему собственному желанию. Последние спокойные минуты, дальше вечер играет на октаву выше, чем обычная жизнь. Солнце, то появляясь, то пропадая, делало чёрте-что и не покидало меня. Закат, раздуваемый ветром, звучал той же лихорадочно высокой нотой, что и всё моё существо, и, если верить предчувствию, это была дорога к счастью, а, может, и само счастье.

Вика читала свои стихи, сидя на полу, у круглого стола прошлого века, в комнате, которая представляла собой что-то среднее между авангардистской выставкой и рабочим кабинетом Зинаиды Гавриловой. С картины на стене смотрело удивительное животное с длинной шеей и огромными глазами, оно охраняло мужчину и женщину, которые лежали, обнявшись в зелёной траве. Я время от времени выглядывала в окно, проверяя: там ли остаток жёлтого дня, там ли бездарные серые коробки домов – убогий мир спального района.

Потом закат в общежитии архитектурного, в Вовкиной комнате. Грустно. Надпись на стене заклеена, и Жанка унесла с собой полудетское тепло, капризы и игрушки. А ветер раздувает, раздувает, раздувает закат. «У меня красивые закаты», – говорит Вовка, раньше он говорил: «У нас красивые закаты», а Жанка: «Мне нравится Вовкино окно».

Потом восход прыгал за окном такси. Мы ехали в аэропорт. Мы – это Сергей Евграфович, я, Лёнька, Маринка и измоденовская Татьяна. Станный какой-то состав. «Зелёная рыба медленного майского солнца» лихорадочно горела за чёрными прямоугольниками новостроек алым. Даже не восход, а предчувствие его. А под зелёным глазом табло, у черты, куда не пускают провожающих, мне было не холодно, не тепло, а слишком жарко. «И кусочек моей Европы у пропеллера в белом блюде».

- Мальчик в спортивном (это мне), пройдите ещё раз.
- Ленка, положи палки, – Татьянин смех.

Я плохо попрощалась. Но я не могла лучше... Самолёт поднимался прямо в восход. В воспалённой голове всё путалось: красные полосы, огонь выше горизонта, земля где-то сбоку и лёгкий дым над ней.

(Продолжение в Журнале «Российский колокол» выпуск 7-8, 2016 года)

Литература молодых

Российский
КОЛОКОЛ

Викса Бездомная

Викса Бездомная (настоящее имя Виктория Ильчук), поэт, пишет в стиле современного реализма и философской лирики. Родилась 26 декабря 1983 года в Хабаровске в семье военного моряка Виктора Ильчука и хабаровской поэтессы Марины Савченко. Училась в музыкально-педагогическом колледже в г. Иркутске (2001-2003). С ранней юности посещала различные литобъединения при писательских ор-

ганизациях Хабаровска и Иркутска, была знакома с писателем Валентином Распутиным. Литературой увлекалась всю сознательную жизнь, пробовала писать прозу. Окончательный выбор в пользу поэзии произошел в 2001 году после выхода первой поэтической самиздатовой книги «Осенняя почта». Печаталась в сборнике молодых поэтов «Я в Хабаровске живу». В 2013 году увидела свет вторая книга В. Бездомной «Моя Муза умеет курить». Много путешествовала по России и СНГ. В 2016 году стала участником Первого Всероссийского Литературного Фестиваля фестивалей «ЛиФФт» в Крыму. (Алушта). С 2016 года живет и работает в Москве.

Весна и Вавилон

Противоречия, как солнечные дни,
Опутали меня трансцендентально.
Мне в душу смотрит светлый визави,
Я рада отдаваться визуально.
Кислотный день торопится на слом,
Спеша отдать лучи глазам и людям.
Вокруг двоих – Весна и Вавилон.
Так было вечно и так будет...

Портрет писателя

посвящается Игорю Волкову

Обои выцвели и залиты портвейном,
Портрет писателя напоминает хлам.
Мы разделили душу пополам.
Мы сблизились духовно и идейно.

Весна пропахла сотнями стихов,
Прерывистым звучаньем барабана,
На полке одупляется нирвана...
Весна пропахла тысячей котлов.

О, Мирозданье! Как ты экспрессивно! -
Воскликнул бы Эрнест Хэмингуэй.
...А юноша прижался носом к Ней,
К той самой, что как Сцилла и Харибда...

Два дурака, один умней другого,
Торопятся друг другу показать,
Как может время солью застывать,
И что стакан наполовину полон...

Портрет писателя смотрел, как они пьют.
Вокруг сияли странные потоки.
Глаза людей и странны, и глубоки...
Портрет писателя смотрел, как они пьют...

Московское рэгги

Тянутся ввысь молодые побеги,
Дарит Вселенная новый рассвет.
Солнцем сияет московское рэгги,
Духи апреля рифмуют сонет.

Как совладать нам с короной сонетов?
Как удержать этот мир навсегда?
Руки и плечи бездомных поэтов
Знают про то, что подарит Весна.

Люди, поэты, любовь, мирозданье-
Вместе рисуют весенний портрет.
Рэгги, поэзия – да, идеально!
Люди апреля римфуют сонет.

Пригласи меня на Байконур - на свидание

На Байконуре запускают ракеты в Космос,
И диктор в телевизоре такой красивый-
Волосы с проседью.
На ТВ вообще все интересно,
Если смотреть только его...
А у меня колготки последние – рваные
И помада красная кончается.
Я ваши ракеты продала бы в Америку...
Только разве ж купят! И еще у меня!
У них «Шатлы» белоснежные,
А у нас – культ Королёва-академика...
Вот и живут вместе – ракеты с помадами,
колготки с академиком

умершим...

За окном жизнь: магазины,
Молодые люди ходят туда-сюда.
Я молодая тоже! Возьмите меня с собой
Нажать на «пуск», ну, или хотя бы посмотреть
Как другие это делают!
Если ты красивый (пусть и не диктор телевидения),
Пригласи меня в Казахстан в мае...
Там, говорят, тюльпанов целые поля (если честно, я их видела!)
Пригласи меня, молодую и красивую
На.... Байконур,
Если тебя не пугает то, что я фанат телевидения.

Под столом из прошлой жизни, где живут хиппи

Я сижу на флэту под столом, громоздятся бутылки на нем.
Я боюсь вылезать и сижу
Под столом

У меня перед фэйсом нога, шевелится, пинает слегка
Меня в фэйс, говорит: «Вылезай!»
Ни фига...

Я сижу на измене как тать, мне на все наплевать, как пить дать.
Мне на голову сыплют бычки.
И н...ть!

Жаль, что ты сейчас не со мной, жаль, что ты сейчас не со мной!...

У края Мира

Мы сидели здесь, у края Мира,
Ели дрянь, о чем-то рассуждали...
Жил залив, как мученик, – красиво
И на Остров волны нападали.

Ты сказал: «Смотри, за горизонтом,
Я увидел линии материй,

Там, где от Вселенной край оторван,
Мы с тобой всегда туда хотели!»

И пошел по морю, словно Будда-
Тебе спины подставляли льдины...
Не вернулся ты потом Оттуда -
Больше мы с тобой не говорили...

2007 г.

О том, что скоро будут перемены...

Настал четвертый месяц наших встреч.
Как дети, кличут чайки истерично.
И рифмы на изломе дали течь,
Всё в сумме аккуратно и циклично.

Грядет четвертый месяц наших душ.
С тобой мы пьем стаканы аллегорий.
Ломай стереотипы, но не рушь,
Рисунки непридуманных историй.

Прочерчен четкий ритм, и задан тон,
Весь цикл повторился неизменно.
Мы тьма и свет, мы видим странный сон
О том, что скоро будут перемены.

Жизни обрывки

Жизни обрывки... умные книги...
«Рифмов» почти полкило.
А в телефоне – номер барыги
И больше нет никого.

Есть лишь рассвет восходящего срама,
Фотка Есенина, где он бухой,

Кот говорящий, стойка бара...
Как задолбало быть только собой!!!
Цепи сорвать бы – нет инструментов,
Есть лишь тупой интерес.
Что будет, если умрет от абсента
Лучшая из поэтесс?

Игры с мирозданием

В причудливые формы облеку
Потоки миражей из подсознания.
В себя приду, потом опять сбегу,
Заигрывая с мирозданием.

Гранёный день, как острие копья,
Впивается мне в сердце, отравляя...
Я в зеркале не узнаю себя -
Мной нечто, как машиной, управляет.

Богиней быть простое ремесло,
С ума сойти, сорваться камнем в бездну.
И всё равно, какое там число...
И вместо миражей уже протезы...

В причудливые формы облеку
Потоки рифм, свою смешную правду.
В себя приду, потом опять сбегу:
Иль смерть принять, иль почивать на лаврах.

Богу

Пропиши рецепт от тишины,
А то я, боюсь, быстрее устану
Находиться на краю страны
В этой серой мгле, на дне на самом.

В грязных штанах...

В грязных штанах, разрисованных мелом,
С жутким узлом на манер рюкзака,
Вышла в июль и уехать хотела,
Но набухалась в дороге слегка.

Лету приходится вновь задержаться,
Ждать и гадать, когда кончится хмель.
Я не решаюсь, как дура, признаться
В чем-то тебе и бухаю, как зверь.

Снова дрожат мои пыльные руки,
Стало лишь хуже теперь, с бодуна.
На объездных помираю со скуки,
Я помираю во все времена.

О, мама – Джа! Ах, какое мученье
Что-то стремительно в жизни решать:
Чем похмелиться – портвейном, глинтвейном?
Пой, музыкант! А я буду аскасть!

В принципе – вот они все вариации
Жизни июльской... (задергалась бровь).
Я не решаюсь, как дура, признаться
В чем-то тебе – может, это любовь?

Вызовы грядущему

....И в восхищении от себя
Бросаю вызовы грядущему-
Во мне себя убить нельзя,
Я отражение всего сущего!

Какая сладкая борьба
Мне предстоит с проклятым пламенем;
Сгорит мой взгляд, но я сама
Продолжусь вместо Северянина...

На бочке с пивом

На бочке с пивом, с лирой за плечами,
Лечу туда, где вновь меня не ждут,
Меня по сути никуда не звали,
Я составляю собственный маршрут

Не слышите? Не надо и не стоит
Смотреть мне вслед или в плечо стрелять,
Мне наплевать на ваши «ГЕМОРРОИ»,
А вам на мою лиру наплевать

На бочке с пивом, с лирой за плечами
Я к вам лечу, я вам СЕБЯ ДА-РЮ!!!
И пусть не ждут, и пусть нигде не звали,
Я каждого из вас благодарю)))

Я остаюсь не здесь

Крепкая терпкость душ,
Жизни моей оплот,
Я остаюсь не здесь,
Я закрываю рот.

Буду молчать как соль,
Буду в глаза смотреть,
Превозмогая боль,
Терпкость души терпеть.

2012 г.

Из книги «Осенняя почта»
(2001 год)

Чтобы писать – а что?
Нужен хлеб, намазанный дегтем,
Картины, море, вино, Марина...
Чтобы писать про характер скверный-
Испанский или французский?..
Чтобы читать Ар – Арта
Нужно быть пьяным,
Салат из верлибров.
Взывают люди из чугуна,
Мешая шампанское ложкой столовой.
«Heu, word!» – трое в брошюре.
Но не умеют читать негидальцы...

*После прочтения сборника верлибров 3-х авторов
(М. Савченко, Арт. Иванова, Г. Ключ «Человек взывающий»
Хабаровск, 2001 г.)*

Другу

Ты утешал меня в печали,
Взамен лишь требуя улыбку.
Слова твои оберегали
От следующей меня ошибки.

Ты молча вынес все капризы
За эти годы нашей дружбы.
Она летит голубкой сизой,
Неся исправно свою службу.

Вечернее

Наступивший вечер сер,
Как безумный день.
Столько разных сразу дел,
Снова – «не у дел».

Я сажусь стихи писать
В кухне у окна.
И в него, как благодать,
Льет свой свет Луна.

Символ дум и тишины,
Мать моих стихов.
Ты и я – мы две луны,
Кухня – лунный кров.

Осенняя почта

Я встречу рассвет, век не смеживши ночью.
Ко мне не придет долгожданный мой сон.
И ветер забросит осеннюю «почту»
На мой заснеженный январский балкон.

Пусть хрупкая весточка осени яркой
Рассыплется теплой, коснувшись руки,
Листок этот жухлый мне будет подарком
Деревьев, с которыми мы – земляки....

Моим стихам, написанным так рано
Марина Цветаева

Мои стихи – не те, что у Марины,
Никто их не читает, не поет!
Но и моим, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.
В святилище никто их не допустит-
Они безбожны так же, как и я.
Мои стихи – моё вы захоlustье!
Печаль моя, тоска, любовь моя...

Под снежным покрывалом

Русь засыпает постепенно,
Укрывшись снежным покрывалом,
Тем долгим белым сном невинным,
Которого давно не знала.

И вот, укутавшись в сугробах,
Походит на кино немое,
И, словно как на кинопробах,
Мы все присутствуем, не скрою...

Светло от снега ночью поздней,
Как будто мир помолодел,
Как будто бы забыл все козни,

Что человеческий удел
Творил десятки лет, веками,
Но выпал снег, покой настал.
Как отвалил от сердца камень.
Усни наш мир, ты так устал.

По первому снегу пройду в тишине,
Вдохну его запах морозный.
И мысль ни одна не придет на ум мне,
Я буду спокойной, не броской.

Забуду тотчас все печали свои,
Идя среди сумерек белых.
Мне снег лучший вечер свой подарил-
Он тихий, пушистый, несмелый...

Настанет то время, когда
Глаза раньше солнца открою,
Уйду от всего навсегда
И собственный дом я построю.
Построю его из стихов,
Из лунного света и рифмы.
Получится крепок мой кров-
Судьбы успокоятся ритмы.

2001 г.

Простое ремесло

В причудливые формы облеку
Потоки миражей из подсознания.
В себя приду, потом опять сбегу
Играть и материться с мирозданием.

Гранёный день, как острие копья,
Впивается мне в сердце, отравляя...
Я в зеркале не узнаю себя-
Мной бахУс, как машиной управляет

Богиней быть – простое ремесло,
С ума сойти, сорваться камнем в бездну,
И всё равно, какое там число...
И вместо миражей уже протезы...

В причудливые формы облеку
потоки рифм, свою смешную правду,
В себя приду, потом опять сбегу.

Сбивчивый рассказ

Стихи. Попойка. Утро. Ночь-
С пути сбивается сансара.
Никто не хочет мне помочь,
Я «мясо-мясо» – вам не пара!
Заткните уши: я скажу вам всё
Площадным быдло-матом
О том, что больше не спешу
Постичь все мифы и догматы.

Живу как есть (а я живу?!)
Ну, да...живу- похмелье серо...

ПРИДИ КО МНЕ В МОЮ ТЮРЬМУ,
Мой рыцарь, друг и кабальеро!

У адовых ворот

Мне серой пылью залепило рот,
И общество диктует мне заткнуться,
А я стою у адовых ворот
И не могу до рая дотянуться.

Мне долететь бы вновь на край земли,
Где рок поют и ценят «самоходность»,
...Приедет друг и вынет из «петли»,
Петли, которой имя – безысходность.

Полина Коршукая

Родилась в 1986 году в Томске. Окончила Литературный институт им. Горького. Живет в Москве.

Серьезно заниматься литературой начала в четырнадцать лет: писала стихи, короткую прозу, в основном – сказки. Своими учителями в литературе считает А.И. Казанцева и Ю.П. Кузнецова. Первая публикация состоялась в литературно-художественном альманахе «Сибирские Афины» в 2000 году. В 2010 году вошла в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Малая проза» с циклом рассказов «Самокрутки».

Среда

Понимаешь, что ведешь себя неумно, неподобаючи,
Не так как надо, вечно не по-людски.
Хочешь кусаться мухой, приплясывать бабочкой,
А не сидеть на балконе и выть с тоски.
А не сидеть на месте, спрятав костлявую задницу,
Соревнуясь с собою в умении метать бычки,
Тихо, сама с собою играя в бомжа, недоумка, пьяницу.
По вторникам я ребенок и ем «рачки»,
По пятницам я скотина и питаюсь семерками,
Заплывают глаза, начинает расти борода.
Сегодня среда, я несу себя в сарафане с оборками,
К тебе на свидание, и бесится низ живота.

Море

Ты обещал показать мне море, то самое, с картинки из интернета.
Но теперь-то я знаю, что ты все выдумал, и моря взаправду нету.
Нигде не кружат чайки, не тырят еду еноты,
А хиппи никогда не умели играть по нотам.

Ты говорил, что мы уедем с тобой во Францию, обязательно автостопом.
Какие смешные фантазии взбираются в голову и скачут по ней галопом.
Все страны и звезды – плод нездоровых мыслей.
Пора избавляться от них, желательно – быстро.

Ты предлагал мне обриться налысо, говорил, у меня клевая черепушка.
И в Новой Гвинее там, или в Австралии, мы не вмажемся в заварушку.
Но нет никаких папуасов, и кости в носу – не модно.
А что касается каннибалов – я сама такая, если голодная.

Ты говорил... Ты вообще любил разговаривать, а я никогда не любила.
Я стояла к тебе спиной, зачем-то всему верила и молча посуду мыла.
И пузырьки на вилке вправду существовали.
Хоть и не знали о том. Я им не рассказала.

Привет, я сегодня пьяная,
Прости, что опять бужу.
Да нет, я, ей-богу, нечаянно,
Ты слушай, что я скажу.
Слушай, я так соскучилась,
Знаешь, мне нелегко.
Небо чего-то стучилось,
Небо стучит в стекло.

Ах, да какая разница!
К черту все пояса.
С неба чего-то валится,
Валится, валится...
Ну вот, ты опять не слушаешь.
А я так хочу сказать...
Поэт один врал – я лучшая.
Как было не соврать?

А небо ничком на улицах
Жметя к асфальту лбом.
Поэт говорил: «Ты умница!
Подаришь мне свой альбом?»
А я отвечала: «Может быть...»
Так ты еще здесь? Алло!
Тоскливо сегодня, что впору выть,
Как воеет в окне стекло.

Как небо за ним клокочется!
А впрочем, я не о том.
Мне рассказать тебе хочется,
Как крутит внутри винтом.
Как бьются по кругу коники
Из детской шкатулки. Смотри!
Доктор в перчатках тоненьких
Достает что-то изнутри.

Достает и бросает в мусорку.
А я под наркозом фраз.
Жму я в ручонках куколку,
Думаю не про вас.
Думаю: звезды скучились
В злой винтовой резьбе.
Как я по тебе соскучилась.
Как скучаю не по тебе.

Чертово колесо

1

Суженый-ряженный, раньше в голос тебя звала...
Но вот, тяжелы от золота пляшут колокола.
И гости танцуют-кружат, в усмешке кривя лицо.
Огнями цветет поодаль чертово колесо.

Увидела – обомлела, не чую ни ног, ни рук,
До чертиков захотелось проехать хотя бы круг.
Постыло враз все на свете – жених и отцовский дом,
И курник, и крики «Горько!» за пиршественным столом.

2

Ох, милая мама, как манит-то, манит!
Кружочек хоть, самый малюсенький, мама!
Мать с тоскою молчит и не кажет глаз:
Теперь мужу решать, теперь муж – указ.

Под холодной фатой голова в огне.
На вопрос мой супруг отвечает мне:
«Не закрутит? Смотри, один круг всего».
Ой, меня да закрутит? Уж кого-кого...

3

Как примчалась – не знаю, не помню, как села,
Помню жар и озноб, как тряслась, горела,
Один круг? Не смей! Прошел день, неделя...
С колесом уже стала единым целым.

Это он меня вертит – или я его?
Не пойму, не пойму ничего, ничего...
Я считала спицы – их трижды шесть.
Может, Бог помог – умудрилась слезть.

4

Дома мужу в глаза и смотреть нет сил,
Не сказала с полслова, как ни просил.
Всё мне фрукты, десерты, вино совал–
Мне любая клубника на вкус – трава.
–Значит, снова пойдешь?
Уронила: «Да».
–А воротисься скоро?
–Уже никогда...

Возвращалась лишь с тем, чтобы вновь уйти...
Я жена – не жена, а вода в горсти...

5

Колесо, колесо, служка чертовый!
Я с тобой, колесо, сердцем чокнулась.
А тебе все равно – что я есть, что нет,
Будешь дальше вертеться, не взвидя свет.

Так и будешь махать в небо лапами,
Горевать да гореть всеми лампами,
Уж и радо бы встать – да не велено.
Глянь, толпа-то сегодня – эвана...

Женщина с шаром

Перебирая транскрипции и предлоги,
Тут же парируя с жаром,
Сидит и смотрит себе под ноги
Женщина с шаром.

Раньше она все игралась в кубики,
Рубики, домики, а так же те,

Что составляли другую рубрику –
Плоскость на животе.

Эти рельефы знали не меньше
Паломников, чем Кавказ.
Но время текло, заполняя бреши,
Решив за нас.

Девочка с персиком, звонкая ваза,
Сплетение тонких рук, -
Косточку бросив, с шара слезает.
Встает на круг.

Змеи воздушные, хлопкие шарики,
Мыльные пузырьки...
Длинный подросток ловит комарика,
Кормит с руки.

И застывает на полдороги,
Вперившись в потолок.
Женщина с шаром смотрит под ноги,
Не видя ног.

Где лес – что кладезь, а топи – зыбки,
И вместо музыки – волчий вой, –
В избенке черной качалась зыбка,
Младенец плакался, сам не свой.

«Усни, мой птенчик, мышонок, рыбка,
Твой сон колышется над водой,
Его поймает волчонок пряткий,
Утащит в озеро линь седой

И в тину спрячет, замкнет скорлупкой,
Покроет ряскою голубой...
Твой сон прозрачный, лазурный, хрупкий,
Усни же, дитяtko, Бог с тобой».

Кончалась песня – одна, другая...
Волчонок в озере сны ловил.
Качалась зыбка. Суча ногами,
Сучонок плакал уже, что выл.

И стены плыли перед глазами,
На глади водной росли круги,
И мама тихо просилась к маме,
Шепча, мол, бо-жень-ка-по-мо-ги...

И слышал Боженька, да без толку,
В такие топи нейдут сыны...
...Уткнувшись в лапы, дремали волки
И воровато смотрели сны.

Журавлик

Спит душа, в оригами сложена,
Жду тебя, не коснувшись ужина,
Я измаялась, видит Боже, но
Не сочла еще ночь до дюжины.

Не прочла еще слов до тысячи,
Тех, что разом решила, – выплуну,
На подачки твои и выручки
Я катала, катала во рту слюну.

Я искала, искала внутри змею,
Я гремела хвостом по паркетным швам,

Сколько плакала, но, посмотри, смеюсь!
Лужи слез по простуженным рукавам...

Еще долго душе спать бумажным сном
И по кухне журавликом белым плыть,
Но однажды – знай: растворив окно,
Угадаешь лишь жалостное «курлыть»...

Я заплачу тихонько, как птица.
Если только пичуги плачут...
Вслед за мною бредет вереница
Седых, нищих, истерзанных строк.

Оглянусь,
на колени паду,
я хочу извиниться,
Что веду
непонятно
куда,
Хотя сам
непомерно
убог...

Смотрят строго,
молчат
и все дальше идут.
Верно, знают
зачем.
Это значит,
Что это они меня,
как арестанта,
ведут
Под конвоем –
на Божий
порог.

А над нами летят белокрылые птицы,
От их слез на траве выпадает роса.

...А у Бога глаза – как у раненой кобылицы.
Такие – глаза.

Я по наследству беременна болью.
Чувствую, как зреет, растет, молотит
По вискам молоточками ножек,
Маленькими кулачками колотит
По венам, по векам, по коже...
Выстукивает свои ритмы,
Танцует под странные тамтамы,
И давно не зовет меня мамой,
А зовет своей младшей сестрой.
И меня танцевать заставляет,
Биться головой о мембрану неба,
И плевать на мою усталость,
И слова– типа «я не хотела...»

Вот это я и зову стихами.

Я себя ощущаю ветошью,
Увечной, немой, немощной.
Мой анфас не спасти ретушью
И мой дух не поднять всенощной.

Не поднять мой доход нищенский,
И к рукам не прибрать – нечего.
Со вчерашних стихов вишенку
Сковырну, чтоб продать вечером.

Чтоб с утра закупить вешенок,
Погашая в душе бешенство.
Я сижу (Холодна. Взвешена).
Ненавижу свое беженство.

Возвращение

Я пройду через жизнь,
Я со смертью в войну наиграюсь,
Нагляжусь в темноту,
И в небесном свету накупаюсь,
Намотаю на палец
Года и седеющий волос,
Допую свою песню,
И треснет, сломается голос.
Исхожу все пути,
Ноги будут белы от мозолей,
И неволю пройду,
Недовольна оставшись неволей.
Я на небо летаю –
Живет там старик седобород...
Я под землю сойду.

А потом я вернусь в этот город.

Присяду на корточки
Посреди ветхой выцветшей улочки.
И город простит.
«Ты где ж так намаялась, дурочка?..»
Словно матери,
Положу ему на колени голову,
Он погладит,
Добрую вспомнит историю...

И я усну.

Романс

Когда Вы вернетесь, моя дорогая,
Я знаю, пожалуй, что Вам показать.
Молчание аллеи и профиль трамвая,
В тревожных раздумьях застывший опять.
Глядят беспокойно блестящие фары,
Бросая вперед свой пронзительный луч,
Туда, где две псины затеяли свару –
Все кончится может неблагополуч...
Но! Если бы Вы оказались вдруг рядом,
В сиянии двух беспощадных огней,
Под Вашим прекрасным рассерженным взглядом
Настал бы конец даже лютой войне.
Ах, я не об этом, я, право, все знаю.
От этого, правда, больнее.
Вдвойне.

С широко закрытыми глазами

Сейчас ты будешь крепко спать, а я тебе спою,
Как в сказке дружат джокеры с тузами.
Не раскрывая ртов, смеются, стоя на краю,
С широко закрытыми глазами.

И сняв корону, королева – дама из бубей,
Вдруг станет просто бабой, не снежной, а живой.
И бывший бессердечным гордецом король червей
Займется с ней любовью, дав армии отбой.

Пусть будет в этом сне не так все и не то,
Пусть плавают в огне и любят не за что-то...
И станет тебе радостно, спокойно и светло,
Когда в нем каждый шаг сравнивается с полетом.

Но только бы теперь для этого уснуть.
Смотри, уже кукушка дремлет под часами.
Ты выспишься и снова свой продолжишь путь –
С широко закрытыми глазами.

Саломея

Что ты смотришь на меня, Ирод?
Видишь, здесь водоем вырыт.
Брошен в нем человек Божий.
Посмотри на него тоже!
Не коснись твоего ложа!
Лезет червь под твою кожу...
Что ты смотришь на меня, Ирод?
Пусть глаза твои палач вырвет!

Истуканом стоять не умея,
Танцевала для тебя Саломея!
Ты в постели бы с ней станцевал
Дикий танец семи покрывал...

Отчего ты так пьян, Ирод?
Смрадный чад над твоим пиром.
Высох весь человек Божий...
Дай ему пригубить тоже!
Он все знает, он все может...
Оттого тебя страх гложет.
Проглоти свой язык, Ирод!
Покажи-ка нутро миру!

От холодного взгляда немея,
Танцевала для тебя Саломея.
Ты смеялся, и смех застревал
В складках шелка семи покрывал...

Слышишь, крылья свистят, Ирод?
Этой ночью здесь все вымрет.
Как сказал человек Божий...

Так убей же его тоже!
Приготовь мне свои ножны!
Скоро птица крыла сложит...
Мне по нраву твои игры.
Посмотри на меня, Ирод!

С каждым взмахом руки сатанея,
Танцевала для тебя Саломея
Черный танец семи покрывал...
Ты молчал.

Все светится, блещет, пляшет,
Твой выход – сегодня соло.
Сезон мишуры и фальши.
Готова?

Играть! Наплевать на тяжесть
В ступнях от касанья пола.
Устала? Какая жалость!
Ни слова.

В ударе, на бис – на взводе,
Ладони и шея в мыле,
Запальчивый взмах на коде...
И взмыла.

Исчезла, и зал растерян,
На сцене лишь шепот пыли...
Плечами пожмут – и к двери.
Забыли.

Сказ про дурака

Брел дурак по улице.
Чем бы поживиться?

Хотел он встретить курицу,
Да словил жар-птицу.

Глянь, диво-то какое –
Сама дается в руки!
Лишен дурак покоя.
Вот дьявольские муки!

Чего с жар-птицей делать?
Куды ее девать?
Такую – не разделать,
На рынке не продать.

Друзьям покажешь – страшно:
На перья разорвут.
А то, кто знает, даже
И вовсе украдут.

Или сама жар-птица
Печалиться начнет:
- Пусти, дурак, напитокесь...
Фиють – и улизнет.

И перья, как кострища.
Того гляди, сожжет.
И глотка-голосище.
А ну, как заорет?

Давай дурак креститься
И пятиться назад:
- Уйди, дрянная птица!
Видать, уже не рад.

И припустил, волнуясь,
Чтоб не застала ночь.

А птица отряхнулась
И улетела прочь.

Жирафа

Я вытянула шею
И стала как жирафа –
Стройнее и длиннее,
И даже выше шкафа.

Я выше даже дома –
Хрущовки у дороги...
Ах, как это нескромно –
Иметь такие ноги.

Но что мне за морока?
Шагаю осторожно...
Пусть ног вульгарно много –
Жирафам это можно.

Вдруг, как по мановенью,
На полпути застыну,
Увидев в изумленье
Стоящего мужчину.

Я все ждала, он скажет:
«Бонжур!» – и подмигнет,
Или, быть может, даже
Копытце лобызнет.

А он застыл, как кадр,
Стоит, как истукан.
«Ох, йоперный театр!
Ну, прям подъемный кран!»

Качаясь грациозно,
Перешагну козла:
«Ах, стало вдруг так поздно,
Простите, мне пора».

И вмиг похорошею,
Другого встречу срочно:
Пусть не оценит шею –
На ноги клюнет точно.

Sanction-блюз

Слушай, чувак, а ты знаешь –
Все теперь запрещено.
Теперь под грибком не выпить,
Бычок не швырнуть в окно.
Европа сказала: «Пиплз!
Хау мач из зе фиш?»
Смеется, сука такая,
Теперь вместо фиша шиш.
Не ввозят моллюсков и ракообразных,
Вводят лишь санкции разнообразные.
Без их Тильзитера я обойдусь –
Лишь бы не было санкций на блюз.

У нас в Рыбхозьяйстве кипиш,
Звонят с отдаленных мест.
С не столь отдаленных тоже
Уже иногда звонят.
Все лапы сосут и стонут,
Никто ничего не ест.
Володя, они не хиппи,
Они тебя не извинят.
Не ввозят мясо рогатых скотов,
Что ж, у нас и своих запас.
В крайнем случае будем варить котов –
Лишь бы не было санкций на джаз.

Чувак, не пой эту песню
И рядом со мной не стой,
Не то попадешь в опалу,
Опала – это отстой.
В опале лежат коалы

И молча капусту жрут.
Ничто еще не пропало,
Капусту не отберут.
Не ввозят орехи и корнеплоды,
Об этом гудят пароходы.
Обойдемся рассадой, пиплз, держись –
Лишь бы не было санкций на жизнь.

Лишь бы не было санкций на жизнь.
Лишь бы не было санкций на жизнь.
Лишь бы не было санкций на жи.

Земной поклон

Стоишь на коленях и чувствуешь дощатый пол.
Он теплый и пахнет смолою, закапанной воском.
И ты прижимаешься носом к некрашеным доскам...
Как половик расстилается пестрый подол.

Ты вся замираешь... Не бьешься, не сходишь на крик,
Касаешься лбом – и становишься тонкой полоской.
Маленькой девочкой в ссадинах и коростах,
Споткнувшейся дома о вытертый половик.

Ответ дочке

Дочка однажды спросила: «Мама,
А все в мире знают, что ты поэт?»
И ждет ответа, глядит упрямо,
Боицца услышать «нет».

«Помнишь, – скажу ей, – мы взяли хлеба
И вышли на птичий незримый след?
Я тихо читала стихи про небо.
Голуби знают, что я – поэт.

А помнишь, как вместе гуляли с сестренкой,
И папа рыбок показывал вам?
Читала я в воду, чуть-чуть в сторонке,
Рыбы-то знают цену словам.

Бывает, поссоришься, аж до драки,
И долго еще кулаки дрожат!
Тогда я читаю чужой собаке,
Собаки поэтами дорожат.

Когда я устану, и нету времени
В чем бы то ни было разбираться,
Я сочиняю экспромты с деревьями –
Мастерами импровизации.

И когда замечаем, что вышло здорово,
Дерево радостно шелестит
Листьями, ветками, даже кроною,
Солнце в ветвях блестит.

Псы скалят зубы, рычат: «Уж я бы их!
Этих обидчиков – р-р-разорвал!»
Голуби грудь раздувают, гордые –
Поэт им стихи читал.

И только вода остается ровною,
А рыбы – всегда молчат...»

«Кажется, мама, что мир огромнее,
Чем я могу замечать.
Но куклы стихов никогда не слушали,
А куклы ведь тоже – мир?»

И куклы сидят, растопырив уши,
И двери своих квартир.

Публицистика

Российский
КОЛОКОЛ

Анатолий Ливри

Доктор наук, эллинист, исламолог, поэт, философ, автор пятнадцати книг, опубликованных в России и во Франции, бывший славист Сорбонны, ныне преподаватель русской литературы Университета Ниццы — *Sophia Antipolis*. Его философские работы получили признание немецкой «Ассоциации Фридрих Ницше» и неоднократно публиковались Гумбольдтским Университетом, а также берлинским издателем Ницше

«Walter de Gruyter». Открытия Анатолия Ливри — эллиниста признаны «Ассоциацией эллинистов Франции Guillaume Bude», и с 2003 года издаются её альманахом под редакцией нынешнего декана факультета эллинистики Сорбонны, профессора Алена Бийо. В России Анатолий Ливри получил две международные премии: «Серебряная литера» и «Эврика!» за монографию «Набоков ницшеанец» («Алетейя», Петербург, 2005), в 2010 опубликованную на французском языке парижским издательством «Herzmann» (готовится к публикации в Германии на немецком языке).

Одновременно в Петербурге издано продолжение «Набокова ницшеанца» — переписанная автором на русский язык собственная докторская диссертация по компаративистике «Физиология Сверхчеловека», защищённая в Университете Ниццы в 2011 году. Анатолий Ливри — корреспондент «Литературной газеты» в Швейцарии.

Его повесть «Глаза», написанная в 1999 году, получила в 2010 году литературную премию имени Марка Алданова, присуждаемую нью-йоркским «Новым Журналом». В 2012 году в московском издательстве «Культурная революция» опубликован роман Анатолия Ливри «Апостат». А в 2014 году в издательстве «Алетейя» вышел в свет сборник стихов «Сын гнева Господня».

В ноябре 2015 года Анатолий Ливри стал лауреатом международной российской премии «Пятая стихия» в номинации «За гражданское мужество». Анатолий Ливри удостоился этой чести в России за свою борьбу за традиционную семью в Европе, а также за свою борьбу против университетской коррупции Франции.

В Петербурге опубликован новый сборник стихов Анатолия Ливри «Омофгия» («Алетейя», 2016, 146 с.)

Лазурный Берег шахидов

Моя статья «Коронация извращений», изданная «Литературной газетой» 17-го марта 2016 г., заканчивается утверждением: «Мишель Фуко – крёстный отец нынешних террористов: и тех, кто заседает во французских правительствах, и тех, кто именем Корана отстреливает европейцев. Не будь таких «философов», Франция и вся нордическая Европа пестовали бы детей своего этноса, вместо того, чтобы открывать границы перед ордами чуждых рас.» <http://www.lgz.ru/article/-10-6545-17-03-2016/ktoukral-evgoru-1/> Что только мне не пришлось выдержать за это пророческое заявление, – вплоть до получения копий клеветнических воплей, одновременно направляемых в редакцию московского еженедельника. Анатолий Ливри осмелился быть неполиткорректным! Однако, в отличие от человеконенавистнической идеологии, жизнь правдива в своей жестокости, она не соблюдает инструкций современного «мягкого тоталитаризма». Ведь, если аналитик отказывается называть вещи своими именами, каждый его политический прогноз – ложь.

Июльский теракт в Ницце доказал, и в который раз, верность моих, пусть нелицеприятных публикаций. Да, ни французы, ни европейцы никогда не знали столь скорого, в рамках истории цивилизации, смешения со столь дальними этносами: даже «ужасные варвары», некогда разрушившие Рим, о которых повествуют летописи, принадлежали к соседним народам. А потому первое, чем они занялись на руинах было восстановление Римской империи с её законами, религией, государственной мифологией, только уже на германо-кельтской этнической основе. Однако нынешняя Европа, одурманенная догмами о так называемых «правах человека», гибнет из-за метисации, безудержно рекламируемой её лидерами, одновременно уничтожающими столь необходимые для выживания Запада деспотии кланов Хусейна, Каддафи, Асада. Более того, ввозя в Европу гигантские чуждые ей племена, её «толерантные» правители абсолютно безграмотны относительно и ислама в целом, и суннизма в частности (именно это религиозное течение представляет большинство новых оккупантов континента). Для правительства пятой республики, например, шахид из Ниццы, оказывается – «французский террорист». Ведь публично означить его происхождение оскорбительно для миллионов избирателей, сначала депортированных из Африки и Азии, затем наскоро наделённых европейскими паспортами. Единственное, что интересует власть предрержащих демократов – сохранение собственных привилегий. Ради

получения голосов они ужесточают геноцид собственных народов, одновременно узаконив во Франции и проповеди самых экстремистских форм магометанства, и пропаганду педерастии с трибадизмом как «норм» поведения: искусственно создаются «социальные группы», враждебные друг другу и абсолютно чуждые традиционному индоевропейскому обществу, следовательно, смертельные для него.

А потому, пока Запад не откажется от истерической «демократии», пока будущее нации каждого из государств Европы не станет мерилом добра и зла, до тех пор народы континента останутся беззащитны перед лавиной исламского террора. И лишь подвергнув суду демократических террористов своих правительств за их недавние преступления против человечества, население материка перестанет быть жертвой массовых убийств.

Микитка купчик и вечность

Скажут «гигнулся Безенчук».

А больше ничего не скажут...

Ильф и Петров

С перестройкой многое старо-, а пуще псевдорусское нахлынуло в Россию с Запада. Тащили тогда на историческую Родину из эмиграции и портреты давно умерших родственников с эполетами, отвислыми щеками и облупившейся краской. И было как-то неудобно подойти к наивно восхищённой московской толпе и заявить: «А ведь сей пехотный прапорщик, служивший затем до самой смерти привратником в парижском доме терпимости, — был большим мерзавцем». Да и не послушает публика! Столь непреодолимо её подобострастие перед образом всякого неизвестного армейского чиновника последнего класса. И только верх сатирической непочтительности позволяет представить: а что, если кто-нибудь возьмёт, да отнимет у толпы портрет!?

Недавно усопший француз Никита Струве — которому уже строчат приторные посмертные хвалы — имел такое же отношение к русскому Слову, как питерский бандит в спортивных брюках, малиновом пиджаке и с золотым крестом в полфунта, прилетевший в середине 90-х позагорать на Лазурный Берег. Тот тоже умел креститься и потрепаться об Иисусе, тоже владел русским, а главное, за ним тоже стоял мафиозный клан отморозков, проституток и коррупционеров. Идеальная копия Струве!

— разве что российский рэкетир мог похвастаться ещё и личной смелостью. Никита же Струве просто заполучил по наследству участок филологических владений, где выстроил лавку, умело приспособив её для высасывания дотаций как Французской республики, так американских хозяев побогаче, а в конце карьеры — и Российской Федерации. И те, кто нынче льстит его гробу — не более, чем члены преступного синдиката, жаждущие урвать шмат владений распадающейся группировки, прикрывающиеся христианским крестом, коему позавидует любой пахан из Катании. На самом же деле успешный бизнес-план купчика Струве не стоил бы даже моей эпитафии, если бы он не воспроизводил идеально схему устремлений послевоенной русской эмиграции: делать деньги на всём, особо протитуруя русское Слово, при этом беспринципно огородившись иконами. И в каждый период своего существования Никита Струве неизменно оставался шарлатаном, госслужащим, гонителем диссидентов, водящим дружбу со всеми власти предрежащими.

Для примера возьмём лишь один этап жизни Струве, о котором отчего-то никто не осмеливается сказать истины — когда, питаемый миллионами заокеанского монстра русофобии, купчик Струве принялся публиковать книжки Солженицына. Сейчас результат этой деятельности виден ясно: вовсе не войну с марксизмом профинансировало тогда ЦРУ парижским изданием Архипелага, но (местами удавшийся) геноцид славян Евразии! Именно этот гешефт преступлений против человечества и сделал Струве преуспевающим сутенёром русского Слова, как нашумевшее душегубство становится карьерным трамплином для убийцы в табели о рангах воровской гильдии. А не отвали тогда парижское посольство США солидный куш этому функционеру левацкого университета Нантера, — никогда бы Струве не осмелился даже приблизиться на пушечный выстрел к Солженицыну! Как не решался Струве потом размещать в витрине русские книги французских диссидентов — борцов за традиционную семью, ... о чём, конечно, предпочитал замалчивать во время своих коммивояжёрств по России. Как изгонял Струве из своей лавки защитников христианства во Франции, анализировавших ещё в начале века предпосылки исламского террора на Западе, — посему Струве является *de facto* молчаливым пособником недавних массовых убийств в Париже. Как запрещал карьерист Струве на своей кафедре и в лавке научные открытия, неугодные профсоюзным неучам от французской славистики, от которых сначала зависел его профессорский чин, а затем приглашения на книжные распродажи, — ни слова, например, о моём «Набокове — антидемократе», за которого не только из США не

заполучить денег, но можно и понести прямые убытки. А уж их купчик Струве умел подсчитывать почище чеховского Бронзы! Так случайно американские доллары превратили в подлинного Прометея нашего профессора-лавочника. А уж если бы русский писатель Солженицын вдруг оказался ещё и конкурентом Никитки Струве в академическом литературоведении, — наш купчишка не только бы его не опубликовал, но вдобавок ещё и побежал в полицию с ябедой на «опасного русского уголовника, известного всем уважаемым коллегам»: групповое истерическое стукачество на конкурентов — привычная практика среди французских славистов. Более того, обыкновенно, «борцы со сталинизмом» во Франции — профессиональные доносчики, строчащие кляузы прокурору столь же инстинктивно, как павловская сука выделяла слюну.

Так что же останется от героического подпольщика Никиты Струве через десяток лет, когда истина об этом французском чинуше, одновременно наживавшемся на книготорговле с идеологическими провокациями, станет привычной сначала в академических, а после и в широких медийных кругах? Ведь невозможно бесконечно скрывать правду за железным занавесом любого мафиозного клана, тем паче после смерти, когда университетский функционер теряет свою вредоносность! А уж это не должно быть секретом для храбрых поборников демократии!

Базель. Швейцария.

Интервью

Российский
КОЛОКОЛ

Елена Васильева

*Анатолий Изотов:
«По-прежнему пишу,
потому что не могу
не писать»*

Людей, детство которых прошло в Крыму, отличает одна удивительная особенность. Познав фантастическую красоту природы, ее мощь, научившись, в результате, тонко отличать истинное изящество от картинности, они смотрят на мир совсем другими глазами. Поэт и писатель Анатолий Изотов из их числа, а его многочисленные путешествия по миру еще и сделали еще интересней эту особенность.

Судьба сама позаботилась о ярких приключениях в его жизни, и колесить по миру пришлось много, отчасти это было связано с его профессией геолога. Говорят, человек, отправившийся в далекий путь, уже никогда не вернется прежним. Именно поэтому с людьми путешествующими интересно разговаривать, таких авторов интересно читать, принимать исходящий поток информации – где-то там, в потаенных отделах уникального мозга хранится так много того, чего хочется познать нам, «простым смертным».

Спросим у самого писателя Анатолия Изотова о переплетении странствий, приключений и геологии в его жизни, и о том, как это повлияло на творчество.

Анатолий Александрович, вы так много путешествовали! Сначала обошли и объехали весь Крым, а, повзрослев, побывали в самых разных странах мира – как геолог и как путешественник. Нигерия и Чад в Африке, Западная Виржиния и Атланта в Америке, Вьетнам, Кампучия, Израиль, а еще долго жили в Центральной и Восточной Европе. Вы согласны, что странствия расширяют сознание? И как это отразилось на вашем творчестве?

– Странствия расширяют сознание, они углубляют наши знания о мире, в котором живем, раздвигают, как волшебные кулисы, его границы и приносят в душу захватывающие эмоции. Мои ощущения от первого открытия времен пятилетнего возраста, острота восприятия прекрасного жива до сих пор. Это было в мае 1945 года, когда я впервые оказался в весеннем крымском лесу. В одно мгновение передо мной вспыхнул мир буйной красоты, чудных звуков, диковинных птиц, ярких цветов, благовоний ландышей, пионов, трав, лесного ручья... Душа трепетала от восторга, от великого праздника; тело как будто бы находилось в сладостной невесомости; я купался в любви ко всему, что окружало меня, и одновременно уносился в неведомую высь. Возможно, звучит чересчур эмоционально, но это было именно так. Сейчас я называю это состояние – праздник жизни, который затем в моем случае преобразуется в праздник литературы.

Заметила, что геологию, свою профессию, вы любите не меньше, а может, даже и больше, чем творческую деятельность. Думаю, между этими сторонами жизни образовалась прочная взаимосвязь. И началось все именно с Крыма, с его красоты. Вы говорите: «Я обошел весь Крымский полуостров и убедился, что это самое прекрасное место на земле». А дальше по цепочке судьбы выстраивается хронология: Крым-геология-путешествия-литература. И все-таки: что такое для вас профессия и что литература?

– Эти два компонента, как жидкость в сообщающихся сосудах, постоянно перетекают друг в друга. Я не одно десятилетие проработал гидрогеологом, и все эти годы ходил на работу, как на праздник, потому что это была захватывающе интересная и действительно творческая работа. И чем больше я был загружен этой работой, тем больше писал, потому что сочинение литературных произведений является для меня высшим мерилom творчества.

Вы пишете с юности, это и стихи, и проза, рано стали публиковаться. Но знаю, что за годы, пока работали на закрытом предприятии, накапливалось много неопубликованных произведений. Вы знали, что не сможете напечататься, но все равно писали?! Для вас творчество – необходимость, вы действительно просто не можете не писать?

– Да. Не могу! Но здесь есть нюансы:

Первый: я пишу для себя. Пишу так, что мне самому интересно читать свои произведения, а, значит, их публикация – это задача не первостепенной важности.

Второй: у меня много стихотворений и рассказов, которые никогда бы не прошли советскую цензуру. Например, в стихотворении «Новочеркасск, 2-го июня 1962 года» я говорю о расстреле демонстрации рабочих, вышедших на площадь в знак протеста против повышения цен на продукты и снижения оплаты труда. Я – очевидец этих событий. В стихотворении «Уч-Кудук-65» этот город представлен, как место принудительной работы заключенных. А повесть «Охота на Клеопатру» посвящена девушке, согласившейся за деньги «утешать» осужденных преступников, отбывающих суровое наказание на урановых рудниках.

Я жил в противоречивое время и прекрасно понимал, что открытое выступление с такими произведениями может повлечь неприятности в учебе, на работе и т.п. Но я хотел работать по специальности и все равно оставался патриотом своего Отечества. Иногда, максимально осторожно, мог озвучить свои крамольные произведения надежным друзьям. Они даже сложили песню на стихи «Уч-Кудук – 65» и исполняли ее на вечеринках среди своих.

Третий: я много писал, чаще в стихах, но и в прозе тоже, поздравлений, КВЭНовских приветствий, эпиграмм. Выступал на вечерах поэзии: с официальными и обычными стихами перед уч-кудукской, а потом и перед чешской аудиторией. Активно вел так называемую внешнеполитическую работу, непременно с литературным уклоном. То есть, я утолял литературный голод.

Не перестаю удивляться реалиям советского времени. Анатолий Александрович, «Верка» – роман, изданный недавно Интернациональным Союзом писателей, как раз к 60-летию драматических событий, которые случились в Венгрии осенью 1956 года. Описание восстания является кульминацией романа. Как

давно вы написали это произведение, и что толкнуло вас на его создание?

– Написал в 2008 году. Но задолго до этого ко мне стала сама собой приходиться информация от очевидцев и участников этих событий. Мне было 16 лет, когда разгорались венгерские страсти, у нас в школе много об этом говорили. И вот позже, в институте, я случайно знакомлюсь со студентами, которые получили ранения в боях на улицах мятежного Будапешта. Потом в Уч-Кудуке дружу с геофизиком Робертом Каримовым, служившим радистом, перегонявшим радиостанции РАФ к Генеральному штабу через Будапешт. С крыш домов и из окон в наших бойцов стреляли снайперы, летели гранаты, бутылки с зажигательной смесью... Моим шефом по работе в Уч-Кудуке был главный гидрогеолог Навоинского меткомбината Александр Величенко, который пережил эти события, находясь с семьей в мятежном Будапеште. Его сын тогда учился в той самой советской школе, из которой моя героиня выводила ребят. От него я и почерпнул основу сюжета о заложниках в школе. Этот список можно продолжить до бесконечности. А потом была проведена многолетняя работа по сбору фактического материала – я перешерстил все подшивки журнала «Огонек» с 1954г. по 1956г., «Правду», «Комсомольскую правду», «Известия», «Красную Звезду» за 1956 год, официальные отчеты и справки и совсем неофициальные брошюры и справочники.

Параллельно шел процесс познания винодельного производства, подготовки древесины для изготовления уникальных винных бочек в Массандровских подвалах. Эти подвалы я не только посещал, как турист, но и выполнял в них профессиональное обследование, как инженер-гидрогеолог. Я знакомился с винодельческими хозяйствами Южного берега Крыма и его северной территории, общался с виноделами, которые в пятидесятых годах принимали у себя венгерских коллег и сами ездили в Венгрию. Некоторые из них стали прототипами героев романа. Когда исторический, географический и культурный фон были готовы, начался процесс подборки героев и их размещение в этом пространстве. Это уже творческий процесс, который не поддается описанию, потому что складывается из интуиции, воображения и того, что называется в современной астрофизике темной энергией и темной материей.

Вера, главная героиня романа, тоже считает, что Крым – «это самое прекрасное место на земле». Как часто ваши герои озвучивают мысли и чувства своего автора?

– Почти всегда.

Признаюсь, «Веркой» я зачиталась – история сама по себе необычная и изложена невероятно увлекательно. Из тех книг, которые хочется читать и читать, укутавшись в плед, вечером на веранде с чашкой чего-нибудь вкусного. Главная идея произведения останется неизменной и четко прослеживается, и при этом пути героев непредсказуемы, а читатель пребывает каждую минуту в тонусе, захваченный развитием увлекательного сюжета. Как у вас это получается?

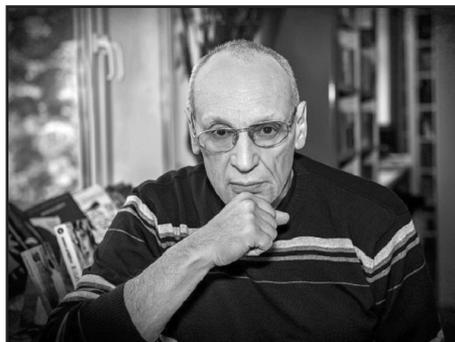
– Кропотливый труд и ответственность перед собой. Я шлифую стиль, оттачиваю слог, я довожу произведение до такого уровня, чтобы его было интересно читать, прежде всего, мне самому.

Впервые сталкиваюсь с такой авторской позицией, интересно. Напоследок позволю себе личный вопрос. С приятным удивлением обнаружила, что у нас с вами много общего – в географическом смысле. Мое детство тоже прошло в Крыму, мне отрадно было читать, как вы восторгаетесь полуостровом, как красочно его описываете, и полностью разделяю ваши чувства! Потом узнала, что мы с вами из одного города и работаете вы в НИУ БелГУ, в университете, который я окончила. Может быть, у вас есть произведения, посвященные моему любимому Белгороду?!

– Я написал стихотворение: «Я люблю тебя, Белый город!».

Счастливым человеком удивительной эпохи.

Саша Кругосветов о жизни, работе, творчестве

Лев Яковлевич Лапкин – человек с сильным, звучным именем, волевым лицом, исполинским телосложением, крепким русским духом и счастливой, даже удивительной судьбой. Мы знаем его как Сашу Кругосветова – автора, писателя из Санкт-Петербурга. Редкая возможность – пообщаться с человеком, вышедшим из сложной, перестроечной, закрытой, местами невыносимой для жизни послевоенной эпохи. При этом – вполне счастливого, морально здорового и душевно богатого, кажется, навечно открытого новому.

Так ли это – узнаем, у «Российского Колокола» появилась возможность узнать Сашу Кругосветова еще немного ближе.

А потому, предвкушая занимательную беседу, не мешало бы познакомиться с творчеством автора и его заслугами. Самым удачным для этого способом оказалось автобиографическая книга писателя «Живите в России». Она повествует о жизни, творчестве, карьере, приключениях, спорте, любви, еще о политических событиях страны: знакомит читателей с реальностью, а местами и маразмами советской власти. Вся жизнь, насыщенная, фонтанирующая событиями – здесь, в этой книге.

Наверное, Вам тысячу раз задавали этот вопрос, и все же прошу повториться для тех, кто, как и я, незнаком с этой историей. Почему Кругосветов, и зачем вы «заменяли» ваше красивое, такое редкое имя Лев, простым, но сильным Саша?

– Я начинал свой путь в литературе с детских книг: «Большие дети моря», «Киты и люди», «Архипелаг Блуждающих огней». Это книги о приключениях русского мореплавателя капитана Александра, совершившего несколько кругосветных путешествий на парусном корабле «Быстрые паруса». Всего книг – пять, они вошли в изданный недавно четырехтомник «Путешествия капитана Александра». Вместе с этими книгами появился и псевдоним Саша Кругосветов. Появились сайт, Живой Журнал, появилось много рецензий и отзывов. Сейчас я пишу не только для детской аудитории, но псевдоним продолжает жить собственной жизнью. Воображаемый автор Саша Кругосветов превратился в персонажа, детали биографии которого во многом отличаются от биографии и жизни Льва Лапкина.

Лев Яковлевич, читаю Вас и не перестаю удивляться – сколько энергии, сколько жажды самопознания, самообразования, сколько счастья и удовлетворения от прожитой жизни! Вы с этим родились, росли, выросли. Думаете, эта положительная энергия – она от родителей, – ведь они были счастливыми людьми, счастливыми друг с другом в первую очередь?!

– Конечно, родители, их очень непростая, но все же счастливая жизнь – они именно так ее и воспринимали – были для меня примером любви, верности, оптимизма, самопожертвования, тихого, некрикливого героизма. Но источником моих жизненных порывов и устремлений была также и очень сложная, временами трагическая история жизни моей страны, история ее побед и поражений, свидетелем и участником которых мне довелось стать на протяжении, как я писал, «ста лет в России». Я хотел жить в нашей стране, жить «на полную катушку», вот и получилось: как хотел, так и жил. Рай или ад, они существуют не где-нибудь в Аиде. Мы уже сейчас живем в раю или в аду, в том мире, который мы ищем и который каждый день строим собственными руками каждым своим поступком, словом, намерением. Я жил в раю. Этим раем была для меня Россия. «Ни к чему, ни к чему, ни к чему полуночные бденья и мечты, что проснешься в каком-нибудь веке другом. Время? Время дано. Это не подлежит обсуждению. Подлежишь обсуждению ты, разместившийся в нем», – писал Наум Коржавин.

Тяжело было быть ребенком, молодым человеком, мужчиной в том поствоенном пространстве? Думаете детям, рожденным в 21 веке, – проще, лучше?

– Я не думал о том, тяжелая жизнь выпала мне и моим современникам или легкая. Мы воспринимали жизнь такой, какая она есть. У детей, родившихся в 21 веке свои проблемы. Разве жизнь в России стала беспроблемной? А есть ли такая страна, и было ли такое время, где нет и не было проблем? Разве мало проблем в процветающей Европе, в богатом арабском мире, в Новом Свете? «Блажен, кто смолodu был молод, блажен, кто вовремя созрел, кто постепенно жизни холод с годами вытерпеть умел». С возрастом и опытом дается понимание, что такое «жизни холод», и что этот холод не заморозит настоящую жизнь и горячее биение чистого сердца.

В ранней молодости вам посчастливилось встречаться, общаться, дружить с большим количеством людей, которые впоследствии достигли серьезных карьерных высот – народные артисты, режиссеры, дирижеры, актеры. Почти каждый из Вашего круга стал известен или достиг карьерного успеха. Скажите, Петербург что, средоточие будущих звезд? Или это случайное, но счастливое стечение обстоятельств, собравшее столько талантливых людей где-то в одно время и в каком-то одном месте?

– Это были не только артисты, поэты, это были и блестящие организаторы производства, звезды науки, инженеры. В шестидесятые был общий подъем общества – космонавтика, ядерная энергетика, электроника. Мы были полны надежд и веры в будущее. Потому во всех областях человеческой деятельности и появилось так много «матерых» людей, людей самого крупного человеческого калибра. А что за люди были вокруг! Рабочие, инженеры, люди самых высоких человеческих качеств. Везде вокруг я встречал потрясающие образцы человеческой открытости, доброты, таланта, самопожертвования. И сейчас встречаю. Не только в шестидесятые. Каждый находит именно то, что он хочет найти. «Ищите, и обрящете, толщите (стучите), и отверзется».

Я ребенок 80-х, даже не помню, что нам в школе рассказывали о 50-х, 60-х, 70-х. Это всегда преподносилось с политической точки зрения, которая как-то тяжело давалась и уж точно не вызывала интереса. В университете преподаватели вещали историю через личную оценку, она у всех была разная. «Живите в России» стала

каким-то приятным открытием: Вас легко читать, интересно узнать страну, быт, людей Вашими глазами. Думается, что именно так непринужденно нужно знакомить молодежь с эпохами расцвета советской власти, застоя, перестройки, холодной войны и прочим, прочим. Однако – как вам удалось сохранить эту легкость восприятия действительности, в некотором смысле, даже отстраненность?

– Мне запомнились слова Шри-Кришны из Бхагаватгиты, обращенные к воину Арджуне перед великим сражением, в котором падут многие достойные. Черный Кришна рекомендовал найти в себе воина и послать его сражаться, чтобы тот исполнил свой долг. А самому встать на высоком холме и наблюдать за сражением. Надо делать все возможное на своем месте и не чувствовать себя привязанным к результату. Довериться результату, исход сражения судьбе, своим ангелам, провидению, быть свободным от результата. Я всегда искал внутренней свободы, не снимая с себя обязанности исполнения долга. Возможно, это во многих случаях удалось. Но, к сожалению, не всегда.

Умение искать и находить – оно ведь Вам присуще. Как на деле происходит в Вашей жизни: Вы подчинены потоку событий, новым творческим течениям, политическим изменениям или наоборот, подстраиваете ситуацию под себя, делая ее комфортной; берете информацию в оборот и делаете ее заложницей собственных интеллектуальных, творческих исканий?

– Трудно ответить на ваш вопрос. Надо в каждом жизненном эпизоде стараться быть максимально искренним, не изменять самому себе. А если сомневаешься, как поступить, будь внимателен, твои ангелы – хранители дадут подсказку, помогут найти правильное решение.

Вы верите в современную литературу? Молодых авторов? Новые, смешанные литературные жанры?

– Литература так же неисчерпаема, как и человек. Мне не нравится, когда говорят: постмодернизм – конец литературы. Формы, возможно, исчерпаемы. Но содержание... Литература будет жить и развиваться, пока живет и развивается человек. Мы не знаем пределов наших возможностей. Каждый из нас – Вселенная. Если Иисус мог жить в теле человека, значит, человек так же сложен, как Бог. Человек создан по образу и подобию. Каждый из нас безграничен. А литература –

наш спутник, зеркало внутреннего мира человека. Будет литература будущего, постбудущего, постпостбудущего... Наверное, будут и новые жанры. Но жанр – это второстепенное. Главное – это содержание литературы. В 21 веке появятся новые Маяковские, Есенины, Платоновы, Булгаковы, Кафки, Маркесы. Они, наверное, и сейчас уже есть. Но мы о них пока не знаем. А может быть, знаем, но... «лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии». Никто не думал, что маргинальные латиноамериканцы станут Борхесами, Маркесами, Кортасарами. Забыты популярные Аверченки и Дорошевичи, может быть, также уйдут и забудутся суперпопулярные Кинг, Роулинг, Браун, Коэльо, а в памяти потомков останутся совсем другие имена, кто знает. Но эти новые имена обязательно будут.

На Вашем официальном сайте посредством занимательного тестирования узнала, что я «романтичный капитан», который дорожит настоящей дружбой и людьми, которые рядом. Это правда, ничто не может быть дороже близких. А какой Вы капитан для своих друзей и людей, что рядом?

– Я думаю, близкие и друзья видят во мне, прежде всего, надежную опору, человека, для которого в первую очередь – дело, а потом уже слово. Хотя для меня лично слово имеет огромное значение. «Вначале было Слово».

Заметила одну Вашу авторскую особенность – Вы всегда подбираете сильный синонимичный ряд к описываемому явлению или человеку. Может показаться, что перебор в количестве, но нет – каждое слово, синоним, из такой характеристики уместен. Почему не ограничиться двумя-тремя словами вместо пяти-шести однородных членов? Какой-то авторский прием?

– Каноны хорошего литературного стиля требуют использования минимального количества определений, рекомендуют вообще отказаться, например, от наречий. Я с этим абсолютно согласен. Но истина всегда конкретна. Иногда не следует бояться нарушать правила, если это дает хороший результат. Мерилом качества в работе писателя будут мысли и эмоции читателя. Конечный итог – нравится ли читателю книга, заставила ли она заново задуматься об известных вроде фактах и явлениях, всколыхнула ли новые чувства, пробежали ли мурашки по спине. Пусть о результатах моей работы судит читатель и вы, критики.

Лев Яковлевич, Вы любите свою страну, болеете за нее, верите в ее силу и благополучие. Что скажите новым людям о России? Может быть, просто сказать: «Живите в России»?

– У наших любимых много недостатков. Мы знаем о них, но любим, любим беззаветно со всеми их достоинствами и недостатками. Принимаем их такими, каковы они есть. Также и родная страна. Любите свою страну, живите с ней, примите с ней и радость побед, и горечь поражений. Придет время, вы вспомните свою жизнь и ни о чем не пожалеете, как не пожалели наши отцы и деды. Просто – живите в России.

Злата Якушова

*Автор
«без купюр».
Андрей
Шаргородский
и его многочислен-
ные откровения*

В его творчестве полно откровений, он не стесняется называть вещи своими именами и уж точно не боится сказать то, что думает. В его произведениях мы находим то, что обычно вуалируют, стараются прикрыть завесой из хитросплетенных предложений, порой взрывая мозг читателю аналогиями, метафорами, синонимами. А зачем? Хотите вкусить настоящей литературы, желаете правды «без купюр» – читайте Андрея Шаргородского.

Иногда его книги – провокация, дерзость, но он нужен современной литературе как автор, властвующий над словом, без штампов, без цензуры. Однако литература нужна и ему самому – ведь взамен на откровения она дала ему признание, почитание, многочисленные номинации, грамоты, медали, победы.

Однако прелюдия затягивается, вашему вниманию – автор собственной персоной, готовый ответить на все наши вопросы.

Андрей Вадимович, вы творчески отличились еще в 6 классе, когда первоклассно перевели «Лорелей» Гёте, да так, что его в местной газете напечатали. Что потом произошло? Почувствовали в себе потенциал?

– Скорее всего потенциал во мне почувствовали мои близкие, знакомые, учителя. Меня стали приглашать на школьные «капустники», КВН, был создан вокально-инструментальный ансамбль, где я стал солистом. Начались выступления, поездки, фестивали. Я стал писать песни. Меня приняли в Малую Академию наук на факультет журналистики. Однако, как показало время, это была всего лишь «проба пера», период поиска себя.

Значит вот, что значит проснуться знаменитым! Я так понимаю, что в литературе стремительный карьерный взлет начался с 2010 года? Награды, медали, статуэтки, признания на конкурсах – одно за другим. Такой успех! Считаете себя талантливым или измеряете успех через отзывы читателей и победы на конкурсах?

– За последние годы у меня сложилось впечатление, что отзывы читателей, особенно на литературных интернет-сайтах, бывают не совсем объективны, ввиду различных причин. Поэтому я больше доверяю победам на конкурсах и фестивалях, где тебя всё-таки оценивают профессионалы. Хотя изначальное «задание» моих произведений – донести до людей то, что служит идеалам добра и любви.

Вот уж где не стоит искать объективности, так это в интернете, согласна. Андрей Вадимович, в серии «Современники и классики» вышла Ваша книга «Начнем с конца», где и проза, и поэзия. В 2016 году она признана лучшей в этой серии. Однако рассказы, как и стихи, несколько эклектичны по отношению друг другу. Они... разные. Ваш литературный стиль меняется с годами? Или вы подчинены перу, потоку мысли?

– Конечно, подчинён. Я никогда не пишу по заданной теме или специально для чего-то. Перо подсказывает, поток мысли подхватывает, а муза вдохновляет. Иначе, по-моему, и быть не может.

Вы больше писатель или поэт?

– Ещё два года назад я бы с уверенностью сказал, что поэт. Однако ситуация вокруг нас меняется так стремительно, что донести мысли и правду до людей лучше получается прозой. Хотя творческий оргазм от

рождённого произведения в стихах не сравнить ни с чем, потому что только поэзия может приоткрыть интимную сторону души автора.

Понимаю. «Только Бог всему судья» – очень необычная история, опасная, поучительная. Тяжело было жить с этой правдой? Это она вас убедила в том, что на все есть воля Божья, и лучше жить честно, ведь шальные деньги не приносят счастья? Расскажите эту историю своим внукам?

– Да, это реальная история из моей жизни, которую я и решил написать, чтобы о ней узнали, в том числе, и мои внуки. До тех пор, пока не написал об этом, тяжесть на душе была. Я верующий человек и считаю, что жить нужно честно и благородно, несмотря ни на что.

Уважительная позиция, солидарна! «На фоне буйного, в умах, гей-помешательства» – это ваше поэтическое откровение поразило, кратко, ёмко, сильно и отлично сказано. Согласна, что «проблема» (а по-другому ЭТО не назовешь) обретает масштаб массовой истерии. Что-то типа: «с женщинами не получается, попробую на другом фронте и зайду с тыла». Что думаете о будущем «гей-помешательства» – проблема будет расти, или здравый смысл возобладает? А может, у Вас есть готовое решение, что делать, чтобы убрать новые поколения?

– В преддверии фестиваля «Роскон-2016», где я присутствовал в качестве почётного участника, я написал по этому поводу доклад, в котором призывал всех творческих людей начать масштабную программу борьбы с этим злом. Идеи трансгуманизма, которые призваны уничтожить нашу цивилизацию, продолжают жить и развиваться. Об этом, кстати, написано в романе «Начнём с конца». Я убеждён, что эти извращения, которые не признаёт настоящая церковь (имеется в виду православие), не имеют права на существование. Задача писателей и поэтов современности категорически отрицать эту гадость и воспевать настоящую, естественную любовь. Оборачиваясь в прошлые века, я с благодарностью вспоминаю то, что было создано великими деятелями искусства в деле воспитания молодёжи в духе уважительного и трепетного отношения к женщине, любви и естественных интимных отношений.

Нет ничего естественнее и прекраснее «натуральной» любви, крепкого союза между мужчиной и женщиной. Еще очень впечат-

ляют ваши заголовки! С неймингом у Вас полный порядок! Я думаю это одна из сильнейших Ваших авторских черт. Как долго вы рождаете заголовок?

– Иногда, как в случае с романом «Спермотоксикоз», заголовок приходит на ум первый, и только потом рождается произведение. Кстати, именно из-за этого заголовка, вторая книга в серии «Современники и Классики» до сих пор не увидела свет. Многие магазины отказались принимать её с таким заголовком в продажу. Пришлось менять название на «Сарказм фортуны», хотя аудиокнига вышла в продажу с названием «Спермотоксикоз» без проблем. В основном, конечно, заголовки приходят на ум после многократного прочтения готового произведения.

Ваш стихотворный стиль немного напоминает Маяковского, только лайт-версия, – сильно, как топором машете. Вас часто с кем-нибудь сравнивают в творчестве или вы один такой неповторимый?!

– Меня часто сравнивают с уважаемыми поэтами, однако я, конечно же, понимаю, что это творчество прочтённых мной классиков, отложило отпечаток на мои произведения. Сам я не задумываюсь о похожести, я просто пишу от души.

Всегда немного завидую людям, у которых больше двух детей. Вы оставите после себя целый клан людей, все они – часть Вас, творческая или техническая половина своего отца. Кто-то из детей проявляет интерес к писательской, поэтической деятельности? И что они думают о Вашем творчестве, иногда провокационном?

– Да, мой старший сын пишет стихи, однако «без фанатизма», как я. Он сначала скептически относился к моему творчеству, но после прочтения «Начнём с конца» всё поменялось. Остальные дети относятся ко всему этому спокойно, уважительно поздравляя с очередным успехом или книгой. В последнее время, по праздникам, в тостах-пожеланиях от них всё чаще звучит: «Желаем дальнейших творческих успехов».

Андрей Шаргородский – человек откровенный, верующий, принципиальный. Его произведения эклектичны, но каждое наполнено сакральным смыслом. Еще раз убедилась – он нужен современной литературе так же, как и она ему.

Голоса провинции

Российский
КОЛОКОЛ

Александр Малышев

Малышев Александр Константинович, родился 10 ноября 1948 года в городе Калининграде. Образование – высшее. В 1979 году закончил историко-филологический факультет Калининградского государственного университета.

Женат, имею двоих детей (сын - 1972 г.р. и дочь 1978 г.р.).

Литературный жанр – поэзия и проза.

Общественная деятельность:

Председатель правления Калининградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (Балтийская писательская организация) с 2016 года.

Член общественного совета при Калининградской областной думе.

Член Рыбхозяйственного совета при Правительстве Калининградской области.

Член областного совета ветеранов труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Председатель совета Калининградской общественной организации «Союз ветеранов рыбной промышленности».

Почетный работник рыбной промышленности Калининградской области.

Победитель конкурса-фестиваля «Тёркинские чтения» 2015 год в номинации «Поэзия».

Обладатель Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Традиция».

Награждён медалями «Ветеран труда», «За заслуги перед Калининградской областью», знаком «Почетный работник рыбной промышленности Калининградской области».

Парус

*«...Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..»*
М.Ю. Лермонтов «Парус»

Строки этого стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова я помню с детских лет.

Ещё до того, как на уроке литературы наша учительница Мария Петровна начала знакомить нас с творчеством великого русского поэта, я, будучи маленьким мальчиком, запомнил слова песни, которую часто пел мой отец, подыгрывая себе на гитаре. Слушая отца, я представлял себе море и где-то там, вдали, у кромки горизонта одинокий белеющий парус. Картина с подобным сюжетом висела на стене нашей комнаты в коммунальной квартире. У отца, очевидно, был талант живописца. Когда он возвращался с очередного рейса из Атлантики, то часто в свободное время писал картины масляными красками. Я наблюдал за тем, как он работал, но долго стоять на одном месте по складу характера я не мог, поэтому убежал во двор, где играл с ребятами. Может, поэтому из меня и не вышел художник. Отец раздаривал свои картины соседям и знакомым и только эту одну с белеющим парусом оставил себе. Может быть, с тех пор море незаметно вошло в мою жизнь, и вместе с морем в моём сердце навсегда поселилась поэзия Лермонтова. Как же давно это было...

Стихотворение «Парус» мне почему-то вспомнилось именно сейчас, когда я увидел далеко впереди, по левому борту нашего судна, как мне показалось, похожий на парус плавник отдыхающего у поверхности воды кита. На нашем судне, принадлежащем частной мозамбикской компании, было всего два судоводителя – я, как старпом, и капитан. Мы несли с ним вахту по очереди, сменяя друг друга через каждые шесть часов. В тот момент, когда я заметил у кромки горизонта белый клин над водой, прошло только два часа моей вахты. Почему он привлек моё внимание, я до сих пор не знаю. Здесь, возле побережья Мозамбика, где наше судно вело промысел креветки, было много горбатых китов и больших и маленьких. Они часто проплывали мимо нашего судна, подныривали под него, словно играя с нами в какую-то им одним известную игру. Я изменил немного курс судна, чтобы поближе пройти с тралом и убедиться, что это именно кит, а не яхта или лодка местных рыбаков. По мере наше-

го сближения начал усиливаться ветер, и ещё совсем недавно спокойная гладь Индийского океана начала покрываться сначала белыми барашками, и уже вскоре невысокие встречные волны стали раскачивать судно. Порывы ветра, дуящего со стороны берега и согретого жаром пустыни Калахари, выносили далеко в океан множество бабочек и мелких птичек, и многие из них, устав сопротивляться воздушному потоку, сидели для отдыха на нашу палубу и леерное ограждение верхнего мостика, украшая их своей расцветкой как живой мозаикой. Это дуновение раскалённого ветра, по местным приметам, предвещало наступление шторма. Нужно было срочно успеть выбрать трал, пока позволяла погода. Я бросил взгляд в сторону отдохавшего, как мне издали показалось, кита и не увидел белого плавника. Куда он делся? – подумал я. Словно неведомая сила вновь и вновь привлекала меня смотреть в сторону того места, где он до этого находился.

– Может быть, я увижу водяной фонтан, который мне подарит на прощание кит? – подумал я.

Но вместо него вдалеке вспыхнул другой фонтан – красный, огненный свет фальшфейера. Такие сигналы на море могут подавать только терпящие бедствие моряки для привлечения к себе внимания, для оказания помощи. «Тревога», – пронеслось у меня в голове. Срочно сообщив капитану обстановку, я дал команду: «Вира трал!» Примерно сорок минут потребовалось нам, чтобы трал с уловом оказался на борту. Там на горизонте солнце уже коснулось своим жёлтым боком поверхности океана и начало опускаться сквозь серую тучу в воду. Для моряков это плохая примета – жди бури.

«Что ищет он в краю далёком?» – вспомнил я строчку из стихотворения. И в этот момент, словно пробив тучу, золотые солнечные лучи в последний раз осветили океан и рыбацкую лодку, и всех нас, находящихся в рулевой рубке.

Наше судно шло полным ходом. Крепчающий ветер и встречные волны сильно мешали продвижению к цели. Капитан вызвал в рубку боцмана, чтобы проинструктировать, как будет происходить операция по спасению терпящих бедствие. Расстояние до цели сокращалось, но с наступлением темноты обстановка усложнилась. Включив прожектор, мы направили его луч в сторону предполагаемого нахождения лодки и отчётливо увидели двух темнокожих рыбаков, которые начали призывно размахивать руками и что-то кричать нам, но их крик сносило порывами ветра. Описав циркуляцию вокруг лодки, чтобы сбить волну, судно легло в дрейф, прикрыв её своим бортом

от волн. Мне казалось, что время остановилось. Каждая секунда была дорога. Наше судно медленно приближалось к перепуганным людям. Уже стало возможно разглядеть даже их лица. Один был пожилой худощавый мужчина, а другой – молодой парень. Мне почему-то подумалось, а не отец ли это с сыном? Что могло приключиться с ними, и почему они оказались так далеко от берега? Эти мысли беспокоили меня. Когда лодка и наше судно соприкоснулись бортами, молодой рыбак выждал момент, чтобы лодку приподняло на волне, и она оказалась почти на уровне нашего фальшборта, ловко подпрыгнул и руками крепко ухватился за планширь. Наши моряки подхватили его под руки и перетянули через фальшборт на палубу. Пожилой рыбак покидать лодку не спешил. Он стоял в ней, держа в руке трос, который был закреплён за специальные рымы в носу и корме. Это было устройство для подъёма лодки. Невозможно было не понять желания рыбака сохранить её. Мне было достаточно взглянуть на капитана, чтобы угадать его мысли.

– Давай! – эта команда капитана, прозвучавшая словно выстрел, настигла меня в тот момент, когда я уже быстро спускался по трапу на промысловую палубу.

Не успел я подойти к фальшборту, возле которого стоял спасенный рыбак, как тот на почти чистом русском языке стал сбивчиво объяснять мне, что отец ни за что не покинет лодку и нужно спасти её.

Медлить было нельзя. Мы вывели грузовую стрелу за борт. Старый рыбак подцепил гаком трос, после чего я дал команду лебёдчику начинать подъём. Мы подняли лодку с рыбаком немного выше фальшборта и лишь после того, как вернули стрелу на прежнее место, опустили лодку на палубу. Вот так, к всеобщей нашей радости, отец с сыном были спасены. Оставить лодку на откуп стихии мы не могли, так как знали, что это старое плавучее средство помогало выживать семье рыбаков. Спасённый молодой рыбак начал рассказывать мне о том, что с ними произошло. Я узнал, что почти два дня, после того как у них вышел из строя подвесной мотор, течение уносило лодку в океан. Они установили мачту и подняли парус. Но ветра не было, и они уже начали терять всякую надежду на спасение. И только несколько часов назад, когда задул ветер, появилась возможность маневрировать. Но ветер крепчал, и старая мачта, не выдержав нагрузки, обломилась. Когда я увидел далеко вдали ваш траулер, то мысленно стал молить всех святых, чтобы произошло чудо, и траулер повернул в нашу сторону.

– Так вот почему пропал из виду тот белый клин, – понял я и решил посмотреть, что делает старый рыбак. И в тот момент, когда я повернулся в его сторону, он оказался рядом со мной. Тяжёлая ладонь легла на моё плечо.

– Спасибо, товариш, – как-то гортанно произнёс старый рыбак.

В этих двух словах и скупых слезах, застывших в его глазах, была и боль, и радость, и душевная благодарность. Мы крепко пожали друг другу руки, и он долго не выпускал мою ладонь. Человек, повидавший на своём веку много страданий, глядя мне в глаза, ещё несколько раз повторил: «Спасибо, товариш».

«Спасибо, товарищ», как и сигнал «СОС» знают моряки во всём мире. За долгую рыбацкую жизнь мне не раз приходилось слышать эти два простых русских слова. Их произносили с акцентом моряки разных стран, у берегов которых мне пришлось рыбачить. Они стали символом человечности, бескорыстности и смелости русских моряков, готовых помочь всем, кто оказался в беде.

Лишь после того, как отец и сын поднялись со мной в рулевую рубку, капитан дал ход и начал разворачивать судно носом на волну, чтобы переждать шторм. Я спросил у сына рыбака, где он выучил русский язык. Оказалось, что он учился в моём родном городе Калининграде и закончил Балтийскую государственную академию рыболовного флота. Поэтому так хорошо говорит по-русски. Вот уже несколько лет он работает штурманом на судах частных африканских компаний. Приехав домой, чтобы провести отпуск, решил помочь отцу. Он ещё долго рассказывал нам о своей семье, а я смотрел в окно рубки, наблюдая как судно медленно взбирается на волну, а затем резко проваливаясь, ударяется форштевнем о воду, и брызги, сорванные ветром, летят навстречу судну и, словно слёзы стекают по стёклам. Я думал о том, что сегодня произошло и что бы могло случиться, если бы в своё время Михаил Юрьевич не написал стихотворение «Парус», и строки из него не вспомнил я, глядя на виднеющийся вдали белый клин над водой? Всё бы могло произойти по-иному. Но видно какая-то небесная сила заставила привлечь моё внимание к той стороне горизонта, где белел одинокий парус.

09.12.2014

Рыбачья память

*«Ты никогда не пересечёшь океан,
если не наберёшься смелости потерять из виду берег»*

Христофор Колумб

Передо мной лежит книга, название которой «Рыбная промышленность Калининградской области: страницы истории».

Открываю 16 страницу и читаю: «Рыбная промышленность Калининградской области создавалась в сложных и трудных условиях. Шёл 1945 год. Всего месяц назад отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Предстояло заново отстраивать жизнь, восстанавливать города и сёла, бороться с разрухой и голодом, стране как никогда нужны были рабочие руки, дел было, что называется, невпроворот. Но именно в это сложное время на территории бывшей восточно-прусской земли в середине 1945 года был создан Балтийский государственный рыбопромышленный трест (Балтгосрыбтрест) для организации работы по добыче рыбы, её обработки и сбыта. Основанием для организации треста послужило Постановление Государственного Комитета Обороны от 12 июня 1945 года №9052 и приказ по Наркомату рыбной промышленности СССР от 14 июня 1945 года № 205.»

Как неумолимо летит время. Вроде бы то, о чём я прочитал, было только вчера. А прошло уже 70 лет. Как быстро они пролетели. Вроде бы недавно калининградские рыбаки ежегодно добывали для страны до миллиона и более тысяч тонн рыбы, а китобойная флотилия «Юрий Долгорукий» до 180000 тонн китового мяса. В рыбной отрасли работало около 60000 человек, а на просторах Мирового океана только на калининградских судах ежедневно до 18000 высококлассных специалистов добывали, перерабатывали и транспортировали для страны живое серебро – рыбу. Тогда более 40 процентов общего объёма производства продукции области давала рыбная промышленность, обеспечивая потребность в рыбной продукции почти 30 миллионов населения Советского Союза.

И совсем мало осталось тех людей, которые стояли у истоков рождения промышленного рыболовства в нашей области.

Согласно Библии первым живым существом, которое на четвёртые сутки создал Бог на Земле, была рыба. Она же и стала основным продуктом питания советских людей в те далёкие послевоенные годы. Отгремели бои. Города и посёлки лежали в руинах, а земля хранила нераз-

рвавшие мины и снаряды. Нужно было возрождать промышленность, восстанавливать разрушенные и строить новые дома, одевать и кормить людей. Вот и сменили мой отец, прошедший две жестокие войны и вместе с ним такие же, бывшие воины, гимнастёрки и бушлаты на проалифенки и зюйдвестки. Первые калининградские рыбаки – это фронтовики. Сначала в составе бригад прибрежного лова рыбачили в заливах, а в 1948 году отправились в первую океаническую экспедицию. С 19 июня по сентябрь 1948 года в составе 11 судов, вели дрейфтерный лов у острова Исландия и добыли 91 тонну рыбы. Их труд положил начало освоению промысла в районе Северной Атлантики, а в дальнейшем и всего Мирового океана.

В последующих экспедициях все они на долгие месяцы, расставшись с семьями, уходили в далёкую штормовую Атлантику добывать и засаливать в бочках сельдь. Этот мирный труд оказался тяжёлым и опасным. Мой хороший знакомый, капитан дальнего плавания, Юрий Михайлович Смирнов подарил мне книгу: «Реквием рыболовным судам калининградского района». В ней описаны 39 случаев гибели судов. Может, было их и больше, но сохранились документы только об этих тридцати девяти за период с 1949 по 2007 годы. Каждая страница этой книги – трагедия людей. Вот одна из них:

«02.03.1949г. Малый рыболовный траулер МРТ-20 «Смелый» вёл лов трески в условиях штормового Балтийского моря. При дальнейшем усилении ветра и невозможности продолжить промысел, было принято решение следовать в укрытие – порт Пионерский. Ветер и волнение моря всё усиливались, судно стало плохо управляться и во время захода в порт ударилось о гидротехническое сооружение и затонуло».

Первая трагедия. Хорошо, что берег был совсем рядом и никто не погиб.

А далее следует скупая статистика, за которой судьбы более 209 семей.

И это только описанных в этой книге. А скольких рыбаков смыло за борт, сколько погибло при других обстоятельствах?

Многое меняется в нашей жизни. Время неумолимо. Некогда рыбацкий край, в котором девяти рыбакам было присвоено высокое звание Героя Социалистического труда, стали называть янтарным. Я не против этого названия, но хочу, чтобы наш край славился трудовыми успехами, а не полезными ископаемыми. Мы, старожилы, помним, как встречали в порту возвращавшиеся с промысла рыболовные суда. Каким праздником для города становилось возвращение китобойной

флотилии «Юрий Долгорукий». А «УЭЛ»? Все в нашем городе знали это рыбодобывающее предприятие, а об «уэловцах» ходили по городу легенды. Кто-то рассказывал, что они летали в Москву, чтобы побриться в столичной парикмахерской, а кто-то, как они разъезжали в такси по городу, а следом, другое такси возило их шляпы. Но это было на берегу, а в море на маленьком СРТ, точно таком, что стоит у причальной стенки возле знака «Пионерам океанического лова» в Калининграде, они страдали от качки и тоски по дому и той бесконечной работы, от которой порой валишься с ног, а конца ей, как и трёхкилометровому сетному порядку, всё нет и нет. Мне и самому пришлось работать на таких судах. В 18 лет я ушёл в первый рейс на СРТ 4235 «Боцман Бегичев», затем был второй рейсе на СРТ 4477 «Ижора». И так из рейса в рейс прошло 33 года работы на различных рыболовных судах, больших и маленьких, где я познал все тяготы рыбацкого труда, боль расставаний и радость встречи на родном берегу.

Многие калининградцы ещё помнят горы рыжей соли и запах рыбы в Морском рыбном порту, где у причалов в несколько бортов были пришвартованы рыболовные, транспортные суда и плавучие базы. Мы, старожилы, никогда не забудем проводы в последний путь погибших моряков РТМ «Тукан», Т/Х «Сырве», МРТК «Ладушкин». Их братские захоронения находятся на городском кладбище на улице Бассейной. Но нет могил у тех, кто ушёл навсегда в морскую пучину. Нет того места, куда родные и близкие друзья могли бы принести цветы и помянуть их.

У нас в Калининграде до сих пор не увековечена память о погибших в морях рыбаках, и это обидно. В Мурманске, Невельске, Лиенапе, Вентспилсе, Новороссийске, Петропавловске-Камчатском, в Норвежском городе Олесун, в Великобритании в порту Глостер, в Голландском Схевенингене – да разве перечислишь все города и страны, в которых установлены памятники всем, не вернувшимся с морей. Калининград, наверно, остался одним из европейских городов, который не увековечил память о погибших в морях рыбаках. При одной власти боялись огласки такого количества морских трагедий, при другой – делили рыболовный флот и береговые предприятия, оставив тех, кто всё создавал у разбитого корыта, без работы и общей собственности. Даже достойной пенсии лишили людей на старости лет.

Как говорится, чтобы уничтожить память – достаточно забыть. А я не хочу, чтобы забыли, поэтому и продолжаю то дело, начатое до меня, и буду использовать любые возможности, чтобы увековечить память погибших.

От лица Союза ветеранов рыбной промышленности, который возглавляю как председатель, я обратился за помощью к Народному художнику России, скульптору С.А. Щербакову. Он автор памятника русским воинам Первой Мировой войны, который установлен в нашем городе на Гвардейском проспекте. Откликнувшись на нашу просьбу, его творческий коллектив разработал макет памятника. Но нет пока места, где его можно установить, а у сегодняшних представителей власти, тех, к кому я обращался, на это нет ни средств, ни желания. Так вот постепенно мы и становимся «Иванами, не помнящими родства».

А я хочу, чтобы все мы помнили. Поэтому и написал:

Ветеранам войны, что прошли через все испытанья,
И дошли до Победы, теряя в атаках друзей,
Променявшим покой на рыбацкие наши скитанья
И ушедшим в пучину суровых, холодных морей.

Я хочу посвятить им свои благодарные строки,
Чтобы помнили мы, как прожили они на земле,
Оставляя потомкам на память простые уроки
О добре бескорыстном и ими повергнутом зле.

Ветераны войны, гимнастёрку сменив на тельняшку,
И на промысле сельди освоили дрефтерный лов,
Подставляя ветрам свою душу и грудь нараспашку,
Все невзгоды познав и не выронив жалобных слов.

Я хочу, чтобы здесь, где сливаются воды Преголи,
Монумент возвели рыбакам, не пришедшим с морей,
Вечной памяти знак, благодарности, гордости, боли,
И чтоб знали потомки, как Родина чтит сыновей!

Елена Шеремет

Шеремет Елена, председатель Ассоциации русских писателей Литвы. Автор двух поэтических сборников. Дипломант республиканских конкурсов поэзии. Публиковалась в международных изданиях Литвы, Латвии и России, периодических изданиях и сборниках поэзии в Литве. Редактор газеты АРПЛ «ВИЛЬ-НЯЛЕ». Активно занимается издательством книг, являясь составителем и редактором многих, в т.ч.

издания «МАПП. 5 лет в Литве», альманаха «ЛИТЕРА» и других.

Когда б поэзия звучала
В разлитой нежности романа,
Возможно, пушки б замолчали
И смерти не давали шанса...

Метаморфозы

Липы в платьях оттенков охры,
Палантином – ночное небо.
Сбросит осень наряды в небыль...
Силуэты плащей, намокших
От дождей и туманов росных,
Их заменят. И, на потребу
Меланхолии, серым крепом
Окантованы туч наброски
На осеннем холсте неброском...
Солнца золото, столь нелепо
На пейзаже, давно не летнем,
Застывает, как капля воска...
Так тепла осень просит слёзно,
Но не жаль ветру голых веток.
Под ногами лист, будто слепок
Прожитого... Метаморфозы.

Пятигорску

Недоступный и гордый,
Врезан чётко абрис
В неба синь: братья-горы
Будто бы обнялись.
Пахнет травами пряно
Из пяти – каждый склон,
Величавый Бештау –
Сдержан даже поклон.
Пятигорье родное,
Вольно дышится здесь,

И душе так привольно
От обычных чудес:
Деда дворик заветный,
Речь родная слышна,
Щедрых клумб многоцветье...
Церковь возведена,
Что в мятежном столетье
Стёрли с грешной земли,
Как святыню наследье
Люди вновь обрели.
Я стою с ними вместе –
В полдень слушать трезвон
На намоленном месте,
Ощущая родство
С милым сердцу разбегом
Улиц возраста икс,
С Цветника тихой негой
И радушием лиц,
Со святыми местами,
Что здесь помнят и чтут...
Этот город не в праве
Я предать – как мечту.

Маленькое счастье

Вдаль, по солнечной дорожке,
По волнам – за горизонт,
Чтоб увидеть, как ярило
Закрывает жёлтый зонт,
И, прищурившись немного,
Разметать лучи вокруг,
И самой себе в подмогу
Бросить для спасенья круг,
Чтоб с утра походкой юной –
Марш-бросок до маяка(!),
Из-под кепки взгляд зелёный
В неба синь, за облака,
Чтоб ветрище дул навстречу,

Отрезвляя от нытья,
Оказался бесконечным
Берег чтоб... Из забытья
Никогда б не возвращаться –
Море. Дюны. Сосны. Ты. –
Это маленькое счастье,
Как из юности мечты...

Я с тобой

Я с тобой – душой и в мыслях.
Мы разлучены нелепо –
Все реалии вне смысла,
Остаётся слать приветы...
И скучать... Когда же снова
Выпадет шанс – повидаться?..
С юностью, где по Дворцовой
Шлёпал дождик ленинградский!..

Заигралась весна

Обнажились с весной изъяны:
Захирели дороги за зиму.
От апрельского неба пьяны,
Не найдём пока верный азимут.
Луч прожектора-солнца ярок,
И невольно глаза прищурены,
Но лежит ещё снег – по факту:
Заигралась весна «де-юрова».
Это шутки природы, что ли?
Нарядившись в шубейку зимнюю,
Снегом мокрым пугать изволит
И пророчит апрелю схименье.
Но... ссутуленные сугробы
И синички – бесстрашным щебетом –
Вызволяют весну из окопа,
А над городом кружат лебеди!..

От обид

Души ранены –
Воля дадена
Тем словам, что способны убить...
«Автогенами»
Перерезана
Всепрощения тонкая нить.

Время позднее...
Тропкой звёздную
От обид возвращаюсь под «кров» –
Там свободна я:
Неба свод да я
И незрима, хранима любовь...

Вновь покров

Развела осень рыжий костёр,
Разгорится он непременно.
Потемнела гладь синих озёр,
Предвещая времён года смену.
Ярко-красный в палитру дождей
Ненавязчиво напросился,
И разбавил октябрьский коктейль
Поздний жёлтый – то цвет девясила.
Будто собраны вместе цвета
Богоматери Омофора,
Нерушима её красота,
И прикованы к ней наши взоры.
Вновь ПОКРОВ нам дарует октябрь,
Служит людям икона свято,
И во имя Её тропарь
К небесам устремлён, как когда-то.
Ты Заступницу на века
Пред Андреем представ в виденье,
Сердцу русскому так дорога
Верой в истинное спасенье.

И растворится разочарованье...

Испуганной синкопой билось сердце,
душа металась – никуда не деться
и не сойти с арены эшафота:
зал полон, обеспечен прессой, фото
посмело пересохших губ попытку –
застыть в улыбке – отразить. Как пытку
прервать... «За что?» – не главный из вопросов.
И неуютно сердцу, холодно: торосом
как будто придавило, но не насмерть –
так ощущал себя в пределах Зоны сталкер...
...Одних в судьбе, как мел с доски, стираем.
Иных на верность беды проверяют.
Друзья простят ошибки... Испытанья
осмыслены и пройдены достойно.
И рас-тво-рит-ся ра-зоча-ро-ванье,
как в «Рондо» Моцарта сфаль-шив-лен-на-я нота!

Усталость

Я устала от чувств, что заснули надолго.
Горько в горсть собирать от бывшего осколки...
Мир создам только мой: в нём вдвоём – я и море.
Подарю свою нежность бескрайним просторам!
Волн коснусь – вновь почувствую ласку и негу,
И надежда мелькнёт чайкой белой на небе...
Разметают ветра ревность, боль и обиды,
И отпустит меня образ Кариатиды.
Так захочется ласки твоей, а не моря...
И пойму: волны нежности рук твоих вторят.

Аты, баты...

«Аты, баты, шли солдаты»¹,
Гибли, жизни не щадя.
Это страшное когда-то

«Надо нам забыть», – твердят
Те, кто продал свою душу
За валюту – не за грош,
Божью заповедь нарушил,
А предательство и ложь
Почитая за основу,
Нам на блюде поднеся
Свастики рисунок новый,
Ад возносят к небесам.
Нет, не выйдет! – миллионы
День Победы свято чтут,
И бессмертных батальоны
По планете всей идут:
Не смирились, не поникли,
Шли под танки – грудь вперёд!..
Свята каждая могилка,
Память павших чтит народ...
Нарекла теперь Европа
Всех их «жертвами войны»,
Но её, кровавой, тропы
Героически сыны
Родины своей огромной
Одолели – как смогли!?!
Горе многомиллионно,
Безымянных – тьма могил...
Пропахали, прошагали,
Пробежали, проползли!
И не жертвой вовсе пали –
Заслонили полЗемли
От нашествия фашизма,
От безжалостной чумы.
Победили!!! Правим тризну
По героям и скорбим...
Свято чтим и помним подвиг
Наших дедов и отцов.
Стяг Победы не уроним –
На века ответ таков!

¹Фильм о подвиге солдат-пехотинцев в Великой Отечественной войне. В главной – своей последней в жизни роли – актёр, режиссёр, сценарист Леонид Быков.

Защищая Натали

*О, косоглазая Мадонна²,
Порой, как вольная луна
Из-под ресниц свой взгляд бездонный
Бросала, таинства полна.
Очарованием смущала,
Притягивала простотой,
Блестая грацией средь бала,
Всех покоряла чистотой...
Огончарован, очарован
Был Пушкин раз и навсегда!
Поэта выбор продиктован
Душою Натали – да, да!
И преданность, и пониманье,
Любовь её, как дар небес!
И – в письмах – мука расставаний...
И дети!.. Вдруг возник Дантес:
Как сети адовые – козни,
Порок и гнусность – западня.
Не грех – всего лишь несерьёзность:
Наташа слишком молода,
Чтоб в комплиментах, преклоненье,
Сиянье восхищённых глаз
Ей распознать предназначенье
Ухаживаний – мести зла.
Дуэль, мучения – пик терний!
Пророчество? Судьбы тропа?
Шептал: «Она безвинно терпит...» –
В своё бессмертье торопясь.
Что там интриг придворных эхо!..
«Тагильская находка» – спам!
А память тем не ставит вехи,
Кто имя Натали трепал.
Бессильна клевета, убога,
Но на века неразделим
Союз перед людьми и Богом –
Поэт и муза-Натали.*

² Курсивом выделены слова, обращённые Пушкиным к Натали.

Не спится

Поздний вечер... Не спится – вознеслась над привычным
и обыденным миром: остальное –вторично,
кроме строк о любви ничего не приемлю –
я парю в облаках – не желаю на землю!
И, купаясь в шелках неизбитых сюжетов,
обо всём забываю, вскрывая секреты...
Засыпаю с ЛЮБОВЬЮ... и себе дам зарок я:
Не позволю любви облачиться в лохмотья!

Рядом я

В смс ты назвал меня Крошкой
И Прелестницей самую лучшей
Величал. «Не натёрла ли ножки,
Не замёрзла ль? – спросил, и что скучно
Без меня, и тоскливо, и грустно,
И работать не в силах ты даже...
И гитара молчит, так, когда же
Я приеду, а то в душе пусто...
Неужели, родной мой, любимый,
Уезжать от тебя надо чаще,
Чтоб слова и нежнее, и слаще
Ты писал мне в ночи той постылой?! –
Я шепчу на французском прононсе:
«Рядом я, ты почувствуй, дотронься...»

Нет покоя

Нет покоя и сна, и бесплодны надежды –
Вся планета больна, ей не стать больше прежней:
Брат – на брата, и вмиг изувечены судьбы,
На извечный конфликт обрекли себя люди...
За развал той страны, коей очень гордилась,
Я несу часть вины, раз такое случилось.
Украина саднит, как глубокая рана, –

Сердце ноет, болит... День и ночь, непрестанно
Гибнут дети Земли: голод, войны, цунами...
И во всём «москали» виноваты?! Я – с вами:
Не в рядах МЧС, но душою я рядом,
Совесьть наперевес и открытость во взгляде.
То Чечня, Абакан, то Алжир и... в Самару,
То Ростов и Афган, Замбия... то в Иране,
Босния и Мали, то в Хорватию срочно,
И от Косово вмиг – в край мой Дальневосточный...
Наводнений кошмары, терактов бесчинства...
То завал, то пожар... Но в беде побратимство
Их, бесстрашных, ведёт в эпицентры крушений,
Под обстрелы и в ад – пекла землетрясений...
И Великой войны непосильное бремя
Вы, Европы сыны, вместе преодолели
С той страной, что теперь всем плечо подставляет,
Открывая вам дверь и обиды прощая.

Оголённый нерв

Памяти Владимира Высоцкого

Оголённый нерв, как струна,
Раскалённая до предела!
Если б только она могла –
Его голосом прохрипела б.
Оголённый нерв – как судьба
С занесённой над нею бритвой.
Приложилась ехидна-молва –
И бессильна пред ней молитва.
Оголённый нерв, как любовь,
Что связала Его с Колдуньей, –
Из миров иных – не из снов,
Где свобода сродни безумью.
Он звенел, как гитарный крик,
Не мольбой – напутствия фразой:
Оголённый нерв... Смертный миг,
Когда силы иссякли, разом.

Люблю

Ревность.
 Тоска.
 Одиночество.
 Любовь.
 Идолопоклонничество.
 Тревога.
 Сомнения.
 Стыд.
 Однообразие.
 Быт.
 Обида.
 Злость.
 Раздражение.
 Безысходность.
 Поражение.
 Скучаю.
 Надеюсь.
 Жду.
 Верю.
 Стерплю. –
 Люблю.

Морю

Ты – бескрайне, но тебя всегда мне мало.
 Ты – как жизнь порой – девятым валом
 Накрываешь с головой и в даль простора
 Манишь, отрезвляя шквалом, море...
 Я тоску к тебе развеять приезжала,
 Если на душе темно бывало,
 И под мерный плеск балтийского прибоя
 Разрешалось всё само собою –
 Как в песок вода, все огорченья:
 Каждый день у моря – день рожденья...

Жизни графика

Будь то палочки в тетрадке первоклашки
Иль полоски на морпеховской тельняшке,
Штрих-пунктир на чертеже студента,
На бумаге нотной знак мордента,
Плѐнка чѐрно-белого кино,
Свет дарящее в ночи окно,
Негра белозубая усмешка,
Тлеющая в печке головешка,
Домино иль клавиши рояля,
Бледное лицо из-под вуали,
В марте пашни чѐрно-белый гребешок,
У брюнета первый снежный волосок,
Чѐрточки заветные берѐзы,
Мима чудные метаморфозы,
Траурная лента, белая фата,
На снегу деревьев чѐрных нагота,
И театр теней, и шахматное поле –
Жизни графика. Прочерчены все роли.

Музыка

Вот затихает робкий шорох зала,
Уходят прочь проблемы бытия.
Я внемлю звукам чѐрного рояля:
Нет никого – есть музыка и я.
Как эти чудо-звуки возникают –
То трели птиц, то топот скакуна?
Их руки музыканта извлекают,
Душа его – поющая струна.
Манжеты белоснежные летают
Через ступени-клавиши – вверх-вниз,
А пальцы тщательно перебирают,
Как чѐтки – ни одну не пропустив.
Касание то бережно, то гневно,
Поверхностно, иль мощно, глубоко,
То нежно, трепетно – то слишком нервно:

То гром басов – то ввысь, до облаков!
И в звуках этих всё: улыбки, слёзы
И чистых отношений красота,
И беззащитность веточки мимозы,
Шум водопада, горя немота...
Аккорд последний. Руки замирают –
Так сложены у птицы два крыла.
Но музыка ещё парит, витает –
Я прикоснулась к ней... и ожила.

Георгины

Сентябрь. Царят на клумбах георгины –
В бордо и ярко-красный принаряжены,
В орнамент осени удачно ввязаны
И смотрят свысока, неотразимы,

Стройны, горды – почти картинны:
Игольчатые, пёстрые, кудрявые,
Огромные иль малыши, но самые
Выносливые... до поры рябины.

Мой апрель

Говорят, что склоны леса посинели –
Разбросал апрель подснежники от сердца.
Коротки пока и робки птичьи трели?
Скоро запоют, куда им деться!
Прогремела первая гроза, и
Дождь умыл намёки листьев – почки...
И омыл мне душу чистыми слезами:
Вспоминаю свой апрель – рождение дочки.

Литературные курсы

Российский
КОЛОКОЛ

Серезжа Фу

Серезжа Фу, родился в 1967 году и проживал до 14 лет в небольшом городке Сасово Рязанской области. В 1981 году семья переехала в город Рязань. Отучился 3 курса на историческом факультете Рязанского педагогического института. Затем два года службы в Советской армии. Учеба в Московском педагогическом университете. Аспирантура на кафедре истории Российского государства Российской академии госслужбы. Второе высшее образование по специальности «Системный аналитик» в той же академии. Работал на различных должностях в Министерстве по делам национальностей вплоть до момента его ликвидации. В настоящее время продолжает государственную службу в одном из федеральных государственных органов. Благополучно женат уже 25 лет. Имеет шесть детей и двоих внуков.

Господин Осветитель

*Чтобы было все понятно,
Надо жить начать обратно
И ходить гулять в леса,
Обрывая волоса*
А. Введенский

Стоял солнечный сентябрьский день. Не то чтобы он стоял как-то идеально прямо, по-молодому. Он уже начинал горбатиться и присаживаться к земле. Скорее всего, ему уже перевалило за сорок пять, и хвори неумолимо тянули его в темное и сырое забытье. Другими словами, день клонился к своему завершению.

По тихой зеленой улочке дачного поселка медленно шел, сутулясь, немолодой тощий, как жердь, человек в старомодном изношенном плаще и шляпе неопределённого цвета. Человек внимательно оглядывал окружающее пространство в тщетной попытке вместить в себя целиком яркие умиротворенные образы уходящей природы. Образы крутились, вертелись, падалились и ни в какую не хотели помещаться в запутанное и многоярусное сознание человека. Но человек этого словно и не замечал. Казалось, что он был наполнен этим величественным миром до самого верха, мир истекал у него из глаз и из кончиков длинных пальцев. На тонких губах мелькала довольная улыбка. В глубокой задумчивости человек каким-то особенным способом тербил свои большие уши, местами поросшие нежной растительностью, похожей на весенний мох в старом сосновом лесу.

Сегодня человек хорошо поработал на даче. Выкопал две грядки ядреного фиолетового чеснока. Собрал три корзины помидоров и ящик огурцов и закатал это богатство вместе с зеленью, листьями смородины, вишни и яблони в девять пузатых трехлитровых банок. От частых приседаний и наклонов у него болели ноги, и ныла спина. Он устал, но как-то без остервенения, по-хорошему.

Человек с самого рождения именовался Павлом Петровичем Гаврюшкиным и вел свой древний род от Ивана Здрысни-вон, отличавшегося от среднестатистического жителя позднего средневековья своим исключительным занудством и стремлением поведать что-то ценное окружающим. Отсюда и возникла столь необычная для тех мест морфологема в имени нашего героя.

Удивительно, но необычайная сила его занудства привела к тому, что к нашему времени Ивана Здрысни-вон знали два маститых академика,

специализирующихся на истории социальных и половых взаимоотношений во второй половине XV-го века на территории нынешней К...кой области с локализацией в ее юго-западной части. Иван Здрысни-вон остался в истории нашей страны благодаря проезду через те места Анны Васильевны – младшей дочери московского князя Василия Темного и одновременно жены рязанского князя Василия Ивановича. Боюсь, сейчас никто уже не сможет сказать, зачем это понесло уважаемую Анну Васильевну в те земли, но факт остается фактом, в 1471 году Иван Здрысни-вон попал под княжеский возок и покалечил себе ногу. Анна Васильевна, известная своим человеколюбием и строгим соблюдением русских гуманистических традиций, милостиво пожаловала Ивану петуха и два мешка проса. Просо и петуха быстро съели, но после этого случая Иван Здрысни-вон женился и наплодил множество потомков, о чем и имелась запись в виде двух строчек в хрониках правления обоих Василиев.

Исключительная любовь к чадородию стала визитной карточкой всех потомков Ивана. В течение многих столетий всем потомкам Ивана нашлось место и дело в обширном Российском государстве. Однако бурные и кровавые события XX века незаметно, как ржа, подточили многочисленный и прославленный род. К периоду «подъема с колен» и мнимой стабильности в XXI веке, Павел Петрович Гаврюшкин остался единственным представителем достопочтенного рода, о чем имел сугубое сокрушение и заботу.

Попытки устроить личную жизнь и передать эстафету своему потомству потерпели сокрушительное поражение. С течением времени, в нестандартном уме Павла Петровича родилась и стала укрепляться мысль о необходимости свершения великого деяния, мимо которого не смогли бы пройти летописцы эпохи. Павел Петрович искал великих свершений, как измученный путник ночлега, как магнит железяки, как свинья грязи.

Вы будете смеяться, но он-таки нашел то, что искал, и на чем смог оттянуться впоследствии в полной мере.

Находка, обнаруженная Павлом Петровичем в тот погожий сентябрьский денек, с точки зрения обывателя, ничего особенного из себя не представляла. Это был грязный камень размером с ладонь трехлетнего ребенка с острыми рваными краями. Каким образом Гаврюшкин что-то разглядел в этом куске неживой материи, остается загадкой для всех участников нашей истории. Неказистый камень, после очистки, оказался симпатичным темно-синим полупрозрачным кристаллом.

Павел Петрович, как хорошая гончая собака, забыв себя и окружающий мир, почувствовал скорую добычу. От переполнявших чувств руки его тряслись, в глазах проступили слезы. В попытках успокоить расшалившиеся нервы, Павел Петрович положил кристалл на пенек во дворе и пошел в дом налить себе чаю, но не удержался и с кружкой вышел на улицу, чтобы еще раз взглянуть на свою находку.

Уходящее солнце бросало свои прощальные лучи на мир. Еще несколько мгновений и зыбкая граница между живым и призрачным начнет стираться. Постепенно власть перейдет царству полутеней и невнятного шепота. Как прощальный привет краскам дня, выглядели удивительные отсветы уходящего солнца, преломленные через призму кристалла, найденного Гаврюшкиным. Казалось, что старый пень, расцвеченный всеми оттенками синего цвета, празднует веселый Новый год или свой юбилей, до того довольным и нарядным он выглядел.

Так и не тронутый Павлом Петровичем чай тоненькой струйкой стекал на землю. Не каждый день удастся увидеть цветущий синим огнем березовый пень. Вечером Гаврюшкин решил как-то отметить происшедшие с ним события. Неосознанно, откуда-то из воздуха соткалось ощущение необходимости прощания со старой жизнью и встречи с новой, еще непонятной, но уже вполне ощущаемой. Атрибутом встречи и прощания, как это нередко бывает в жизни, стала початая бутылка кизлярского коньяка.

Необходимо отметить, что после одного прискорбного случая Павел Петрович уже более года не потреблял ничего крепче кефира. Весной прошлого года группа актеров и технического персонала областного театра на протяжении двух недель традиционно колесила по Домам культуры области с шефской программой, включающей в себя показ трех актов Гамлета и чтение поэтических произведений. Гостеприимные хозяева считали своим долгом компенсировать командировочные неудобства, от души накормить и поднять бокалы за развитие искусства и здоровье русских артистов. Некоторые, слабые здоровьем, не выдерживали многочисленных возлияний и на время теряли творческую активность и человеческий вид. Зачастую, празднование вечером плавно перерастало в ночной беспредел, а затем в утреннюю поправку здоровья, тем самым завершая суточный круг на одной ноте.

Гаврюшкин к этому времени более десяти лет работал осветителем в театре и принимал непосредственное участие во всех без исключения этапах самовыражения областной труппы.

На предпоследнем представлении коллектив имел вид измочаленного отряда, ведущего длительные арьергардные бои с превосходящими силами противника. Чувствовался надлом. Актер Сусайков, играющий Гамлета, наотрез отказался выходить на сцену из-за внезапно возникшей у него боязни шевелить головой. Столь редкий вид фобии появился у известного актера после недельного запоя и угроз директора «оторвать у него голову и пришить ее к заднице».

Павлу Петровичу было поручено заполнить собой образовавшуюся брешь в уважаемом коллективе и попытаться с минимальными потерями быстро перевоплотиться в принца Датского.

«Вот он шанс. Такая возможность выпадает только один раз. Сколько раз я видел это во сне. И вот, на тебе, Паша, получай. На тебе. Это чудо!» – бормотал Гаврюшкин, меряя комнату страусиными шагами. В надежде унять дрожь в руках и убрать застрявший в горле комок, он несколько раз пропустил по рюмочке. Неуверенность и нервная дрожь бежали, сверкая пятками. К началу спектакля Павел Петрович пребывал в весьма приподнятом состоянии духа, близком к эйфории. В своих фантазиях он уже сыграл свою роль и теперь раздавал автографы и давал интервью ведущим изданиям.

Реальность – срамная девка капитализма – опять обманула. После первых слов Гамлета: «Я больше, чем племянник...», – на Павла Петровича навалилось странное оцепенение. Он вдруг не смог больше говорить, а только натужно мычал, страшно тараща помутневшие глаза на полупустой зал сельского клуба. Спектакль пришлось прекратить, заменив его поэтическими произведениями. У Павла Петровича диагностировали инсульт. В течение полугода он проходил лечение и заново учился разговаривать.

Вернемся к истории с находкой Павла Петровича необычного кристалла. На следующий день Гаврюшкин исполнял свои служебные обязанности в областном драматическом театре. В этот вечер давали пьесу современного популярного драматурга о вреде разорванных межличностных отношений, атомизации общественных субъектов, и о тщете всего сущего. В пьесе обильно присутствовала лексика на грани фола. Было много экспрессии, летящих слюней и резких жестов.

Световое оформление должно было соответствовать разворачивающейся фабуле событий. Спокойное, розовое в начале, оно сменялось чередованием желто-зеленого к концу первого акта и буйством всех цветов радуги в середине второго. Самый крупный прожектор в белом цветорежиме в критические моменты выхватывал выражения лиц и ха-

рактерные позы главных действующих лиц. Маленький метался по сцене, создавая атмосферу беспокойства и тревожности.

Все операции со светом Павел Петрович делал механически, без осознания своих действий. Пьеса ему не нравилась. Подготовку актеров и всех причастных к театральному действу он знал лучше, чем все вместе взятые папарацци областного города, умноженные надвое. В какой-то ответственный момент действия Павлу Петровичу стало невыносимо скучно. Он поднес найденный накануне кристалл к прожектору.

Главный герой пьесы в этот момент в косноязычной манере, свойственной выпускникам Шелкопрядного ПТУ пытался высказать свои чувства к пятикурснице МГИМО. Он что-то нудно бубнил о ее красоте. Она старательно делала вид, что не понимает, чего хочет от нее этот яркий представитель городских окраин. Для убедительности показа пропасти, разделяющей героев, драматург предусмотрел в этой сцене демонстрацию перцового баллончика, который героиня в нерешительности извлекла непонятно откуда. В качестве перцового в постановке использовался баллончик с лаком для волос, оставшийся после безвременной кончины Апполинаруи Тихоновны – вечной Офелии областного театра.

В этот момент свет от кристалла, преломленный в лучах мощного советского прожектора, попал на лица юного пролетария и элиты русской дипломатии. Оба героя вздрогнули, лица окаменели, немигающие, пустые глаза оглядели темный зал. Раздался громкий и властный мужской голос.

– Настаиваю на определении этого явления как базовой парадигмы к объективной субдоминанте, имманентной к данному виду познания. Только при таком определении возможно проникновение за пределы границ сущего. Всякий высказывающий отрицательное мнение в отношении объективной реальности подлежит рекультивации образа.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что голос исходил из уст пэтэушника. А так как он совершенно не гармонировал с образом паренька, то вначале весь зал был уверен, что это некий авторский текст, такая хитрая режиссерская находка в виде голоса бога-громовержца и уже приготовился аплодировать. Но тут прозвучал резкий женский голос, местами переходящий в визг.

– Ах ты, мерзкая червоточина мироздания. Как ты смеешь плодить это безвременное дерьмо в таких космических масштабах. Немедленно верни определение субдоминанты в когнитивную составляющую Праматери.

При поступлении требования в такой категоричной форме естественно поступил отказ в виде задумчиво повернувшейся в сторону головы героя и его уверенных слов:

– Никогда.

В ответ представитель элитного студенчества подпрыгнула, завизжала:

– На тебе, свинья, истину, – и стала поливать лаком на лицо несчастной жертве.

Раздался жуткий вой, напоминающий лучшие образы из произведений Стивена Кинга. Молодой человек, схватившись за лицо руками, катался по сцене и молотил разношенными ботинками во все стороны.

Люди за сценой, наконец-то, догадались закрыть занавес. Раздался гром аплодисментов. Таких оваций в скромном зале театра не было с 1909 года, когда на гастроли в К...ск приезжала труппа Малого театра с Александром Ивановичем Южиным в главных ролях.

Местная газета «Призыв», посвященная новостям культуры, на следующий день отозвалась в превосходных выражениях: «Такой правдивости образов, такому погружению в материал невозможно научить. Актеры, исполняющие в девяносто шестой раз эту пьесу, сумели найти новые, неповторимые краски и интонации, а сцену признания в любви Федора к капризной Виолетте сделали последней, включив в нее неземной диалог о пределе в отстаивании своей позиции и о всеобщей житейской муке, преломленной с позиций театрального неомошевизма».

Павел Петрович был уверен, что весь переполох в театре был вызван действием его кристалла. Он решил еще раз проверить его «функционал», на этот раз, зафиксировав все происходящее на смартфоне, бывшем у него в пользовании.

Павел Петрович с удовольствием поделился событиями последних дней с Юркой Гогенцоллерном, проживающим на первом этаже в его подъезде. Беды от него Гаврюшкин не ждал, а помощник ему в предстоящем мероприятии был необходим. Да к тому же и накопело. Павел Петрович понимал, надо было куда-нибудь скинуть накопившееся. Иначе крышка могла не выдержать и обжечь обладателя нутряным и не всегда приятным содержимым.

Лучшего партнера и собеседника, чем Гогенцоллерн трудно было найти. В меру туповатый, быстро все забывающий, имеющий неуверенные знания об окружающем мире. Ему можно было рассказывать одну и ту же историю с периодичностью в два дня и каждый раз получать эффект понимания и сочувствия. Павел Петрович специально прове-

рял это свойство Юрки на анекдотах. Если рассказывал один и тот же анекдот чаще одного раза в два дня Юрка со смущением замечал, что уже слышал этот анекдот. Если реже, Юрка хохотал, как в первый раз. При всей своей умственной скудности и телесной избыточности, был он очень добрым и отзывчивым на просьбы окружающих о помощи.

Вот, в одну из осенних суббот, на четвертом этаже гипермаркета возле прилавка Бургер-Кинга показалась ничем не примечательная пара клиентов.

Один – высокий, худой и лысоватый в изношенном плаще, был похож на отставного полковника. Другой – коренастый с обрюзглым брюхом, свисающим над ремнем, и длинными непромытыми волосами, распространял вокруг себя амбре пота и чеснока.

Заказывал и платил «полковник». Было куплено два двойных Воппера, Воппер Джунион, Кинг Букет, луковые кольца, мороженое-рожок и три пива «Старый мельник», светлое. Длинный взял себе Воппер Джунион и пиво. Все остальное досталось коротышке. Парочка села за ближайший столик, ничем не выделяясь из окружающей праздной публики, состоящей из подростков, «гостей столицы», отдыхающих вместе с возлюбленными, одной пожилой пары и подозрительной, агрессивной бабушки, снующей между столиками.

После завершения трапезы, худой достал из портфеля какой-то предмет и фонарик и передал это толстому, а сам со смартфоном отошел на несколько шагов от столика. Положив предмет на стол, толстый стал светить на него фонариком. Тонкий снимал происходящее на смартфон.

Через несколько секунд в едальном помещении раздалась бодряя мелодия киргизской народной песни «Айзеригин». Две приезжие девушки подхватили песню тонкими голосами и повели ее, покачивая плечами и делая плавные раскачивающие движения руками. Киргизские мужчины топали ногами и стучали стульями, не в силу совладать с охватившими их эмоциями. Мелодия разрасталась, как Великая Степь при наступлении Чингисхана. Маленький восточный мальчик плясал неизвестный танец, похожий на все танцы мира, исполняемые перед боем или инициацией. Часть еды и напитков оказалась на полу.

«Подозрительная бабуля» встала на колени и в эсхатологическом порыве невиданной силы с неистовством новообращенной клала поклоны с крестным знаменем и непередаваемыми в печати возгласами и причитаниями. По серому, изрезанному глубокими морщинами лицу, катились крупные несдерживаемые слезы.

Пожилая пара безмолвно застыла в углу. У мужчины в руке было куриное крылышко, так и не добравшееся до рта и беспомощно застывшее на половине пути. Женщина забыла о бумажном стакане с кофе, который в ненеурочный час оказался у нее в руках. Казалось, парализованное время застыло в этом углу заведения, и не было на свете силы, способной разморозить эти две замершие фигуры.

Группа подростков, не признающая в своей жизни никаких авторитетов, разинув рты, следила за происходящим. Некоторые из них блаженно улыбались, другие напряженно хмурились, безнадежно пытались понять логику событий. Один нервный юнец истерически хохотал и бил себя длинными руками по острым коленкам. А маленькая девушка, с большими карими глазами, в нескрываемом ужасе пыталась спрятаться за широкой спиной своего спутника-спортсмена.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Вся публика собралась вокруг стола с кристаллом. Пожилой человек с куриным крылышком, оказавшийся кандидатом технических наук и работавший доцентом в одном из ВуЗов Ку..ка, потребовал объяснений. Ошеломленный Гогенцолерн пожал плечами, всем своим видом показывая, что он тут не причём. Сзади всех спин и затылков пытался что-то сказать Павел Петрович. Все поняли, что он тут главный, и переключили внимание на него. Но тут, истово верующая бабуля перехватила инициативу и очень уверенно заявила, что знает, что произошло. По ее словам, выходило, что это Господь явил себя в этом кристалле. Что это Он проверяет людей для отделения овец от козлиц.

– Ну и кто это здесь козлице, – встрял в мирную беседу спортивный парень.

– Подожди сынок, видишь, здесь интеллигентные люди беседуют, быковать иди на улицу. Здесь без Высших сил не обошлось, – мирно, но опрометчиво заметил «доцент».

– Вот зоопарк, ты на кого дедуля баллоны бросил. Парень схватил «доцента» за обшарпанные лацканы его пиджака.

Религиозная бабуля завизжала:

– Вот они дети сатаны, уже среди нас. Бей их.

Посыпалась посуда. Раздались звуки падающих стульев и отодвигаемых столов. Все пришло в движение и закружилось в древнем русском танце, в котором не было ни правых, ни виноватых. А были только монады правды и справедливости.

Павел Петрович, вначале пытавшийся успокаивать и примирять распоясавшиеся стороны конфликта, после получения удара в район левого глаза, прекратил это безнадежное дело и тихонько отошел.

Впрочем, обошлось без видимых жертв, упавших не били. Пожилые и интеллигентные падали сами при небольшом изменении точки опоры. Ввиду отсутствия активного сопротивления, вскоре молодым стало неинтересно, и все прекратилось, будто кто-то нажал на выключатель.

Предчувствуя необходимость помощи в понимании событий в Бургер-Кинге, Гаврюшкин пригласил всех желающих прийти завтра к главному входу в Нескучный сад.

Как ни странно, пришли почти все, включая молодежь и представителей национальной диаспоры. Встретились как добрые, старые знакомые с шутками и добрыми подробностями о вчерашней потасовке. Со стороны казалось, что эти люди знают друг друга много лет и теперь спешат поделиться с окружающими самым веселым и важным из пережитого.

Среди собравшихся только «доцент» мог связать несколько предложений в целое для передачи своих мыслей и высказывания догадок. В начале его монолога гомонящая разношерстная толпа замолкла и задумалась.

«Доцент» в красках рассказывал о своих ночных интеллектуальных мучениях, о долгих безуспешных попытках разгадать, как он говорил: «Код экзальтации». До первых предрассветных лучей он пытался понять, что же произошло в помещении мировой жральни. По мере приближения к рассвету, он все более утверждался в мысли, что ему было доверено стать неслучайным свидетелем какого-то очень важного события. Ему понравилось это слово – «свидетель». Он повторял его про себя снова и снова. Он написал его на зеркале подвернувшейся под руку губной помадой жены.

Озарение произошло под рокот освобождавшегося желудка. Неожиданно в возбужденном сознании возникла сцена того, как «толстый» светил фонариком на какой-то камень. И вот нате, извольте получить, коль страждете. Осиян и озарен. Вот так и приходит «понимание сущего».

«Доцент» пустился в длинные и скучные рассуждения о свойствах световых волн с различной длиной. Внимательный и улыбчивый «киргиз» что-то даже пытался записывать в маленький, потрепанный блокнотик. По мнению ученого, посетители «Бургер Кинга» столкнулись с удивительным природным явлением, обусловленным характеристиками сверхкоротких волн, возникающих при преломлении интенсивного дневного света через кристалл очень редкого минерала – берилла остикусса. Остикусс имеет ярко-синюю окраску и встречается только в Египте. «Доцент» считал, что получаемые при преломлении сверхко-

роткие волны, входящие в физику в диапазон так называемых «космических волн», могут приводить при определенных условиях к изменению сознания у людей. Доцент распаялся все больше и больше. Он уже практически кричал, что он половину своей жизни потратил на поиск и изучение этих волн, что он по крохам собирал малейшие упоминания о них в истории. Он схватил за руку Гогелцолерна и кричал ему в лицо, брызгая слюной:

– Ты думал, монашество появилось в Египте просто так? Нет. Там вот такой камешек лежал где-нибудь около кельи и отражал солнечные лучи. А все губы-то раскатали. Прозорливец. Чудотворец! И львы-то у него из руки хлебушек кушают.

– Ну-ну, вот разошелся-то. Ты подожди, родимый, святых-то не надо вот так-то. Грязным языком в грязь кунать. Мнится мне, они и без берила святыми останутся. А ты в геенну пойдешь! – высказалась бабуля.

– Что-то ты, правда, Митя, не то говоришь. Вот к чему приводят бессонница и дурацкие книжки, – неожиданно поддержала бабулю супруга правдборца.

Гаврюшкин недовольно сморщился.

– Да подождите вы, женщины, на человека-то нападать, что-то в этом есть. По крайней мере, интересно. Можно встречаться, обсуждать.

Тут все загалдели, одобряя идею дальнейших встреч.

Юрка, не принимавший до этого в разговоре участия, а только тарачивший в изумлении свои невинные голубые глаза и надувавший круглый живот, не выдержал и, натужно крякнув, заметил:

– Так это, прям, какой-то кружок получается. Прям, Чегевары домощенные какие-то, да еще и с научным душком. Прикольно.

Стали встречаться каждую неделю по воскресеньям. Постепенно эти встречи стали заметным явлением в Нескучном саду. Приходили и осваивались в группе новые участники. «Доцент» написал и распечатал небольшим тиражом брошюрку о необыкновенных свойствах кристалла и своей путанной волновой теории связи Бога с человеком. Под руководством Бабули несколько новообращенных распространяли брошюру с подробными комментариями, как в современном мире избежать греха и не впасть в соблазн. В книге содержались и советы по сохранению здоровья. Неказистая брошюрка стоила четыреста девяносто три рубля. Обычно покупателю надоедало ждать сдачу, попутно выслушивая всякую ахинею, и книгу покупали за пятьсот. Замечено, что чаще всего деньги у продавца хранились очень далеко в закромах тела и мелких денег там, как правило, не было.

Некоторые советы были уникальны в своей парадоксальности. Большинство, так или иначе, были связаны со светом. Всем нравилось. По крайней мере, никто не приходил и не жаловался, что совет не работает. Ну, не каждый ведь способен сознаться себе и близким, что он полный лох, и его очередной раз обули.

Предлагалось, ярким солнечным днем, выйти на лесную поляну, стать лицом к солнцу, раскинуть руки, расставить ноги, и закинуть голову и войти в синхронизацию с солнечными лучами. Обещалась гармония с собой и окружающими. Если то же самое делать в ясную лунную ночь, то, по мысли «доцента», человек должен испытывать повышенную потребность в отстаивании правды и красоты. Для получения максимального эффекта настоятельно рекомендовалось использовать этот прием перед решающим разговором с руководителем высокого ранга.

Среди новообращенных был замечен один неряшливый молодой человек с большой кудрявой головой, который всегда держался особняком, никогда не разговаривал, но очень внимательно слушал всех. Оказалось, что это талантливый программист, который взялся распространять знания о свете во всемирной сети. Молодой человек очень увлекся учением и работал совершенно безвозмездно, не покладая рук.

Через два месяца учение стало набирать обороты в Интернете, подобно сетевому вирусу, пробивая большинство известных защит. Пошли разговоры о России не только, как о стране света, взрастившей провозвестников – Пушкина и Достоевского, но и показавшей миру дорогу покоя и красоты. К Гаврюшкину на консультации стали прибывать группы экзальтированных европейских пенсионеров. Казалось, что чудом, посредством каких-то заклинаний, на садовом участке Павла Петровича в короткий срок воздвиглось здание Центра Света. Здание заметно доминировало в скудном садовом товариществе «Березка» и было не лишено претензий на соответствие требований к современному арт-дизайну. Красиво, необычно, но совершенно непонятно, к чему бы это все приложить и как это правильно использовать.

Помимо желаний основателя его, все чаще за глаза стали называть – «Светозарный», «Светоч», «Светнашнавек». Гаврюшкин стеснялся, отнекивался, даже сердился и ругался. Ничего не помогало. Его возносили все выше и выше. Этому немало способствовало то, что за спиной у непрактичного бывшего осветителя драмтеатра было очень удобно устраивать разные мутные делишки, приносящие вполне материальные дивиденды. Все росло как на дрожжах: число последователей, доходы организации, рост влияния в мире и внутри страны. Местные власти, отметив неуклон-

ный рост, в том числе международного, туристического потока, впервые, со времен проезда приснопамятной Анны Васильевны, отремонтировали дорогу к садовому товариществу «Березка» и пустили дополнительные автобусные рейсы.

Местные, региональные и даже, страшно сказать, федеральные власти всячески поддерживали новорожденное «культурное явление». На центральном федеральном канале с завидной регулярностью крутился ролик о замечательных свойствах браслета, заряженного энергией кристалла Берилла Остикусса. В ролике согнувшийся рыжий мальчик с большим ранцем под проливным ливнем в сопровождении жуткого грома и молний на автобусной остановке находит чудесный браслет и в задумчивости берет его в маленькие дрожащие руки. Мгновенно дождь прекращается. Светит яркое солнце. На счастливом, с конопушками мальчишеском лице отражаются голубые отсветы неземной красоты. В следующей сцене увеличившийся в размере мальчик, с явно выраженными недобрыми намерениями преследует Бориса Грачевского и трясет перед камерой огромным кулачищем. Грачевский на бегу затравленно оглядывается и с одышкой, но весьма внятно произносит: «Все детишки. Достукались». Последний кадр – мощный мужской кулак с заряженным браслетом в замедленной съемке вдребезги разбивает аппетитный «Биг-Мак». В стороны летят крошки булочки, огурцы, салат и другие ингредиенты знаменитого иностранного продукта. Возникает, мерцающая и переливающаяся, огромная надпись: «Морок, расступись». В полной тишине звучит мощный голос Левитана: «Настало время настоящего. Не пусти».

По всем центральным каналам прокатились волны познавательных программ о свойствах минералов, в том числе, и о берилле. Больше всех, казалось, старалась «Russia Today», публикуя материалы, чуть ли не каждый день на английском, испанском, немецком и почему-то особенно на пушту. По оценкам кремлевских аналитиков авторитет страны на международной арене начал расти небывалыми темпами. Причем, самым замечательным свойством российской «мягкой силы» стало влияние среди части интеллектуальной элиты Запада.

Все было хорошо и даже слишком, как иногда выражался Павел Петрович. Время от времени он хандрил, вспоминал драмтеатр, сцену, стакан душистого «первача» на гастролях. Несмотря на множество помощников и последователей, умных и не очень, здоровых и не очень, и совсем, откровенно не здоровых, больных на голову индивидов, поговорить «по душам» Гаврюшкин мог только с Юрой Гогенцоллерном. Только он мог

выслушать без заискивания и ожидания возможных благ. Только он мог сказать правильные слова, после которых становилось легче, и «Светоч» продолжал светить или отсвечивать. Здесь уж, как кому нравится. Дело вкуса.

Что-то тревожное носилось в воздухе и вызревало до срока. Павел Петрович всеми своими остатками чувств, притупившимися от долгого использования в условиях успеха, ощущал неизбежность перемен.

Все изменилось 21 февраля. В этот день в известной поисковой программе Интернета в топе новостей раздела «Общество» прошла информация об обысках в офисе и по месту жительства руководителей общества «Света». Всех активных «светляков» арестовали «до выяснения обстоятельств».

Вечером в новостных программах промелькнули выразительные кадры растерянных немолодых лиц. Приставной столик, заполненный пухлыми, самодовольными пачками долларов и большой красно-зеленый попугай, почему-то прокричавший в камеру «Перррхушки». Из сообщения диктора стало известно, что почти всех арестованных отпустили, общество было признано иностранным агентом, и его деятельность запрещена на территории нашей страны...

Прошло шесть лет. Павлу Петровичу дали два года условно. Он вышел на пенсию и всеми корнями стал вращаться в свой приусадебный участок. Он сильно постарел и как-то слишком быстро потерял интерес ко всему, что не выходило за пределы его хозяйства. Встреть он сейчас какой-нибудь необычный камень, он бы даже не нагнулся. «Вот еще чего. Это же не луковица. Каменюк мне еще не хватало. На кой это нужно».

Гаврюшкин всеми своими силами пытался сохранить дряхлеющий «Центр Света», построенный впопыхах, без всяких нудных проектов и расчетов, из подручных материалов. Он явно проигрывал. Время брало свое. Все труднее было скрывать следы тлена, отвоевывавшего свое пространство у организованной материи.

Между тем, в силу неведомых причин, на просторах нашей Родины исподволь стала образовываться новая социальная страта. Нового в ней было, прежде всего, наличие энного количества лет, прожитых либо в погонах, либо в стенах конкретных органов власти. Эта очень небольшая и крайне циничная часть российского народонаселения вдруг сказочно разбогатела и стала крутить головой, открывая свой алчный острозубый рот в попытках пережевать и проглотить все окружающее пространство. К несчастью обитателей садового товарищества «Берез-

ка», один такой троглодит стал загребать своими погаными ручищами их территории и скупать участки по бросовым ценам.

Настал черед и Павла Петровича. В один из жарких июльских дней у его забора остановился бронированный гелендваген. Из него выкатилось сухощавое тельце в голубых зеркальных очках. Тонкие усики подчеркивали мужественность и бескомпромиссность. Вокруг «сухоща» бестолково толклись два битюка-охранника, придавая сцене элементы театрального комизма. Медленно двигая негнущимися ногами, по-страусинному он подошел к калитке и закричал:

– Петрович выходи, не бойся.

В дверном проеме показалась боязливая фигура Гаврюшкина.

– Петрович. Ты чо, прикидываешься? В самом деле не узнал, что ль? – произнесло холеное хозяйское тело, снимая очки.

– Не понял. Юрка? Это ты?

– Я, я, ну наконец-то. Я уж думал, что у тебя теперь вместо головы редиска выросла.

– Ну, проходи же, что это ты, как не родной. Ну и красавец ты стал. Ты что это таким крутобоким стал? Клад нашел?

– Щасс, Петрович. Я тут приготовился, – охранники внесли ящик напитков и несколько сумок с продуктами.

Оторопевший Гаврюшкин бегал по дому в бесплодной надежде организовать окружающее пространство в соответствии с распространённым мнением о нормах приличия. Он поднимал вещи с пола и бросал их на диван. Собирал и вынимал из углов грязные чашки, тарелки с засохшими кусками субстанции, некогда именовавшейся едой, гнутые вилки и без разбора кидал все это хозяйство в раковину. Различные емкости с окурками и пустые бутылки были предсказуемо отправлены в помоечный мешок.

Гогенцолерн стоял в проходе, скрестив руки, как Наполеон перед Аустерлицем. На лице мерцала торжествующая улыбка. Он и не думал протестовать в отношении беспомощного мельтешения Гаврюшкина. Наконец, Гогенцолерн очнулся. Пелена врубелевского Демона расступилась.

В следующие три часа Павел Петрович узнал, что вся история с чудодейственным кристаллом, с начала до конца, была спланирована и проведена сотрудниками одной уважаемой в узких кругах организации в целях поднятия ее престижа и завоевания симпатий креативного сообщества, в том числе и за рубежом. После проведения этой операции майор Звездюк, он же Юра Гогенцолерн, был стремительно повышен по службе и занял вполне уважаемое положение в структуре, позволившее

вскоре достойно уйти на покой и в свободной форме заниматься так называемым бизнесом.

Выяснились подробности о том, что злополучный кристалл был взят в запасниках музея минералогии и подброшен на дороге по пути предполагаемого следования Павла Петровича Гаврюшкина. Неадекватная реакция людей якобы на излучение кристалла на самом деле вызвана действием экспериментального прибора, вырабатывающего пси-волны. Прибор в нужный момент включал прикомандированный сотрудник, достигая эффекта «размороженного сознания», по поведенческим реакциям схожего с состоянием опьянения.

После трех часов возлияния, взаимных интимных признаний, путаных обвинений и плохо проговариваемых заверений в дружбе Гаврюшкин вдруг ослабел, пустил слезы с потоком бессвязных заклинаний. В какой-то момент он вдруг обрел устойчивость и неразборчивой кучей покатился в соседнюю комнату, и вернулся со своей старой берданкой. Майору хватило двух секунд для оценки ситуации и принятия ответных мер в виде короткого бокового удара справа. Гаврюшкин рухнул, как подкошенный, больше уже ничего не помня об окружающем мире и о себе. Сознание его улетело в мир, где было много любви, добра и красоты.

Остаток дней Павел Петрович провел на больничной кровати в элитном хосписе, в который его поместил и оплачивал все расходы Звездюк. В отчетах медицинские сотрудники сообщали, что пациенты ни в чем не нуждались и были по-своему вполне счастливы. Может, это и так. Мы это уже не узнаем.

Рецензии

Российский
КОЛОКОЛ

Злата Якушова

Посвящение в «Пикап»

В серии «Современники и классики», изданной Интернациональным Союзом писателей, вышла книга Елены Альмалибре «Сближение. Пикап». На первый взгляд может показаться, что это легкая история стремительно развивающегося романа двух молодых людей. Все же не спешите делать выводы.

Человека современного, чувственного, открытого ждет масса приятных откликов буквально с первых страниц книги. Роман «на эмоциях», острых ощущениях, на грани запретных увлечений и эксперимента над самим собой. А значит, это как раз та книга, наедине с которой читатель с удовольствием проведет время.

Автор предоставила читателю удивительную возможность спроецировать ситуацию на себя. Этого удалось достичь за счет детального и очень точного описания эмоций, чувств, касаний, взглядов своих персонажей.

Читатель-женщина почувствует глубоко внутри трепет, когда уверенный в себе Рафаэль впервые посмотрит в глаза Синди, улыбнется ей. А затем – негодование, когда провокация дерзкого красавца заденет самолюбие. Испытает томление, когда руки Стивена впервые коснутся ног Синди, чуть выше коленей. Где-то в подсознании читательница понимает, что Синди – это она сама, и тут уже каждая вольна сама выбирать, что и как ощущать, но пережить эту историю, безусловно, приятно.

А что же читатель-мужчина? Вполне возможно, что книга окажется в руках у молодого человека и тогда, поверьте, он узнает много интересного, в том числе поучится некоторым приемам грамотного обольщения женщин, манипуляции людьми. Пережить это приключение вполне в духе современного мужчины. Тем более, что любовное приключение вдруг оказывается детективом с довольно серьезным сюжетом. Ведь «клуб пикаперов» – совсем не то общество, за которое оно себя выдает.

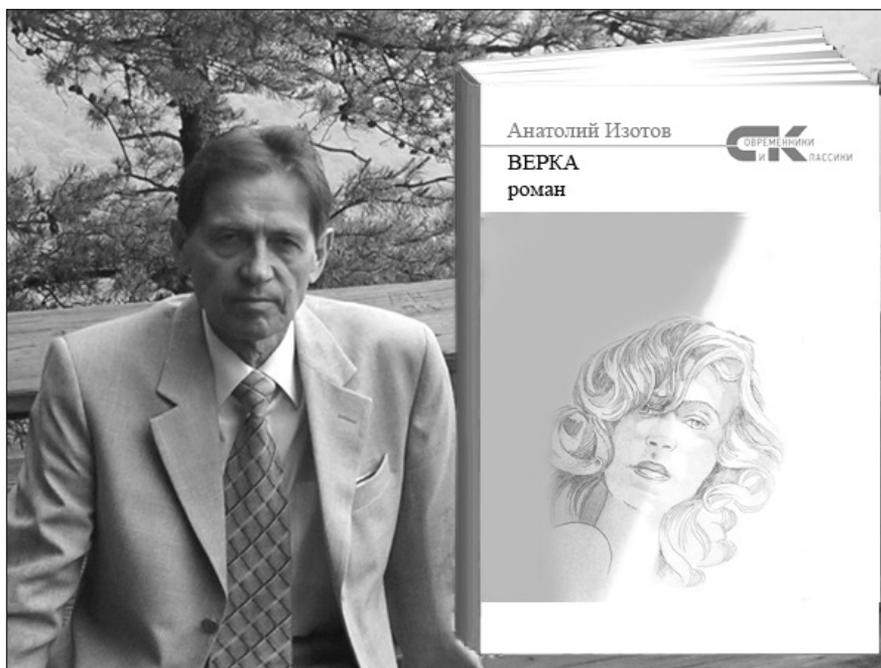
Резюме: история насыщена событиями, переживаниями, чувственными моментами – все это доставляет читателю настоящее удовольствие от чтения. На мой взгляд, автор выполнила свою задачу, сумев перенести на бумагу острый сюжет и создав нужный эмоциональный фон для читателя.

С Верой в счастливое будущее

2016 год ознаменует следующий, на этот раз 60-летний рубеж произошедших драматических событий в Венгрии, связанных со свержением социалистического строя. К этому событию приурочен выпуск романа Анатолия Изотова в трех частях – «Верка», переизданный в новом формате Интернациональным Союзом писателей. Кульминацией произведения как раз и стали трагические события осенью 1956 г.

Но, пока до этого далеко, и читателя ждет знакомство с главной героиней книги, Верой. Волею судьбы и собственных чувств она становится вынужденной участницей событий в Венгрии. К этому приведет длинная цепочка хитросплетений судьбы. А пока она молодая, очень красивая, раскрепощенная воровка, отсидевшая, впрочем, срок в колонии строгого режима, родившая в тюрьме ребенка, досрочно освобожденная и почти сразу похоронившая свое первое дитя.

Она становится на путь исправления, в корне меняет жизнь: учится, становится талантливым технологом-виноделом, быстро взлетает по

карьерной лестнице, встречает свою любовь, выходит замуж, попадает в интеллигентную семью и рождает еще одного ребенка, мальчика Колю.

Но неблагоприятное прошлое неотступно следует за ней, ведь в Советском Союзе ничто не забывается. Отголоски сталинских репрессий прочно засели в системе, не давая шанса реабилитироваться в глазах общества таким, как Верка. Умирает муж, неожиданная анонимка раскрывает о ней всю правду, с должности главного технолога на заводе токайских вин вынуждены «попросить», свекровь пытается лишить родительских прав, а тут еще невозможная любовь с мадьяром-венгром. А впрочем, колесо фортуны весьма переменчиво...

Когда читатель - косвенный участник происходящего

Роман подкупает своей детализацией. Здесь нужно отдать должное автору – столь живописное описание природных красот Крыма, Украины, Венгрии, встретишь нечасто, да еще и в одном произведении. Добавьте к этому насыщенную разными событиями жизнь Веры, постоянное добавление новых деталей, включение «временных» героев – это делает книгу очень увлекательной!

Особую ценность представляют «лирические отступления» – истории эпизодических персонажей, связанные с военными действиями в Великой Отечественной войне.

Так Ксения, главный технолог завода «Мадеры» в Ялте, ярко рассказывает об эвакуации бесценной коллекции вин: о грамотной стратегии капитана корабля, отразившего натиск немецких самолетов, не имея оружия на борту; о вынужденном скитании по чужим хранилищам и благополучном возвращении коллекции после войны.

Привлекает внимание история яркого персонажа Терентия Митрофановича, когда во время официального путешествия по Крыму с венграми делегация оказывается в гостях «на шашлыки» в его хозяйстве. Бывший разведчик подробно, с горечью рассказывает, как немцы уничтожили сразу почти весь их партизанский отряд, и как ему удалось уцелеть.

Очевидно, что автор провел титанические исследования, готовясь к написанию романа. Подробно описывается процесс виноделия, начиная от технологии выращивания винограда и заканчивая периодами «вызревания» вина и даже изготовления винных бочек. Красочное описание местностей говорит о том, что писатель бывал здесь. События 1956

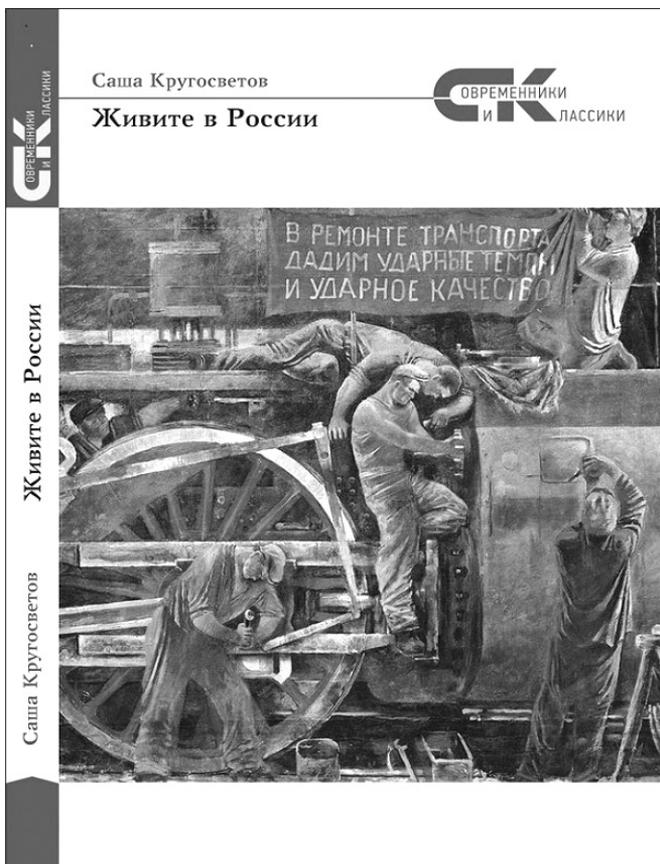
г и вовсе указывают на глубокое изучение политических причин происходящего и возможно личное участие автора в тех событиях.

Стиль развернутого повествования хорош тем, что полностью погружает читателя в сюжет, делая его заложником событий. Всплывающие в сознании картины, переживание за героев, проецирование ситуации на себя и поиск решения проблем – естественные чувства во время чтения романа «Верка». А это говорит о том, что писатель выполнил свою задачу, логично разложил и блестяще структурировал сюжет, окрасив яркими пейзажами и придав нужную интонацию происходящему.

Елена Васильева

Живите в России, это наша земля

Автор книги «**Живите в России**», писатель **Саша Кругосветов**, сказал: «Как это прекрасно — прожить в России такую длинную жизнь». Сакраментальность фразы в ее глубине, а на поверхности – очевидное

счастье, удовольствие от пережитого, удовлетворение жизнью. Это – прекрасная идея для книги, посвящение тем, кто живет в России и далеко за ее пределами.

«Живите в России» имеет два включения: первое – автобиографическое повествование «Сто лет в России»; второе – авторские заметки, написанные в диапазоне 12-14 гг., опубликованные в «Живом Журнале» автора (krugo_svetov.livejournal.com), в блогах «Эхо Москвы» и в журнале «Российский Колокол» (№№ 1—5, 2013).

Автобиографическая книга «Сто лет в России» охватывает четыре поколения семьи писателя, начиная с 30-х годов 20 века. Интересный авторский прием: повествование начинается несколькими, казалось бы, несвязанными друг с другом историями, которые затем сливаются в один лейтмотив – удивительную, насыщенную событиями жизнь Саши Кругосветова.

После прочтения первой части, наполненной гражданским смыслом, который, впрочем, каждый волен интерпретировать по-своему, плавно перейти ко второй части не получится. Публицистика, жизненные истории, разные ситуации, заметки, авторские мнения, актуальная проблематика – данное включение в книгу – эклектичное «собрание сочинений», где в отличие от первой биографической части, у читателя есть возможность поспорить.

В этой части книги найдется много интересного для человека, интересующегося жизнью страны, внутренней политикой, маразмами власть имущих. Здесь жизнь писателя все так же кипит, но касается она актуальных вопросов и как бы подтверждает – в России по-прежнему жить непросто, проблемы были и будут, а мы остаемся, и только от нас зависит – как к этому относиться, и что думать. Повествование «без купюр», и это не жалоба на страну, это констатация несостоятельности отдельных ее элементов, и такую позицию очень интересно «выслушать».

Цель написанного изложения – логично подвести читателя к мысли: жить в России замечательно, порой сложно, иногда невозможно, но нужно! Иначе кто, если не мы?!

Алена Вернер

*Преодолевая политическую боль,
любить Россию*

В серии «Современники и классики» Интернационального Союза писателей у **Андрея Шаргородского** вышла весьма неоднозначная книга «Начнем с конца». Эклектичность издания не только в стилистическом

разнообразии, целях и смыслах повествования, но и настроениях самого автора.

Объединяет все произведения поднимаемая в них проблематика – здесь и актуальные вопросы современности, как бы незатянувшиеся раны на теле России: внешнеэкономические связи, гомосексуальные волнения, маразмы политиков, бреши власти. Тут же и нравоучительные отголоски из прошлого: авторские воспоминания, житейские истории со смыслом.

Чувствуется волнение за Россию, но одновременно гордость и восхищение красотой, а еще уверенность в ее мощи: политической, оборонительной, ресурсной.

Все это отображено в прозе и в стихах. Так, первое, самое большое произведение – книга «Начнем с конца» в трех частях, каждая из которых сопровождается эффектным заголовком 18+, что вполне в духе повествования писателя. Яркое содержание соответствует заголовкам по стилю изложения, никакой «цензуры», и это безусловный плюс, говорит о довольно редком авторском качестве называть вещи своими именами.

И тем примечательнее, что уже следующее произведение в прозе – добрая, нравоучительная жизненная история. В стихах чувствуются порывы – эмоциональные, едва прикрытые рифмой личные и общественные вопросы. Сложив сказанное, добавлю: приятный бонус, что книга невероятно интересна для чтения. Очевидно, что писатель Андрей Шаргородский совсем не зря удостоен огромного количества наград, в том числе и за данную книгу.

